

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 4 2020 / ТОМ 26

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ /
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

СОВРЕМЕННЫЕ /
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА /
И СТРАТИФИКАЦИЯ
СОЦИУМА

ЗАМЕТКИ /
С РАБОЧЕГО СТОЛА

IN MEMORIAM /

ISSN 2308-829X

ISSN 2308-829X

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 4 / 2020

Том 26

DOI: 10.19181/2308829X-2020-4

Рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2020

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), руководитель Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политологии и Кафедры «ЮНЕСКО» по социальным и гуманитарным наукам, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра социологии религии и социокультурных процессов, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Заведующий редакцией

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Состав редакционной коллегии

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина (Москва, Россия).

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра партийно-политических исследований, Институт Европы РАН (Москва, Россия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН (Москва, Россия).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, директор центра государственно-частного партнерства, профессор кафедры управления проектами и программами, РАНХиГС (Москва, Россия).

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, профессор Кафедры социологии Факультета журналистики, МГИМО; профессор Кафедры общественных связей и медиаполитики Факультета журналистики, РАНХиГС (Москва, Россия).

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, Российская государственная специализированная академия искусств (Москва, Россия).

Орлова Ирина Борисовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии знания, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Орлова Ирина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, РАНХиГС (Москва, Россия).

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Объединенного центра социологии и экономики знания, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Пинчук Андрей Юрьевич, доктор политических наук, первый проректор, «Московский государственный технологический университет» «СТАНКИН» (Москва, Россия).

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, Воронежский филиал РАНХиГС (Воронеж, Россия).

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, председатель редакционного совета журнала «Социологические исследования», зав. кафедрой теории и истории социологии РГГУ (Москва, Россия).

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, генеральный директор, ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга» (Москва, Россия).

Иностранцы члены редакционной коллегии

Айгуль Забирова, доктор социологических наук, профессор, доцент кафедры социологии, Университет ОАЭ (Эль-Айн, ОАЭ).

Мацей Ковалевски, доктор философии, профессор, руководитель Института социологии, Щецинский университет (Польша).

Маркус Вакарелу, доктор философии, Национальная школа политических исследований и государственного управления (Румыния).

Миролjub Евтич, доктор философии, профессор, Факультет политических наук, Белградский университет (Сербия).

Фламиния Сакка, профессор, руководитель программы политических наук и международных отношений, Университет Тушии (Италия).

Вирендра Сингх, доктор философии, профессор, Центр исследований в области развития, Аллахабадский университет (Индия).

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий Кафедрой прикладной социологии Факультета социологии, Ереванский государственный университет (Армения).

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociological Sciences, Director of the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Head of the Center for Social and Socio-political Research ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Main researcher, Head of the Center for Political Science and the UNESCO Department of Social Sciences and Humanities ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Main Researcher of the Center for the Sociology of Religion and Socio-cultural Processes ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Center for Social Security and Risk Management ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Head of the Editor

Irina S. Shushpanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Social and Socio-political Research ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Members of the editorial Board

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Socio-political Technologies, National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Gubkin University) (Moscow, Russia).

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of the Center for Party and Political Studies, Institute of Europe RAS (Moscow, Russia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Science Chief of the Institute of Psychology RAS (Moscow, Russia).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief of the Center for Youth Sociology ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Sciences, Director of Centre for Public Private Partnership, Professor of the Department of Project and Programme Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia).

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Main Researcher of the Center for Social Security and Risk Management (Moscow, Russia).

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Department of Public Relations and Media Policy Faculty of Journalism, RANEPA (Moscow, Russia).

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Professor of The Russian State Specialized Academy of Arts (RSSAA) (Moscow, Russia).

Irina B. Orlova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Knowledge, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty) Lomonosov Moscow State University (MSU) (Moscow, Russia).

Irina V. Orlova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, RANEPA (Moscow, Russia).

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Joint Center for Sociology and Economics of Knowledge, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Andrey Y. Pinchuk, Doctor of Political Sciences, First Vice-Rector of the Moscow State University of Technology "STANKIN" (Moscow, Russia).

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociological Sciences, RANEPVA Voronezh branch (Voronezh, Russia).

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Research Department of the International Cooperation Issues, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Center for Social and Socio-political Research ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Main Researcher of ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Main Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Head of Department of History and Theory of Sociology, Russian State University for the Humanities (RSUH) (Moscow, Russia).

Vladimir I. Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Main Researcher of the Center for Youth Sociology ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophical Sciences, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

Foreign members of the editorial Board

Aigul Zabirova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Assistant professor, Sociology department, United Arab Emirates University (Al Ain, UAE).

Maciej Kowalewski, Ph.D., Professor, Head of the Institute of Sociology, University of Szczecin (Poland).

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, Lecturer, Counsellor of Rector and Vice-rector, National School of Political Studies and Public Administration (Romania).

Mirojub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, Political Science, University of Belgrade (Serbia).

Flaminia Sacca, professor of Political Sociology, head of the Political Science and International Relations Programme at Tuscia University (Italy).

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor of Globalization and Development Studies, Centre for Development Studies University of Allahabad (India).

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University (Yerevan, Armenia).

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Осадчая Г. И., Селезнёв И. А., Киреев Е. Ю.

Социальное время и историческая память о Великой Отечественной войне поколений Y и Z в государствах ЕАЭС и ОДКБ 8

Рубан Л. С., Ван Ци

Великая Победа и послевоенный миропорядок (от Лиги Наций к ООН) 30

Павлов Б. С., Пронина Е. И., Бердник Л. П., Икингрин Е. Н.

Российская молодёжь о Великой Отечественной войне и семье как духовных императивах российского гражданского общества 41

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гаджимурадова Г. И., Керимова С. Р.

Проекция миграционного кризиса в Европе на внутривнутриполитическую ситуацию в Испании 59

Печерица В. Ф.

К вопросу об «особенности» и «исключительности» Соединенных Штатов Америки 68

Берёзкина Е. Ю.

Интеграция итальянских популистских партий в политическую систему: участие в разработке избирательных законов 80

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

Илларионова Э. О.

Отличительные особенности слоя инноваторов в социально-стратификационной структуре российского общества: социологический анализ 88

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Плетнева Ю. Э.

Риски демографического развития в условиях пандемии 98

ЗАМЕТКИ С РАБОЧЕГО СТОЛА

Ставропольский Ю. В.

Психологические факторы международной миграции 117

IN MEMORIAM

Комаровский В. С.

Памяти Андрющенко Е. Г. 121

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2020

© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2020

Content

SOCIOLOGICAL DIMENSION OF HISTORICAL MEMORY

- Osadchaya G. I., Seleznev I. A., Kireev E. Y.*
Social time and the historical memory of the Great Patriotic War
of generations Y and Z in the EAEU and CSTO states 8
- Ruban L. S., Wong Qu*
The Great Victory and the post-war world order
(from the League of Nations to the UN) 30
- Pavlov B. S., Pronina E. I., Berdnik L. P., Ikingrin E. N.*
Russian youth about the Great Patriotic War and family
as spiritual imperatives of Russian civil society 41

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

- Gadzhimuradova G. I., Kerimova S. R.*
Projection of the migration crisis in Europe on the political situation in Spain 59
- Pecheritsa V. F.*
On «particularity» and «exceptionalism» of the United States of America 68
- Beryozkina E. Yu.*
Integration of Italian populist parties into the political system:
participation in the development of electoral laws 80

SOCIAL STRUCTURE AND STRATIFICATION OF SOCIETY

- Illarionova E. O.*
Distinctive markers of the layer of innovators
in the social-stratification structure of Russian society: sociological analysis 88
- Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu., Pletneva Ju. E.*
Risks of demographic development in a pandemic 98

DESKTOP NOTES

- Stavropolsky Ju. V.*
Psychological factors of international migration in Eurasia 117

IN MEMORIAM

- Komarovsky V. S.*
Andryushchenko E. G. 121

© ISPR FCTAS RAS, 2020
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2020

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

DOI 10.19181/2308829X-2020-4.1

УДК 316.346.36

Г. И. Осадчая, И. А. Селезнёв, Е. Ю. Киреев

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПОКОЛЕНИЙ Y И Z В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС И ОДКБ

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования социально-демографических процессов евразийской интеграции, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: osadchaya111@gmail.com

AutorID РИНЦ: 118648

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: igdrake@yandex.ru

AutorID РИНЦ: 74352

Киреев Егор Юрьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов евразийской интеграции, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры социологии, Российский государственный социальный университет (РГСУ) (Москва, Россия).

E-mail: yegorkireev@gmail.com

AutorID РИНЦ: 638340

Аннотация. В статье анализируются особенности формирования исторической памяти и ощущения социального времени у молодёжи стран, участвующих в евразийской интеграции. В статье проанализированы результаты социологического исследования, полученные с использованием метода глубинных интервью. Объект исследования – представители молодых поколений (поколения Y и Z) граждан государств, присоединившихся или намеревающихся присоединиться к таким объединениям как ЕАЭС, ОДКБ. Предметом исследования является восприятие социального времени анализируемыми социальными группами и их историческая память о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: социальное время, историческая память, Великая Отечественная война, поколение Y, поколение Z, ЕАЭС, ОДКБ, социологическое исследование

Для цитирования: *Осадчая Г. И., Селезнёв И. А., Киреев Е. Ю. Социальное время и историческая память о Великой Отечественной войне поколений Y и Z в государствах ЕАЭС и ОДКБ // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 8-29. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.1*

SOCIAL TIME AND THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF GENERATIONS Y AND Z IN THE EAEU AND CSTO STATES

Galina I. Osadchaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Research Department of Socio-Demographic Processes in the EAEU, Institute of Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: osadchaya111@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2597-9724

Web of Science ResearcherID: G-2163-2017

Scopus Author ID: 35737719800

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociological Science, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Social and Socio-political Research, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: igdrake@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2862-9444

Web of Science ResearcherID: J-8175-2018

Scopus Author ID: 57203573051

Egor Y. Kireev, Candidate of Sociological Science, Leading Researcher of the Research Department of Socio-Demographic Processes in the EAEU, IDR FCTAS RAS; Associate Professor of the Department of Sociology, Russian State Social University (RSSU) (Moscow, Russia).

E-mail: yegorkireev@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5441-0430

Web of Science ResearcherID: U-4398-2017

Abstract. The article analyzes the features of the formation of historical memory and a sense of social time among the youth of the countries participating in the Eurasian integration. The article is based on the data of a sociological study (qualitative comparative analysis of the results of in-depth interviews). The object of the study is representatives of young generations (the generations Y and Z) of citizens of States that have joined or intend to join such associations as the EEU and the CSTO. The subject of the study is the historical memory of these youth social groups about the Great Patriotic War, the general and the special in their perception of these historical events.

Keywords: social time, historical memory, great Patriotic war, generation Y, generation Z, EAEU, CSTO, sociological research

For citation: *Osadchaya G. I., Seleznev I. A., Kireev E. Y. (2020). Social time and the historical memory of the Great Patriotic war of generations Y and Z in the EAEU and CSTO states. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 8-29. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.1*

Социальное время и историческая память о Великой Отечественной войне. 2020 г. был ознаменован 75-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны. В государствах постсоветского пространства по-разному отмечалось это событие: в одних проводились торжественные мероприятия, в дру-

гих этот день не отмечался или отмечался гражданами неофициально.

Так, власти Латвии, Литвы, Эстонии с 1992 г. не считают этот день праздником, и он не является нерабочим. На Украине за последние 5 лет в условиях политики «десоветизации» и «декоммунизации» формат и содержание праздника изменены и искажены, термин «Великая Отечественная

война» не используется на практике, на символику Победы (красное Знамя Победы, «георгиевские» ленточки медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.») наложен фактический запрет, а сам праздник обрел, говоря философским языком, превращенные формы.

Праздник Победы в Великой Отечественной войне является официальным в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдове, России, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, а также в возникших на постсоветском пространстве непризнанных и частично признанных государствах – в Республике Абхазия, Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Нагорно-Карабахской Республике (Республике Арцах), Приднестровской Молдавской Республике, Республике Южная Осетия (Государстве Ала́ния) [1].

Но в условиях пандемии коронавируса во многих из этих стран были наложены ограничения на проведение массовых мероприятий в день 75-й годовщины Победы. Тем не менее, стоит отметить, что 9 мая 2020 г. прошли торжественные военные парады в столицах Белоруссии (Минск) и Туркменистана (Ашхабад). 24 июня 2020 г. в день годовщины Парада Победы 1945 г. был проведен масштабный парад на Красной площади в Москве, в котором наряду с воинами Вооруженных сил Российской Федерации приняли участие парадные расчеты воинских контингентов союзников России – Азербайджана, Армении, Беларуси, Индии, Казахстана, Киргизии, КНР, Молдовы, Монголии, Сербии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана [2].

Эти события еще раз подтвердили, насколько Праздник Победы важен для сохранения исторической идентичности и сохранения социальной памяти народа. Ведь в жизни человека присутствует не только календарное измерение времени, но и измерение социальное и историческое как часть социального времени. Под социальным временем понимается: 1) темп и ритм последовательности событий, характерных для определенного периода существования индивида, группы или общества; важнейшая форма и мера их существования; 2) универсалия культуры, выражающая сущность понимания времени конкретной социальной группой в конкретном обществе [3, с. 179]¹.

Социальное время субъективно, в отличие от календарного, оно способно растягиваться и сжиматься. Существует точка зрения, что определяющим для социального времени выступает конкретный тип моделирования социальных событий, относительно независимых от календарных периодичностей. К примеру, в теории Эмиля Дюргейма социальное время рассматривалось как выступающее в качестве социальной категории коллективное представление. Тогда в субъективном восприятии важные исторические события становятся вехами периодов и целых эпох, не совпадающих с периодами календарными. По утверждению Питирима Сорокина и Роберта Мертона «социальное время не непрерывно; его прерывают критически важные даты» [4]. Так, XIX столетие как социально-историческая эпоха продлилось с начала Великой французской революции (1789 г.) и до начала Первой мировой войны (1914 г.).

¹ Отюцкий Г. П. Время социальное // Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 179.

Точно также, в XX веке водоразделом новейшей эпохи стала Вторая мировая война. Собственно, мировым итогом победы над фашизмом и окончания войны стала новая система международного права и международных отношений (Ялтинско-Потсдамская). Отсюда берут исток такие глобальные институты, порожденные этой системой как Организация Объединенных наций, Международный билль о правах человека и т.п. [5, с. 145-146]. Но итогом Второй мировой войны стали и изменения в сознании людей по всему миру, почему эти институты и оказались востребованными к жизни. Подобные массовые изменения в сознании и породили дискурс Теодора Адорно, задававшегося вопросом о возможности поэзии после Освенцима и формулировавшего новый категорический императив: как нам мыслить и поступать таким образом, чтобы никогда в мире больше не произошло повторения Освенцима [6].

Победа во Второй мировой войне стоила таких колоссальных усилий и таких массовых жертв, что обозначила отсчет новой эпохи. Всё, что было до Победы, до войны и всё, что после. Мир в 1945 г. стал иным и собственное ощущение в мире у людей, познавших Победу, не могло быть прежним, тем, что до войны. Для народов Советского Союза Победа во Второй мировой (Великой Отечественной) войне стала не просто вехой социально-исторического времени, но точкой сборки национального сознания и коллективной воли. Так, социальное время до и после войны обрело разное качество. Как и люди 1940-х гг., герои, жертвы, свидетели, разделились на тех, кто дожил до и тех, кто не дожил. Они, познавшие 9 мая 1945 г. радость и триумф По-

беды, оказываются в новейшей эпохе вместе с последующими поколениями, помнящими о Победе.

Но социальное ощущение исторического времени зачастую отражается и на коллективном восприятии исторических событий. Предвоенный 1935 и победный 1945 годы разделяет календарное десятилетие, но в категориях социально-исторического времени их разделяет целая эпоха. И субъективно 1935 год оказывается, скорее, ближе к отдаленным событиям начала XX века, а 1945 – живым и актуальным и сегодня, в конце второго десятилетия XXI века [7, с. 107]². Социальное время является ключевым элементом формирования исторической памяти. Интересно, как социальное время исторических событий может достаточно субъективно трактоваться в той или иной общности. Хотя большинство исторических источников, в том числе «официальных» отечественных, связывают начало Второй мировой войны с 1 сентября 1939 г. с нападением Германии на Польшу и формальным объявлением войны со стороны Франции и Великобритании, но встречаются и иные трактовки. Так, известна точка зрения китайских обществоведов, относящих начало Второй мировой войны на июль 1937 г. Действительно, с инцидента на мосту Марко Поло началась японо-китайская война, открывшая театр военных действий Второй мировой войны на Дальнем Востоке. В Европе же в эти годы – Мюнхенский стовор 1938 г., позволивший Германии расчлени-

² Осадчая Г.И., Селезнёв И.А., Киреев Е.Ю., Черникова А.А., Вартанова М.Л. Великая Победа, историческое время и социальная память молодых поколений стран-участниц евразийской интеграции // Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты / Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. С. 107.

а затем при участии Польши оккупировать Чехословакию; попытки западных держав канализировать германскую агрессию в направлении СССР; гражданская война в Испании с интернациональным участием: военные контингенты фашистских Италии и Германии на одной стороне (франкисты), советские военные специалисты и добровольцы-интербригадовцы со всего мира – на другой (республиканцы). По словам историка культуры и искусствоведа М.С. Трофименкова: гражданская война в Испании 1936-1939 гг. *«была не просто первая война с фашизмом, но первая антифашистская война. <...> Это была мировая война в миниатюре. Не потому, что советские лётчики закрывали небо городов от «юнкеров», а танкисты утюжили берсеркеров. Их участие бесценно с военной точки зрения, но на войне символов далеко не всё решает техника. Сорок тысяч интербригадовцев пришли на защиту республики, чаще всего не имея военной подготовки. <...> Все вместе они придали войне уникальный характер – нравственный. Это была война культуры против варварства»* [8, с. 112-113]. Дыхание начавшейся мировой войны в те годы чувствовали все. И тогда более понятной становится внешняя политика СССР 1938-1941 гг., когда ощущалось приближение начавшегося на Востоке и на Западе мирового конфликта.

Но, в продолжение темы субъективного восприятия исторического времени в качестве курьёза стоит привести точку зрения, услышанную в одном из европейских университетов. Согласно их историографии, Вторая мировая война началась лишь в декабре 1941 г. со вступлением в войну США. Исходя из такой аме-

риканоцентричной позиции, только после Перл-Харбора приобрели мировой охват до этого «локальные» китайско-японская, британско-франко-германская, германско-югославская, советско-германская (Великая Отечественная) войны.

Такие парадоксальные трактовки зачастую могут свидетельствовать, как о субъективизме и политической ангажированности различных школ исторической науки, так и об определенной эластичности исторического времени. За последние годы мы столкнулись с настоящим информационным противоборством по поводу исторической правды о Второй мировой войне. Тут и «борьба с памятниками», и фальсификация исторических событий и попытки стереть память о Советском Союзе как державе-победительнице, вошедшей в число архитекторов послевоенного мира и разрушить связь между поколениями. Под предлогом «сохранения исторической памяти для будущего Европы» такие попытки фальсификации звучат как в заявлениях отдельных европейских политиков, так и в резолюции Европарламента. И «удобные модификации» историографии войны во многих странах встают в этот ряд [9].

Многие бывшие союзные республики объединены в ряд интеграционных инициатив: это и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [10, с. 18; 5, сс. 141, 143, 146]. И коллективная солидарность в сохранении исторической памяти и связи между поколениями, в противодействии фальсификациям истории Второй мировой войны может стать эффективным ответом. На саммите лидеров стран СНГ в Ашхабаде (октябрь 2019 г.)

было принято совместное обращение к народам мира, в котором осуждаются любые попытки фальсификации истории и искажения итогов Второй мировой войны [11]. Страны-участницы ОДКБ и ЕАЭС не только поддержали в ООН российский проект резолюции по борьбе с героизацией нацизма, но и стали ее соавторами [12].

Степень разработанности проблемы. В отечественной социологии присутствуют работы, посвященные рассмотрению памяти о Второй мировой войне и осмыслению Великой Победы как опорного символа истории России [13]; влиянию мифов и фальшивок на содержание исторической памяти о войне [14; 15]; связи социальной памяти о Победе с «позитивной исторической ответственностью» [16]; роли, которую играют в сохранении исторической памяти о войне структуры гражданского общества, наука [17], церковь [18]; анализу эволюции массового сознания молодежи по отношению к таким понятиям, как «героизм», «самопожертвование во имя Родины», «сохранение памяти о подвигах в Великой Отечественной войне», складывавшихся годами нравственных ценностей народа [19].

Что касается постсоветских государств то, к примеру, в 2019 г. НАН Беларуси провела научную конференцию «Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества», где немалое внимание было уделено исторической памяти о Второй мировой войне [20]. Ранее выходила монография, посвященная исследованиям представлений массового сознания об истории Белоруссии XX в. [21].

Среди опубликованных казахстанскими исследователями статей в

интерес представляют работы, посвященные исследованиям культурной памяти и мемориализация Второй мировой войны в постсоветских государствах [22], в том числе на коммеморативных практиках и гендерном аспекте [23]; исследования, посвященные героизму казахстанцев на фронте [24] или факторам поведенческой мотивации воинов казахских национальных воинских формирований в РККА в годы войны [25].

Но, исходя из анализа публикаций по теме, можно сделать вывод, что до сих пор не было опирающихся на эмпирическое знание работ, посвященных исторической памяти молодого поколения стран СНГ о Второй мировой войне.

Цель и задачи исследования.

Приступая к исследованию, необходимо оговорить четкое разделение понятий: «историческая память» не тождественна «научному историческому знанию». Историческая память включает в себя всю совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [26, с. 133]³. Если научное знание должно носить нейтрально-объективный характер, то память – эмоционально-субъективный, мифологизированный, поскольку она представляет собой совокупность представлений, мнений и оценочных суждений общества о своём прошлом.

Историческая память диалектична: её содержание определяется прошлым, но без неё невозможно осмысление настоящего; она меняется в зависимости от изменений социально-исторического контекста.

³ Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122-170.

ста, но и, в свою очередь, влияет на культурную среду социума. С точки зрения Иоганна-Готфрида Гердера, развитие отдельного человека происходит через усвоение накапливаемого им опыта, благодаря которому в его развитии реализуется принцип непрерывности культурного времени и точно так развиваются и народы в целом. Развитие и воспитание всего рода человеческого происходит путем передачи результатов деятельности предшествующих поколений, традиций и усвоения, и применения переданного [27]. При этом следует обратить внимание на тот момент, что историческая память не сводится исключительно к воспоминаниям о прошлом, к ностальгии. По словам Иммануила Канта, она служит для соединения восприятий во времени, для того чтобы то, чего уже нет, соединить в связном опыте с тем, чего еще нет, посредством того, что существует в настоящее время [28, с. 324].

Память помогает формированию идентичности. Это происходит не напрямую, поскольку наши отношения с прошлым лишь частично определяют, кто мы в настоящем, но никогда прямо и непосредственно, и никогда без неожиданных или даже нежелательных последствий, которые связывают нас с теми, кого мы считаем другими. Таким образом, наша идентичность формируется и на основе личных воспоминаний, и благодаря взаимодействию с воспоминаниями других людей [29]. Великая Победа является опорным символом истории России, а историческая память русского и других народов России о Великой Отечественной войне служит важнейшим элементом общероссийской гражданской идентичности и фактором укрепления единства народов Российской Федерации.

Историческая память способна стать фактором организации (или дезорганизации) евразийского пространства. Ведь она может как способствовать воспроизводству единства евразийских народов, так и разделению постсоветских стран. Но, поскольку Победа ковалась усилиями всего многонационального Советского Союза и это событие остаётся важнейшим в истории СССР, то можно предположить, что историческая память о Великой Отечественной войне служит для общественного сознания в качестве связующей нити интеграционных процессов.

Поэтому изучение исторической памяти потомков победителей в Великой Отечественной войне является интересной и научно актуальной задачей. Специалисты полагают, что субъективное время изучается через выяснение мнений о нём различных социальных групп [3, с. 179]⁴. В таких философских школах как феноменология, философия жизни, экзистенциализм акцент ставился не на существовании человека во времени, а на существовании времени в человеке как субъекте собственного жизнеосуществления [30]. Парадигма «исследований памяти» возникает в значительной степени как проект анализа социальных предпосылок конструирования, моделирования истории [31, с. 131].

Так какова историческая память представителей молодых поколений постсоветских стран о Великой Отечественной войне? Для выяснения этого коллективом Центра исследования процессов евразийской интеграции ИСПИ ФНИСЦ РАН было проведено социологическое исследование социальной памяти мо-

⁴ Отюцкий Г. П. Время социальное // Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 179.

лодежи государств-участников евразийской интеграции путем проведения серий качественных интервью с проживающими, обучающимися или работающими в г. Москве представителями молодых поколений граждан постсоветских государств, участвующих в ЕАЭС и/или ОДКБ: Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Молдавии, Таджикистана.

Методология и методика исследования. Методология исследования опирается на концепции социального времени, коммуникативной и культурной социальной памяти, «постпамяти» и «контрпамяти», коммеморации, темпоральной стабильности социальной памяти. В частности, на идеи и концепции исследования социальной памяти (memory studies) Мориса Хальбвакса [32], Алейды Ассман [33; 34], Яна Ассмана [35, с. 131; 36], Марианны Хирш [37; 38], Яель Зерубавель [39, с. 10-25], Аллана Мегилла [40], Хорста-Альфреда Хайнриха [41], Пьера Нора [42; 43].

Под «социальной памятью молодежи государств-участников евразийской интеграции» авторами работы понимается актуальная социальная информация о совместном прошлом народов, ранее входивших в состав единого государства и совокупности актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно культурного контекста в постсоветских государствах и личного социального бытия молодых людей, разновекторно оценивающих прошлое и по разному ориентированных на перспективы евразийской интеграции.

Под коммеморацией, исходя из концепции Аллана Мегилла, понимается процесс, в котором «зафиксированные воспоминания прошлых событий могут превратиться в нечто,

родственное объектам религиозного почтения». Возникновение коммеморации происходит в настоящем из желания сообщества подтвердить чувство своего единства и общности, укрепляя связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к репрезентации прошедших событий [40].

Спецификой данного исследования стала методика, опирающаяся на применение качественного сравнительного анализа результатов глубинных интервью молодых граждан вышеупомянутых государств – членов ЕАЭС, ОДКБ, наблюдателей и кандидатов на вступление в ЕАЭС. Опрошено более 400 человек с использованием неслучайной выборки, не менее, чем по 50 респондентов из каждой группы, отобранных методом снежного кома. В качестве эмпирического объекта исследования выступает молодежь, относящаяся к представителям поколений Y («миллениума») и Z («постмиллениума») в возрасте от 18 до 38 лет.

Социальная память о Второй мировой войне молодых поколений граждан государств-участников евразийской интеграции анализируется нами как постпамять, поскольку с момента окончания войны на момент рождения респондентов прошло в среднем 37-57 лет. Таким образом, при построении картины событий, произошедших задолго до их рождения, они опирались на рассказы людей из непосредственного круга общения – бабушек, дедушек, родителей, учителей, а также историческую и художественную литературу, формы визуальной репрезентации произошедшего и собственное воображение. При этом мы исходим из того, что наш эмпирический объект молодежь постсоветских государств, как и

любая большая группа, не однородна, существует большое количество дифференцирующих факторов. Восприятие прошлого всегда опосредовано разделяемыми ценностями и пережитым жизненным опытом, сформировавшимся миропониманием, оно по мере взросления меняется и оценивается с позиции настоящей социальной реальности и представлений о будущем, конструирует изменяющееся поле смыслов социальной реальности. Поэтому смысловые конструкты произошедших в прошлом событий могут совпадать или не совпадать как внутри молодых поколений в каждой изучаемой стране, так, тем более, разных стран. Сравнение восприятия ими истории позволит обозначить основные тенденции сходства и различия социальной памяти о Великой Отечественной войне.

Общие результаты. По результатам исследования, на первом месте среди упомянутых респондентами исторических событий была названа Победа СССР во Второй мировой войне. Это событие сохраняется в памяти всех обществ и отмечено 2/3 опрошенных. В нарративах респондентов Великая Отечественная война часто вплетена в контекст истории семьи, высоко оценивается роль Советского Союза и вклад каждой республики СССР в победу над фашизмом. Отмечается героизм всех защитников Родины, внесших вклад в общую победу. Респонденты упоминают своих родственников, участвующих в тылу и на самом фронте. Характерным эпизодом стало упоминание героев – уроженцев той или иной из союзных республик, представителей различных культур их сегодняшними молодыми соотечественниками.

Упоминания о Великой Отечественной войне проходят и в ответах

на вопрос об исторических событиях, лучше всего описывающих Россию и страну происхождения респондента. В своих ответах значительная доля опрошенных из разных постсоветских государств обращала внимание на то, что перед лицом агрессии государство показало свою устойчивость и мощь, а народ – силу духа и сплоченность в достижении единой цели – Победы.

Характерные высказывания от представителей всех стран:

«Россия и Армения в те годы были одной страной – СССР. И я считаю, что как бы тут сложно разделять, кто сделал больше для победы в этой войне. Я считаю, что это была одна страна и эта страна победила в войне (Артур, 31 год, Армения).

«Вторая мировая объединила все народы СССР против одного врага, что и помогло общими усилиями одержать победу. Это событие самое главное, что могло случиться с Советским Союзом, ведь оно сплотило все народы» (Матвей, 20 лет, Беларусь).

«Казахстан являлся союзной страной, так что это прямое отношение. Сплочённость народа, все вместе воевали за одну идею – победить фашистов» (Марат, 26 лет, Казахстан).

«Сложно выделить Киргизию отдельно от СССР, потому что участвовали, воевали все и поэтому победили фашизм. Все имели одну цель, сплотились, друг за друга бились. Это непростое время для любой страны, которая участвовала в войне. Конечно, наша страна тоже понесла потери, моя семья, в частности. Это общее горе и общая победа» (Исмаил, 31 год, Киргизия).

«СССР, безусловно, сыграл важнейшую роль в противостоянии с фашистскими захватчиками. Мол-

давская ССР вступила в войну одной из первых, но, к сожалению, была вынуждена отступить под напором Гитлера. Зато после освобождения, продолжила оказывать значительную поддержку советским войскам, поставляя продовольствие и ремонтируя технику» (Жанна, 25 лет, Молдавия).

«...по поводу роли Советского Союза, то она, конечно, глобальная. Советский Союз выиграл эту войну, не дав фашистам завоевать мир» (Данила, 19 лет, Россия).

«Во время войны Таджикистан входил в состав СССР и поэтому, как только фашисты напали, очень много наших солдат отправилось на защиту нашей родины, так же больше ста человек присутствовали при захвате Брестской крепости» (Зарина, 20 года, Таджикистан).

Социальная память молодежи постсоветских стран поддерживается коммеморативными практиками общих советских праздников как на личном, так и на государственном уровне, с помощью которых в обществах закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Практически все информанты из разных государств постсоветского пространства празднуют День Победы – это наиболее часто упоминаемый праздник.

«Это событие является и частью моей истории, и частью истории моей страны» (Давид, 25 лет, Армения).

«Я отмечаю 9 мая в кругу семьи. Эта дата напоминает мне о Победе, о заслуге предков. Эта победа и сегодня объединяет наши страны» (Азамат, 22 года, Казахстан).

Согласно интервью, во всех обществах семья выступает ведущим каналом в сохранении исторической

памяти о войне и Победе и передаче её следующим поколениям.

«В моей семье воевал мой дед. Я его никогда не видел, но отец рассказывал то, что слышал от моего деда. Отношение было полностью позитивное. Мы победили врага и после этого жили все в счастье и благополучии. На войне было трудно, но это и было то единство, которое существовало в СССР» (Батырхан, 32 года, Казахстан)

«Победили, прогнали фашистов, защищали Родину как могли, молодцы! Уходили на фронт и деды, и бабули, много у кого в семьях уходили. Я считаю это частью истории и моей страны и моей семьи в том числе» (Карина, 20 лет, Армения).

Таким образом, опрошенные выразившие негативные коннотации, оказались в подавляющем меньшинстве во всех постсоветских республиках (по 1-4 информанта из 50).

Специфика по странам. Теперь рассмотрим специфические особенности ответов респондентов по странам.

а) Армения. Подавляющее большинство ответов граждан Армении отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне (39 опрошенных из 50). Сама Победа, по мнению информантов – одно из самых значимых событий в истории XX века.

«Я считаю, что мы, как молодые, будущее поколение, как России, так и Армении в том числе, мы, во-первых, обязаны гордиться тем, что мы выиграли войну, я считаю, что именно вот это вот качество объединенности, то что в этот момент людей не разделяли на национальность, вероисповедание, это объединило нас и это сыграло ключевую роль в исходе войны, и я считаю что не нужно за-

бывают эти качества, нужно продолжать жить в мире, согласии, для процветания обоих государств» (Армен, 20 лет, Армения).

Даже респонденты неоднозначно воспринявшие (по тем или иным причинам) войну воспринимают Победу как важнейшее событие. Характерно, что многие респонденты стремились подчеркнуть вклад именно Армении в общую победу:

«Отношение ко Второй мировой войне, бесконечно, ужасное. 40-50 млн. погибших человек. Холокост еврейского народа. Это трагедия. Роль Советского Союза огромная. Союз победил фашизм, освободил всю Европу. Роль моей страны огромная, т.к. каждый третий советский генерал являлся по национальности армянином. Самые известные [герои] Баграмян и Бабаджаниян – два маршала, освободившие Прибалтику и участвовавшие в освобождении Белоруссии. Также огромное количество героев – летчиков и пехотинцев» (Ашот, 22 года, Армения).

Республике есть чем гордиться: 93 генерала Великой Отечественной войны, 106 Героев Советского Союза были выходцами из Армении. Уникально село Чардахлу: из него вышли два маршала, 11 генералов, 360 жителей награждено орденами [22, с. 123-124]. Среди часто упоминаемых респондентами героев войны – уроженцы Армении: дважды Герои Советского Союза маршал И.Х. Баграмян и лётчик Н.Г. Степанян, Герои Советского Союза маршал А.Х. Бабаджаниян и адмирал И.С. Исаков.

б) Белоруссия. Подавляющее большинство ответов граждан Республики Беларусь (38 из 50) отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне. Половина опрошенных из Беларуси признает, что военные годы – одна из самых

сложных и трагичных вех в истории СССР в целом и их страны в частности, вместе с тем и одна из самых значимых и важных вследствие того, что государство показало свою мощь, а народ – силу духа и сплоченность в достижении единой цели.

Характерные высказывания:

«Все люди, представители самых разных наций бок о бок сражались и защищали единую страну СССР (Денис, 24 года, Беларусь),

«Если бы не СССР, в котором нас тогда было 15 республик, если бы мы все не собрались в один единый кулак, неизвестно вообще, что бы сейчас было с Европой» (Максим, 25 лет, Беларусь).

«В нашей стране ее называют Великой Отечественной войной, ведь она коснулась всех поголовно. Почти в каждой семье в те далекие годы кто-то воевал, кто-то погиб, кто-то без вести пропал. Поэтому в каждом городе стоят стеллы с именами погибших» (Диана, 25 лет, Беларусь).

«Белоруссия приняла одно из первых сражений Великой Отечественной войны, нападение третьего рейха на Брестскую крепость (Марина, 26 лет, Беларусь).

Отдельно, в качестве значимых исторических событий респонденты из Беларуси часто упоминали оборону Брестской крепости, разворачивание партизанского движения против оккупантов и операцию «Багратион» по освобождению территории БССР от захватчиков.

Все эти данные коррелируют с результатами республиканского исследования Института социологии НАН (ИС НАН) Беларуси: победу над нацистской Германией и освобождение Беларуси в качестве главного события в истории этой страны назвала наибольшая часть респонден-

тов (58,5%) [44, с. 5]. Если обратиться к более ранним исследованиям ИС НАН Беларуси, то и по данным 2008 г. подавляющее большинство опрошенных отнесли победу в Великой Отечественной войне к историческим событиям, вызывающим гордость [21, с. 264].

В ответах на вопрос об исторических событиях, лучше всего описывающих Россию и страну происхождения респондента, более половины информантов из Беларуси обращали внимание, на то, что война стала проверкой нерушимости исторической связи между Россией и Беларусью, дружбы двух народов.

Типичные высказывания: *«Россия и Беларусь – многострадальные страны, нас связывает почти 300-летняя история в составе одного государства. Опять-таки мне кажется наши народы навечно скреплены уже вот этой памятью общей о Великой Отечественной войне, конечно эту память уже не разорвать»* (Максим, 24 года, Беларусь).

«Великая Отечественная война лучше всего описывает как историю России, так и историю Беларуси. Два братских народа сплотились в одну большую мощную державу и шли «бок о бок» (Валерий, 29 лет, Беларусь).

Более половины опрошенных молодых людей из Беларуси в той или иной мере связывает свои представления о героях и героическом с Великой Отечественной войной. Ведь за годы Великой Отечественной войны 448 белорусов и уроженцев Белоруссии были удостоены звания Героя Советского Союза. И в качестве героев значительное число информантов называло защитников Родины, в том числе командующих, освобождавших БССР (маршалов Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского), защитников Брест-

ской крепости, участников партизанского движения, но также и членов своей семьи, отдавших долг, и всех причастных к общей победе.

Большинство респондентов из Белоруссии, говоря о наиболее важных для них памятниках истории, упоминают мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны. В их числе чаще упоминали: монумент на Площади Победы в Минске (14 интервью), комплекс «Брестская крепость» (13 интервью), мемориальные комплексы «Хатынь» и «Дальва», памяти жителей сожженных оккупантами белорусских деревень (13 интервью), мемориал жертвам Холокоста «Яма» в Минске. Среди российских памятников первенство также сохраняют памятники военной тематики: скульптура «Родина-мать зовёт» на Мамаевом кургане в г. Волгоград, парк Победы на Поклонной горе в Москве.

Если говорить о праздниках, то показательно, что День независимости Республики Беларусь, отмечаемый 3 июля, был установлен решением общенационального референдума (1996 г.) и приурочен к дате освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков (03.07.1944). И, таким образом, Беларусь стала единственной из бывших советских республик, чей день независимости не привязан к распаду СССР. Празднование этого дня, как и Дня Победы 9 мая упоминалось большинством опрошенных.

в) Казахстан. Подавляющее большинство ответов граждан Казахстана (43 из 50) отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне.

Типичные высказывания: *«Казахстан в годы Великой Отечественной войны являлся частью СССР в*

статусе союзной республики. Казахская ССР, поэтому вступила в войну с момента вторжения армии нацистской Германии на территорию Советского Союза 22 июня 1941 года. Воины-казахстанцы внесли свой вклад в освободительную миссию Советской Армии. Они штурмовали Берлин, участвовали в водружении Знамени Победы над рейхстагом. Казахстанцы активно участвовали и в партизанской войне. Сельское хозяйство Казахстана обеспечивало фронт и тыл продовольствием, а промышленность – необходимым сырьём» (Айдар, 35 лет, Казахстан).

«Трагедия, которая затронула сердце каждой семьи Вторая мировая война проходила в 1939-1945. Главный враг – фашистская Германия. Это была жестокая война, которая унесла жизни миллионов людей... оставило семьи без отцов... травмировало тысячи людей... были совершены великие подвиги многие посмертно... Да, безусловно данное событие является одним из самых значимых в истории СССР и Казахстана. Я считаю, что это событие не может воспринимать как что-то далекое, это касается каждого. Отмечаю День Победы 9 мая, хожу на парады, участвую в концертах, посвященных этому дню, по возможности выезжаем к ветеранам. Конечно, согласен с тем, что Казахстан является страной-победителем во Второй мировой войне» (Ержан, 21 год, Казахстан).

По данным историков, на каждый миллион казахов приходится в среднем 33 Героя. Дело в том, что более 500 казахстанцев стали Героями Советского Союза, 4 из них – дважды Герои. Из этих более 500 человек, 97 человек – казахи. В Казахстане был самый высокий уровень мобилизованности, каждый пятый казахста-

нец ушел на фронт, более 350 тысяч человек не вернулись [22, с. 125].

Половина респондентов из Казахстана той или иной мере связывает свои представления о героях и героическом с защитниками Родины в годы Великой Отечественной войны. В числе героев респондентами чаще всего упоминались выходцы из Казахстана – воины гвардейской Панфиловской стрелковой дивизии (и персонально – И.И. Панфилов и Б. Момышулы), а также М.Ж. Маметова (первая казахская женщина – Герой Советского Союза) и А.Н. Молдагулова. Празднование Дня Победы отмечается большинством опрошенных.

г) Киргизия. На Вопрос об отношении ко Второй мировой войне и роли СССР среди опрошенных киргизстанцев было больше позитивных ответов (22 из 50). Нейтрально высказались 13 респондентов из 50, отмечая только ужасы военной жизни со слов взрослого поколения. Негативные коннотации (15 из 50) были связаны с потерями населения (в том числе близких, членов семьи), отмечался упадок экономики и разруха. Был даже ответ, что *«Гитлер не собирался трогать народ Кыргызстана, но вот политическая связь с Россией втянула народ в войну».*

Половина опрошенных отмечала роль СССР в победе над фашизмом (24 ответа). Про роль Киргизии респонденты отвечали следующее: страна активно участвовала в боевых действиях и снабжала продовольствием и товарами первой необходимости, а также принимала эвакуированных.

Характерные высказывания: *«Мои прадеды участвовали в, той войне. Это событие является, как частью истории моей страны, так*

и частью моей истории» (Тариэл, 22 года, Киргизия).

«Сражались за правое дело, плечом к плечу с россиянами и другими национальностями, вот. Победили, как и должно было быть. Правда всегда побеждает. Что ещё сказать, спасибо деду за победу» (Ильяс, 26 лет, Киргизия).

«Война закончилась в 1945 году. Была долгая кровавая битва. СССР положительно, можно сказать, показал свою державу, объединив все страны, они показали себя как одно целое, это показывает, что мир един. Все люди имеют одинаковое значение, кто какой национальности. По моему мнению, победа сплотила мою страну и Россию, эта связь есть до сих пор, конечно братства нет такого с Россией, но все получится» (Манас, 30 лет, Киргизия).

Для большинства информантов из Киргизстана 9 мая (37 ответов) является важнейшим праздником, который они отмечают. (*«Мы празднуем 9 мая, очень торжественно, вспоминаем своих дедов».* (Айнура, 34 года, Киргизия)).

Каждый шестой житель Киргизской ССР ушел на фронт, 360 тысяч киргизов приняли участие в боевых действиях на различных фронтах Великой Отечественной войны, из них 72 человека удостоены звания Героя Советского Союза. Дважды Героя Советского Союза Талгата Бегельдинова, участника знаменитого парада Победы 1945 года, считают своей гордостью сразу две республики – Киргизстан и Казахстан: герой родился и умер в Казахстане, детство и юность провел в Бишкеке [22, с. 124]. В ходе опроса в числе героев киргизстанцы называли маршалов Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского, Героев Советского Союза лётчика В.В. Талалихина и

партизанку З.А. Космодемьянскую, а также воинов гвардейской Панфиловской стрелковой дивизии, среди которых было много уроженцев Киргизии.

д) Молдавия. На вопрос об отношении ко Второй мировой войне и роли СССР суждения граждан Молдовы поляризовались. Позитивные и коннотации вызвали эти события у 21 респондента из 50, столько же не определилось в своей позиции. Негативные коннотации относительно роли СССР в войне у 8 молдаван.

За годы Великой Отечественной войны 23 уроженца Молдавии были удостоены звания Героя Советского Союза. Респонденты осведомлены об этом факте, но, тем не менее, в ходе опроса имена никто из них не был упомянут поименно, хотя значительная доля респондентов связывает понятие героического с защитниками Родины. Особенно стоит отметить, что Вторая мировая война часто вплетена в контекст истории семьи. У многих опрошенных воевали предстатели старшего поколения, поэтому они чтят памятные даты и отмечают День Победы.

Характерное высказывание: *«Конечно, как и остальные республики, Молдову коснулась эта война. Это было большое горе, потеря много было. Молдавия принимала активное участие в боевых действиях. 21 Герой Советского Союза в Молдавии ... Мне кажется, для людей, для каждого человека, кто помнит те события, обстоятельства, это важно. И каждый год мы чтим память. Я думаю, что это большой показатель, так люди сплотились в этой борьбе, нам, новым поколениям, это жестокое напоминание. То, что происходит сейчас в стране – недопустимо. Не хотелось бы, чтобы с последним ветераном ушла и память о*

том, что произошло. До сих пор для людей это трагедия, это потеря близких, до сих пор многие не знают, где и как погибли их родные. Да, мой прадедушка воевал. Бабушка была санитаркой. Поэтому нашей семьи, как и многих семей, коснулось это событие. День Победы, это традиционный праздник, вся семья отмечает этот день. И дедушка, и папа вешают георгиевские ленточки, мы смотрим парад обязательно. Помню, в детстве были парады, в которых мы принимали участие» (Наталья, 29 лет, Молдавия).

Отдельные опрошенные указывали, что не все их соотечественники были на стороне СССР. Так, например, прадед одного из информантов, также уроженец Молдавии, служил в армии Румынии, союзной нацистской Германии, но в конце войны перешедшей на сторону антигитлеровской коалиции.

е) Россия. При ответе на вопрос о вкладе СССР во Вторую мировую войну ни один респондент не дал негативную оценку. Абсолютное большинство опрошенных начинали свой ответ со слов, что отношение к войне может быть только негативным – это тяжелые и трагические страницы нашей истории. Положительную оценку роли СССР во Второй мировой войне дали 34 из 50 опрошенных. В основном они подчеркивали героизм советских солдат и тот факт, что победа во Второй мировой войне продемонстрировала всему миру могущество СССР. Многие респонденты вспоминали о своих родственниках, принявших участие в военных действиях.

Типичные высказывания:

«Победили наши деды и прадеды, которые ценой своей жизни боролись до конца» (София, 19 лет, Россия).

«Я считаю, что это было одно из самых трагических исторических событий, но и при этом самых героических исторических событий». (Елена, 19 лет, Россия)

«Роль нашей страны неоспорима, фашизм был побежден благодаря СССР. Конечно, участвовали и другие страны, но основная роль в победе над фашизмом принадлежит Советскому Союзу». (Сергей, 35 лет, Россия).

Победа в Великой Отечественной войне вошла, по отзывам респондентов, в число самых часто упоминаемых исторических событий с позитивной коннотацией (32 из 50 интервью). Также на вопрос об исторических событиях, которые лучше всего описывают Россию среди положительных коннотаций респондентов чаще всего приводилась Победа в Великой Отечественной войне.

Типичное высказывание: *«Я думаю, что Вторая мировая война является самым страшным событием XX века, так как в пучине боевых действий умерло большое количество мирных жителей. В войне принимал участие мой прадедушка... Эта война – это наша история. Военные понимали, что идут на верную смерть, но всё равно продолжали защищать своих родных, детей, близких, жён. Это заслуживает огромного уважения. Для меня эта война не является чем-то таким далёким. Да, мы с семьёй отмечаем 9 мая День Победы. Мы ходим утром на Парад, затем, обычно, мама готовит нам какой-нибудь пирог, торт, и наши родители рассказывают нам то, что им обычно рассказывали их родители, то есть наши дедушка с бабушкой о тех временах. Факт совместного участия и общая победа во Второй мировой войне и сегодня объединяют Россию»*

и страны бывшего СССР – несомненно» (Глеб, 21 год, Россия).

Подавляющее большинство респондентов заявило, что отмечает День Победы (37 из 50 интервью). На вопрос о героях и героическом было достаточно много ответов с обобщенным упоминанием участников Великой Отечественной войны. Тем не менее, в числе называемых персоналий упоминались командующие (маршал К.К. Рокоссовский).

ж) Таджикистан. Ответы на вопрос об отношении ко Второй мировой войне поляризовались на три группы. Позитивную роль что роль СССР и в частности, Таджикистана отметили 18 респондентов, подчеркивая единство фронта и тыла. Победа СССР во Второй Мировой войне (17 интервью) входит в число упоминаемых важных позитивных событий исторического прошлого.

Типичные высказывания: *«Победителем во Второй мировой войне является конечно же СССР. СССР воевал против фашизма, нацизма. В моей семье и прадедушки, дедушки по маминной и по папиной стороне, все принимали участие в войне. Обязательно отмечаем 9 мая, день Победы. Это великий праздник. Общая победа объединяет мою страну с Россией, но не как раньше. Но благодаря России, можно сказать, что Таджикистан сейчас существует и выживает, с помощью России»* (Фархат, 32 года, Таджикистан).

«Я очень горжусь, что СССР победила в этой войне. В моей стране люди наравне с другими национальностями воевали за свою родину. Оба моих деда воевали, один погиб, второй дошел до Победы. Я горжусь СССР» (Фарид, 29 лет, Таджикистан)

Столько же (18 респондентов) – не определилось в своей позиции и

негативные коннотации у 17 опрошенных. При этом события войны негативным аспектам относят, в основном, то, что многие так и не вернулись с поля боя, но все равно у респондентов присутствует гордость за страну.

В годы войны за мужество и отвагу в борьбе с фашизмом, проявленные на полях сражений 56 тысяч фронтовиков из Таджикистана были награждены боевыми орденами и медалями, 54 человека были удостоены высшего звания Героя Советского Союза, 15 человек стали кавалерами орденов Славы трех степеней [22, с. 124]. Поэтому в своих представлениях о героическом существенная часть молодых таджикистанцев упоминала участников Великой Отечественной войны (персонально были упомянуты Г.К. Жуков, И.В. Сталин).

Закключение. Итак, мы рассмотрели представления молодых поколений граждан государств, участвующих в интеграционных процессах на постсоветском пространстве о Второй мировой войне, общее и особенное в восприятии Победы в Великой Отечественной войне у представителей разных постсоветских обществ, специфика восприятия в этой группе социального времени и формирования исторической памяти. Наши гипотезы полностью подтвердились.

Действительно, Великая Победа является опорным символом истории России. Историческая память россиян о войне служит важнейшим элементом общероссийской гражданской идентичности и фактором укрепления единства многонационального народа Российской Федерации. Историческая память о Победе способна стать фактором организации евразийского пространства, поскольку историческая память о Великой Отечественной войне служит для

общественного сознания качестве связующей нити интеграционных процессов. По мнению молодого поколения граждан государств-участников ЕАЭС и ОДКБ важнейшим событием в истории Советского Союза является Победа советского народа в Великой Отечественной войне. Историческая память о Великой Победе в значительной мере связана и сегодняшними представлениями о евразийской интеграции новых независимых государств. Хотя, казалось бы, содержание социальной памяти молодежи не оказывает непосредственного влияния на процесс евразийской интеграции, но в качестве потенциальной силы, она может спонтанно проявиться в общественной жизни или может быть при определенных условиях и наличии организованной силы включена в общественно-политический дискурс.

И если стратегии постсоветских государств связаны с созданием сильного и устойчивого евразийского интеграционного объединения, важно усилить роль культурной составляющей социальной памяти, создающей условия для евразийской интеграции в эпоху рыночной эко-

номики. Как показали результаты исследования, главным каналом передачи исторической памяти сейчас служит семья, но поколения, передающие информацию о событиях, уходят. Требуется повышать социальную ответственность СМИ, образования, творческой интеллигенции за сохранение и передачу исторической правды, поддержание единого историко-социального кода, создающего базу для евразийской интеграции.

Поддержка сохранения в государствах-участниках ЕАЭС и ОДКБ исторической памяти о Победе многонационального советского народа в Великой Отечественной войне является позитивным фактором развития евразийской интеграции и всестороннего межгосударственного сотрудничества. Успешность интеграционных процессов будет зависеть от того, каким образом власти новых независимых евразийских государств будут взаимодействовать между собой, с международными организациями, ведущими государствами мира и новыми субъектами социально-политических трансформаций в вопросах формирования исторической памяти.

Библиографический список

1. *Gusev L., Seleznev I., Tihova V.* (2020). The Conflict in Transnistria: Origins, History and Prospects of Resolution // *Filodiritto Approfondisci Sempre*, Bologna, 26.03.2020. URL: <https://u.to/uC2YGg> (последнее обращение 18.11.2020).
2. День Победы на постсоветском пространстве: как праздновали прежде и где провели парад в 2020 г. // *Военное обозрение*: [сайт]. 09.05.2020. URL: <https://u.to/Iy6YGg> (последнее обращение 18.11.2020).
3. Социологическая энциклопедия. В 2х т. / Нац. обществ.-науч. фонд; Науч. ред. В.Н. Иванов (гл. ред.) [и др.]. М.: Мысль, 2003. Том 1. 694 с. ISBN 5-244-01015-8.
4. *Сорокин П. А., Мертон Р. К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // *Социологические исследования*. 2004. № 6. С. 112–119.
5. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: Библио-Глобус, 2018. 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0.
6. *Адорно Т.* Негативная диалектика / Пер. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 374 с. ISBN 5-89176-191-2.

7. Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты: [монография] / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов [и др.]; Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во Экон-Информ, 2020. 450 с.

DOI: 10.38085/978-5-907-233-70-6-2020-1-452

8. *Трофименков М.С.* Красный нуар Голливуда. Ч.2: Война Голливуда. СПб: Сеанс, 2019. 746 с. ISBN 978-5-9500453-8-7.

9. *Осадчая Г.И., Селезнёв И.А., Киреев Е.Ю., Черникова А.А.* Великая Победа и формирование исторической памяти молодежи стран ЕАЭС и ОДКБ (к 75-летию победы в Великой Отечественной войне) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 69-76. DOI: 10.23672/SAE.2020.2020.61532

10. *Селезнёв И.А.* Четверть века на страже коллективной безопасности (к 25-летию договора о коллективной безопасности и 15-летию ОДКБ) // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2018. № 2. С. 16-23.

11. Обращение глав государств – участников Содружества Независимых Государств к народам стран Содружества и мировой общественности в связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Исполнительный комитет СНГ: [сайт]. 11.10.2019. URL: <https://u.to/ру6YGg> (последнее обращение 18.11.2020).

12. Путин поблагодарил страны ОДКБ за поддержку резолюции против нацизма // РИА Новости: [сайт]. 28.11.2019. URL: <https://ria.ru/20191128/1561700601.html> (последнее обращение 18.11.2020).

13. *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5. С. 12-19.

14. *Тавокин Е.П., Табатадзе И.А.* К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 62–66.

15. *Куманев Г.А.* Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Г.А. Куманев; Ин-т российской истории РАН. М.: Русское слово, 2007. 344 с.

16. *Беляева Е.В.* Историческая ответственность за добро // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I международ. науч. конф. 22-23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. Д.А. Томильцевой, И.А. Симоновой. Екатеринбург: Деловая книга, 2016. С. 100-106.

17. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной Войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / Отв. ред. С.В. Журавлев; Ин-т Российской истории РАН. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с. ISBN 978-5-98712-530-4.

18. *Буюкли Д.А.* Сохранение исторической памяти о вкладе Русской Православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 180. С. 179-185.

DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-180-179-185

19. *Стариков А.Г., Бакушев В.В., Перова М.В., Горяинов С.В.* Кто герой среди молодежи? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 43-46. DOI: 10.23672/SAE.2020.1.53260

20. Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26-27 сентября 2019 г. / Г.П. Коршунов (гл. ред.); Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: СУГАРТ, 2019. 360 с.

21. *Сидорцов В.Н. Кандыба И.А., Равченко М.М.* Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории / Под ред. В.Н. Сидорцова. М.: МАКС Пресс, 2010. 272 с.

22. *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. Т. 1 № 2. С. 122-130.

23. *Жаркынбаева Р.С.* Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1 (82). С. 103-116. DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.10

24. *Омаров С.А., Омарова Г.Е., Яхияев И.А.* Героизм казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны // *Сибирский торгово-экономический журнал*. 2015. № 1. С. 10-14.

25. *Асанова С.А.* Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941-1945) // *Мир Большого Алтая*. 2019. Т. 5. № 2. С. 280-295. DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-280-295

26. *Феномен прошлого* / Под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. 476 с.

27. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 770 с.

28. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *И. Кант. Сочинения*. В 8 тт. Т. 7. М., 1994. С. 137-376.

29. *Rothberg M.* Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009. P. 1-29.

30. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 272 с.

31. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

32. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

33. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

34. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое Литературное Обозрение, 2014. 328 с.

35. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

36. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992.

37. Память и контрпамять будущего: конспект лекции Марианны Хирш / Лаборатория публичной истории: [сайт]. 18.08.2017. URL: <http://publichistorylab.ru/archives/424> (последнее обращение 18.11.2020).

38. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012

39. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // *Империя и нация в зеркале исторической памяти*. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–25.

40. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон-Плюс, 2007. 480 с.

41. *Heinrich H.-A.* Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München: Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. S. 288.

42. *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Франция – память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17-50.

43. *Norra P.* La Republique // *Les lieux de memoire*. Vol. 1. Paris, 1984.

44. *Коршунов Г.П.* Проблема исторической памяти на цифровом изломе эпох // *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26-27 сентября 2019 г.* / Г.П. Коршунов (гл. ред.); Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: СУГАРТ, 2019.

Дата поступления в редакцию 24.11.2020

References

1. *Gusev L., Seleznev I., Tihova V.* (2020). The Conflict in Transnistria: Origins, History and Prospects of Resolution // *Filodiritto Approfondisci Sempre*, Bologna, 26.03.2020. URL: <https://u.to/uC2YGg> (last request 18.11.2020).
2. Victory Day in the post-Soviet space: how it was celebrated before and where the parade was held in 2020. *Military review*. 09.05.2020. URL: <https://u.to/Iy6YGg> (last request 18.11.2020) (in Russ.).
3. *Sociological encyclopedia* (2003). In 2 volumes. M.: Mysl'. Vol. 1. 694 p. ISBN 5-244-01015-8 (in Russ.).
4. *Sorokin P.A., Merton R.K.* (2004). Social time: a methodological and functional study. *Sotsiologicheskie Issledovaniia (Sociological Studies)*. № 6. P. 112–119 (in Russ.).
5. Eurasian integration processes: socio-political dimension (2018). Moscow, Biblio Globus. 374 p. ISBN 978-5-907063-15-0 (in Russ.).
6. *Adorno T.* (2003). *Negative Dialektik*. Moscow, Nauchnyy mir. 374 p. ISBN 5-89176-191-2.
7. The Great Victory of the Soviet People: Socio-political and demographic aspects. (2020). Moscow, Econ-Infom. 450 p. DOI: 10.38085/978-5-907-233-70-6-2020-1-452 (in Russ.).
8. *Trofimenkov M.S.* (2019). Red noir of Hollywood. Part 2: The Hollywood War. SPb: Seans, 746 p. ISBN 978-5-9500453-8-7 (in Russ.).
9. *Osadchaya G., Seleznev I., Kireev E., Chernikova A.* (2020). The Great Victory and the formation of the historical memory of the youth of the EAEU and CSTO countries (to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic war). *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. № 4. P. 69-76. DOI: 10.23672/SAE.2020.2020.61532 (in Russ.).
10. *Seleznev I.A.* (2018). A quarter of the century is on the guard of collective security (to the 25th anniversary of the collective security treaty and the 15th anniversary of the CSTO). *Counter-Terrorism*. № 2. P. 16-23 (in Russ.).
11. Appeal of the heads of states – members of the Commonwealth of Independent States to the peoples of the Commonwealth countries and the world community in connection with the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945. 11.10.2019. URL: <https://u.to/py6YGg> (last request 18.11.2020) (in Russ.).
12. Putin thanked the CSTO countries for supporting the resolution against Nazism. 28.11.2019. URL: <https://ria.ru/20191128/1561700601.html> (last request 18.11.2020) (in Russ.).
13. *Gudkov L.* (1997). Victory in war: towards sociology of a national symbol. *Monitoring*. № 5. P. 12-19 (in Russ.).
14. *Tavokin E.P., Tabatadze I.A.* (2010). Great Patriotic war. Historical memory issues. *Sotsiologicheskie Issledovaniia (Sociological Studies)*. № 5. C. 62–66 (in Russ.).
15. *Kumanev G.A.* (2007). Feat and Forgery: Pages of the Great Patriotic War of 1941-1945. Moscow: Russkoye Slovo. 344 p. (In Russ.).
16. *Belyuaeva Ye.V.* (2016). Historical responsibility for good. I international scientific conference “Historical responsibility: from myths of the past to strategies of the future”. 22-23.09.2016. Yekaterinburg: Delovaya kniga. P. 100-106 (in Russ.).
17. Historians' contribution to the preservation of the historical memory of the Great Patriotic War: on the materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2015. 383 p. (In Russ.).
18. *Buyukli D.A.* (2019). Historical memory preservation of the Russian orthodox church contribution to the victory in the Great Patriotic war. *Tambov University Review. Series: Humanities*. Vol. 24, № 180. P. 179-185. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-180-179-185 (in Russ.).

19. *Starikov A.G., Bakushev V.V., Perova M.V., Goryainov S.V.* (2020). What hero is a new? Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. № 1. P. 43-46. DOI: 10.23672/SAE.2020.1.53260 (in Russ.).
20. Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the International scientific-practical conf., Minsk, September 26-27, 2019. Minsk: SUGART, 2019. 360 p. (In Russ.).
21. *Sidortsov V.N. Kandyba I.A., Ravchenko M.M.* (2010). Belarus in the 20th century: an unconventional presentation of history. Moscow: MAKS Press. 272 p. (In Russ.).
22. *Zhanbosinova A.S.* (2015). Cultural memory and memorialization of the Great Patriotic War at the present stage. Mir Bol'shogo Altaya (World of Greater Altai). Vol. 1 № 2. P. 122-130 (in Russ.).
23. *Zharkynbayeva R.S.* (2017). Great Patriotic War: socio-cultural memory and commemorative practices in post-Soviet Kazakhstan (gender aspect). Woman in Russian society. №1 (82). P. 103-116. DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.10 (in Russ.).
24. *Omarov S.A., Omarova G.Ye., Yakhiyayev I.A.* (2015). Heroism of Kazakhstanis on the fronts of the Great Patriotic War. Sibirskiy trgovno-ekonomicheskiy zhurnal. № 1. P. 10-14 (in Russ.).
25. *Asanova S.A.* (2019). On the main factors of behavioral motivation of the Kazakh national military formations during the war (1941-1945). Mir Bol'shogo Altaya (World of Greater Altai). Vol. 5. № 2. P. 280-295. DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-280-295 (in Russ.).
26. Phenomenon of the past (2005). Moscow: HSE Publishing House. 476 p. (In Russ.).
27. *Herder I.G.* (1977). Ideas on the Philosophy of the History of Mankind. Moscow: Nauka. 770 p. (In Russ.).
28. *Kant I.* (1994). Anthropology from a pragmatic point of view. Works in 8 vols. Vol. 7. P. 137-376 (in Russ.).
29. *Rothberg M.* (2009). Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford, Calif.: Stanford University Press. P. 1-29 (in Eng.).
30. *Golovakha Ye.I., Kronik A.A.* (2008). Psychological time of personality. Moscow: Smysl. 272 p. (In Russ.).
31. *Assman Y.* (2004). Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p. (In Russ.).
32. *Halbwax M.* (2007). Social Memory Framework. Moscow: Novoye izdatelstvo. 348 p. (In Russ.).
33. *Assman A.* (2019). Oblivion of history – obsession with history. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 552 p. (In Russ.).
34. *Assman A.* (2014). The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 328 p. (In Russ.).
35. *Assman Y.* (2004). Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p. (In Russ.).
36. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992.
37. Memory and counter-memory of the future: lecture notes by Marianne Hirsch. 18.08.2017. URL: <http://publichistorylab.ru/archives/424> (last request 18.11.2020) (in Russ.).
38. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012
39. *Zerubavel Ya.* (2011). Dynamics of collective memory. Empire and nation in the mirror of historical memory. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2011. P. 10-25 (in Russ.).
40. *Megill A.* (2007). Historical Epistemology. Moscow: Canon-Plus. 480 p. (In Russ.).

41. *Heinrich H.-A.* (2002). Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München: Juventa Verlag Weinheim und München. S. 288.

42. *Nora P.* (1999). Problems of places of memory: France – memory. SPb.: Publishing house of SPbSU. P. 17-50 (in Russ.).

43. *Norra P.* (1984). La Republique // Les lieux de memoire. Vol. 1. Paris.

44. *Korshunov G.P.* (2019). The problem of historical memory at the digital break of eras: Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the International scientific-practical conf., Minsk, September 26-27, 2019. Minsk: SUGART. (In Russ.).

The article was submitted on: November 24, 2020

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК (ОТ ЛИГИ НАЦИЙ К ООН)

Рубан Лариса Семёновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, руководитель международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») (Москва, Россия).

E-mail: Lruban@yandex.ru

AutorID РИНЦ: 422924

Ван Ци, доктор социологических наук, профессор, исполнительный директор, Институт стратегического сотрудничества Китай-Россия при Университете Цинхуа (Пекин, КНР).

E-mail: wq@mail.thinhua.ch

Аннотация. Авторы показывают, как формировался послевоенный миропорядок и какую роль в этом процессе сыграли страны-союзники антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритания). Подробно рассматривается выработка устава и деятельности ООН, которая проходила на встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля на Ялтинской конференции в феврале 1945 года в Крыму. Характеризуя нынешнюю ситуацию в контексте глобализации, авторы приводят дискуссию российских и зарубежных ученых о видении современного мира.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Лига наций, Ялтинская конференция, Организация Объединенных Наций, глобализация, современный миропорядок, «великая держава»

Для цитирования: Рубан Л. С., Ван Ци Великая Победа и послевоенный миропорядок (от Лиги Наций к ООН) // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 30-40. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.2

THE GREAT VICTORY AND THE POST-WAR WORLD ORDER (FROM THE LEAGUE OF NATIONS TO THE UN)

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Research Department of International Cooperation, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, head of the international project "Dialog partnership as a factor of stability and integration" ("Bridge between the West and the East") (Moscow, Russia).

E-mail: Lruban@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7972-1596

Web of Science ResearcherID: AAG-9409-2020

Wong Qu, Ph. D in Sociology, Professor, Acting Director, Institute Strategic Cooperation between China and Russia in the University Thinhua (Beijing, China)

e-mail: wq@mail.thinhua.ch

Abstract. The author shows how the post-war world order was formed and what role the countries that were allies of the anti-Hitler coalition (the Soviet Union, the United States, and the United Kingdom) played in this process. The development of the Charter and procedures for the activities of the United Nations, which took place at the meeting Stalin, Roosevelt and Churchill at the Yalta conference in February 1945 in the Crimea, is discussed in detail. Describing the current situation in the context of globalization, the author leads the discussion of Russian and foreign scientists about the vision of the modern world.

Keywords: World War II, the League of Nations, the Yalta Conference, the United Nations (UN), globalization, the modern world order, the «Great Power»

For citation: Ruban L.S., Wong Qu (2020). The Great Victory and the post-war world order (from the League of Nations to the UN). Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 30-40. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.2

Современный мир сложен, многообразен и противоречив, но в то же время, как было верно отмечено Р. Робертсоном и Х. Хондкером, глобализация – это процесс сжатия мира и интенсификации мирового сознания как единого целого, ведущих к конкретной глобальной взаимозависимости» [1, с. 58].

К настоящему времени человечество пережило две мировые войны, принесшие неисчислимые бедствия и колоссальные материальные и человеческие потери. Следует отметить, что уже после 1-й Мировой войны (1914-1918 гг.) были предприняты попытки создания альянса для предотвращения войн. В 1919 году была образована Лига наций, лидерами которой являлись Великобритания и Франция. После выхода из Лиги наций Японии и Германии в нее в 1934 году вступил СССР, но в 1939 году был выведен после осуществления финской кампании. К 1940 году Лига наций практически прекратила свою деятельность, а в апреле 1946 года перестала существовать де-юре. Она не смогла помешать развязыванию 2-й Мировой войны, и после ее окончания странам-победительницам пришлось снова решать эту проблему [2, с. 121].

Советский Союз вынес на своих плечах основные тяготы 2-й Мировой войны (1939-1945 гг.), так как «второй фронт» американцами был открыт в Европе лишь 6 июня 1944 года, хотя помощь от США по «ленд-лизу» началась уже с 1941 года и оценивалась в 9,4 млрд долларов США, из них военное снаряжение со-

ставляло менее половины – 41,15%. С расходами на перевозку поставки США составили в стоимостном выражении 11,3 млрд долларов США, по другим данным – 10,8 млрд долларов США. Военное снаряжение, которое не было уничтожено в ходе военных действий, подлежало списанию, а выплата по долгам предписывалась только за продукцию гражданского назначения, и она растянулась на значительный период времени. 7 июля 1973 года СССР сделал три платежа по оплате ленд-лиза на сумму 48 млн долларов США, а к 2001 году в процессе переговоров стороны остановились на сумме 722 млн долларов США, включая проценты, что и было выплачено Российской Федерацией американцам в 2006 году и составило 6,5% от общей стоимости [3].

Наша страна была инициатором проведения между странами-союзницами встречи на высшем уровне в Крыму, и уже в 4-11 февраля 1945 года на Ялтинской конференции прошли переговоры «Большой тройки» И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля по определению послевоенного миропорядка и формированию новой международной организации глобального масштаба. В ходе конференции участниками активно использовался термин «великая держава» применительно к трем странам: СССР, США и Великобритании, но в официальные документы он не вошёл. Следует отметить, что этот термин используется в международном праве ещё со времен Венского конгресса (1814-

1815 г.). Он был принят для обозначения держав, играющих ведущую роль в мировой политике и международных отношениях, а само слово «держава» происходит от славянского «дыржа» – владычество, могущество. Понятие «держава» связано с идеологией державности – осознания политического веса своей страны, экономического и военного могущества, способности оказывать влияние, и даже давление на ближнее и дальнее политическое окружение [4, с. 98]. В Уставе Организации Объединенных Наций нет термина «великие державы», однако пять государств: Советский Союз (ныне Российская Федерация), США, Великобритания, Франция и Китайская Народная Республика по этому Уставу являются постоянными членами Совета Безопасности ООН и обладают правом вето. Особые права этих держав вытекают из той ответственности, которую они несут за сохранение мира.

Ялтинская (или Крымская) конференция имела огромное значение и получила высокую оценку. Уинстон Черчилль 14 февраля 1945 года сделал такое высказывание: «Постоянная дружба и сотрудничество трех великих держав были провозглашены более точно и более авторитетно, чем когда-либо раньше» [5, с. 117], а Франклин Рузвельт в отчете Конгрессу США 1 марта 1945 года подчеркнул, что «никогда раньше (и надо сказать, что никогда позже – *ремарка автора*) главные союзники не были связаны более тесным единством не только в целях войны, но и в мирных целях» [6, с. 127]. Авторам хотелось бы заострить внимание, что на Крымской конференции американская делегация признала желательность прямого заявления со стороны постоянных членов ООН о

том, что мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, представляющее общий интерес, – дело, в котором суверенные государства, не являющиеся постоянными членами, имеют право изложить свою точку зрения без всяких ограничений. Кстати, во время дискуссии по этому вопросу Франклин Рузвельт заявил, что цель больших и малых наций одна и та же – сохранить мир, и вопросы процедуры не должны мешать достижению этой цели [7, с. 84-87].

На конференции проходило обсуждение формирования структуры, задач и регламента действий новой глобальной организации – Организации Объединенных Наций (ООН), и следует отметить, что именно вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности был главным, поскольку данный орган имел первостепенное значение, так как согласно проекту Устава ООН, на него возлагалась главная ответственность за поддержание мира и безопасности в глобальном масштабе. Только Совет Безопасности мог выносить решения о принятии мер по урегулированию споров и предотвращению или ликвидации агрессии, включая использование вооруженных сил.

На Ялтинской конференции рассматривались вопросы по работе Генеральной Ассамблеи (главного органа Организации Объединенных Наций). К примеру, в первом разделе говорилось о членстве стран в организации, в третьем разделе – об устранении угрозы миру и подавлении нарушений мира, а именно:

1. Представляет ли угрозу миру урегулирование спора между сторонами средствами по их собственному выбору или в соответствии с рекомендациями Совета Безопасности?

2. Представляет ли угрозу миру или нарушение мира какое-либо другое действие со стороны той или иной страны?

3. Какие меры должны быть приняты Советом для поддержания или восстановления мира, и каким образом эти меры должны быть осуществлены?

4. Не следует ли поручить осуществление принудительных мер региональному органу?

В четвертом разделе оговаривалось утверждение специального соглашения или соглашений о предоставлении вооруженных сил и средств. В пятом – формирование планов общей системы регулирования вооружения и представление таких планов государствам-членам. В шестом – разрешение вопроса о том, совместимы ли характер и деятельность какого-либо регионального органа или региональных мероприятий по поддержанию мира и безопасности с целями и принципами всеобщей организации [7, с. 84-87].

На Ялтинской конференции 1945 года ни одна из сторон-участниц не противопоставляла себя другим и не претендовала на мировое господство. Это ярко продемонстрировала оживленная дискуссия лидеров трех стран-победительниц. Мы процитируем высказывания Сталина, Рузвельта и Черчилля по этому вопросу.

Итак, И.В. Сталин: «Черчилль высказал опасение, как бы не подумали о том, что три великие державы хотят господствовать над миром, но кто замышляет такое господство?»

– Соединенные Штаты? Они об этом не думают (смех и красноречивый жест президента США).

– Англия? Тоже нет (смех и красноречивый жест У. Черчилля).

– Итак, две великие державы выходят из сферы подозрения. Остается третья... СССР. Значит, СССР стремится к мировому господству? (Общий смех).

– Или, может быть, Китай стремится к мировому господству? (Общий смех).

– Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Мой друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром» – завершил дискуссию И.В. Сталин [7, с. 84].

Политики выражали беспокойство судьбой решений, принятых ими на Ялтинской конференции 1945 года. Уинстон Черчилль говорил: «Пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами, но пройдет десять лет, или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через то, что мы пережили, и на многие вопросы будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» [2, с. 127].

Однако, уже через год 5 марта 1946 года в Фултоне Уинстон Черчилль, указав, что США находятся на вершине всемирной мощи, отметил, что на картину мира, недавно озаренную победой союзников, пала тень, так как никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намерены делать в ближайшем будущем и каковы пределы их экспансионистским и верообратительским целям. Он указывал, что от Штеттена на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес, который он называл советской сферой [8]. И хотя в этой речи бывший премьер-министр Великобритании также говорил о мужестве

советских воинов, проявленном во время войны, и мастерстве маршала Сталина как главнокомандующего, эти слова не могли изменить общей направленности речи. О взаимоотношениях союзников можно судить по высказыванию Черчилля о Ялтинской конференции, сделанному в Фултоне: «Соглашение, достигнутое в Ялте, было чрезвычайно благоприятным для России, но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится весной или летом 1945 года. ...Сегодня я не вижу и не чувствую такой уверенности и таких надежд в нашем измученном мире», – завершил он свою мысль [8].

Эту речь в СССР расценили как призыв к крестовому походу против коммунизма, а между бывшими союзниками разверзлись противоречия, не преодоленные до сих пор. Эволюция позиций и статусов крупнейших стран современности всегда была в центре внимания российских и зарубежных исследователей, которые дискутировали в разные периоды о биполярности, много- или однополярности современного мира и лидерстве стран в отдельных регионах и мире в целом.

Как точно отметил директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко, закон «взлёта и падения великих держав» действовал все предыдущие столетия и продолжает действовать теперь. Ни одной стране, лидировавшей в международных делах в предыдущие исторические периоды, к сегодняшнему дню не удалось удержаться на том же уровне влияния. Происходит очередное переформатирование регионального, трансрегионального и глобального влияния [9, с. 60]. Действительно, лидерство в мире – позиция

переменная, а процесс глобализации значительно влияет на содержание и структуру международных отношений. На смену «Пакс Британика» (Мир Британии) в XVIII-XIX веках, включавшему объединенное королевство и его колониальные владения, пришел «Пакс Американа» (Мир Америки) в середине XX века (в 1945 году) и западный блок.

После победы в России в 1917 году Октябрьской революции в мире стала формироваться биполярная система, состоящая из социалистического и капиталистического лагерей. Ее структура во второй половине XX века включала противостоящие военно-политические блоки: Северо-Атлантический (НАТО) и Организацию Варшавского Договора (ОВД), экономические организации: «Общий рынок» и Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и т.д. Биполярный мир характеризовался жестким противостоянием СССР-США и возглавляемых ими блоков. В этот период происходит распад колониальных империй и крушение колониализма. Национально-освободительное движение вступает в новый этап своего развития.

Итак, говоря о состоянии глобального взаимодействия, следует упомянуть, что модель, которая должна была идеально регулировать отношения между странами через Организацию Объединенных Наций (ООН) и экономико-финансовые отношения через Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Всемирную торговую организацию (ВТО), через региональные организации, такие как Европейский Союз, дает сбой и не срабатывает в должной мере в настоящий момент. Как

отмечают российские и зарубежные эксперты, сужается реальное влияние Организации Объединенных Наций на международные дела. США и блок НАТО часто действуют без согласования своих решений с ООН. Трансформация миропорядка из двухполюсного в однополюсный и кардинальные изменения положения России во внешне- и внутривнутриполитической сфере сформировали парадоксальную ситуацию, когда постоянно ведутся дискуссии с целью доказать, что Российская Федерация – страна-член Совета Безопасности ООН (обладающая правом вето), правопреемница СССР, получившего статус сверхдержавы, обзаведясь в 1950-е годы XX века ядерным оружием стратегического назначения и возглавлявшего Восточный блок в соперничестве с Североатлантическим альянсом, возглавляемым США – не является «великой державой».

Поэтому вывод, который напрашивается сам собой, заключается в том, что рост международного престижа России возможен только при условии роста и укрепления российской экономики, чему в значительной степени препятствуют введенные США и Европейским Союзом в 2014 году против Российской Федерации санкции и их продолжающееся ужесточение.

Необходимо учитывать, что в современных условиях экономическая мощь, а не военный потенциал является решающим фактором в определении политического статуса государства, хотя при прочих равных характеристиках общей мощи стран, военный потенциал может иметь решающее значение для определения политического рейтинга. Военный потенциал представляет собой важную составную часть общей совокуп-

ной мощи государства наряду с политическим, экономическим, социальным, научно-техническим и другими видами потенциалов. Он призван гарантировать национальную независимость и самостоятельность, защитить от внешней агрессии [10, с. 82].

По мнению российских военных экспертов, актуальным является выстраивание новой региональной и международной систем безопасности и сотрудничества и участия в них Российской Федерации с учетом изменяющихся условий и изменения межстрановой иерархии и лидерства в мире. Так как с изменением мировой экономической конфигурации меняются геоэкономическая и геополитическая конфигурации. Успешно развивающиеся экономики вполне закономерно претендуют на участие в принятии стратегических решений в развитии мировой экономики и международных отношений [12, с. 38]. Кроме того, в новых геополитических условиях система глобальной безопасности подвижна и противоречива, а система региональной безопасности далека от совершенства. Идет формирование новой конструкции безопасности, которая должна учитывать растущий военный потенциал региона, политическую самостоятельность государств, которые в прошлом находились под военно-политическим патронажем СССР и США. Актуальным является выстраивание новой региональной и международной систем безопасности и сотрудничества и участия в них Российской Федерации, разработка новой концепции политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе на базе преемственности основных характеристик геостратегии, экономики и безопасности с учетом изменяющихся условий и изменения

межстрановой иерархии и лидерства в регионе [13, с. 13].

Научный руководитель Института Латинской Америки РАН, член-корреспондент РАН В.М. Давыдов указывает, что исследователи более или менее едины в том, что прежняя система глобального регулирования себя исчерпала, и общество, человечество ищет новые пути. Эти поиски также осуществляются во многом спонтанно. Рождаются много организаций, которые стремятся оказаться в центре принятия глобальных решений, но не в состоянии их монополизировать [14, с. 56]. Как отмечают российские исследователи, присущая современному миру энергия противодействия порождает ситуацию неуправляемого хаоса (но скорее, по мнению автора, управляемого) в мирополитических отношениях [15, с. 111].

Как точно было определено академиком РАН Н.П. Шмелевым, биполярная система управления миром с участием международных организаций – ООН, Международного валютного фонда, других в целом обеспечивала какие-то условия мирового равновесия в прошлом веке. Хотя это равновесие часто нарушалось, например, в годы Корейской войны, Вьетнамской войны, всех арабо-израильских войн, советского вторжения в Афганистан, войн последних десятилетий, в том числе в Европе. Мировая экономическая система также давала время от времени сбои, причём очень болезненные. К концу XX века биполярная система управления сменилась однополярной, которая за истекшие 20 лет показала, что, хотя равновесие сил как-то удерживалось, включая по-прежнему равновесие страха, но назвать её успешной было бы большой натяжкой. Особенно на региональных и

локальных уровнях и в сфере отношений двух прежних самых серьёзных соперников – США и Советского Союза [16, с. 8-9]. И академик Н.П. Шмелев сделал вывод, что ни биполярная, ни однополярная системы глобального управления не смогли достойно ответить на мировые вызовы своего времени. Им на смену стала приходиться новая система – многополярного, многостороннего регулирования мира с сохранением многих элементов предшествующих систем, включая и Совет Безопасности Организации Объединённых Наций, и Международный Валютный Фонд, и Всемирную торговую организацию и т.д. Но пока полновесных ответов на новые вопросы глобального развития мировое сообщество не дало [16, с. 8-9].

Главные характеристики нового этапа глобализации четко показаны в коллективной монографии ИМЭМО РАН «Россия в полицентричном мире» (2011), – это усиление новых лидеров мировой экономики, завершение формирования глобальных рынков: ресурсных и товарных, финансовых, технологических и информационных, появление новых рисков и угроз, связанных с формированием крупных дисбалансов развития, неопределенностью ценовой ситуации на товарных рынках. В этой книге указывается, что динамизм мировой экономики сейчас и на перспективу определяют не развитые, а крупные развивающиеся страны: Китай, Индия, Бразилия. Они осваивают новые для них траектории роста на основе глобализации инновационной деятельности, сочетая активную политику привлечения иностранных инвестиций в свои наукоемкие отрасли сначала с торговой экспансией, а затем осуществле-

нием собственных инновационных проектов в сфере хайтека. Модернизация сельского хозяйства, промышленности, строительства, транспорта и связи на основе новейших технологий, реализованная в странах, где проживает большая часть населения мира, принципиально меняет картину глобального развития, дает новые стимулы экономическим процессам [17, с. 13].

И здесь уместно привести характеристику современного мира, блестяще сделанную членом-корреспондентом РАН Ан.А. Громыко, который отмечал, что международные отношения усложняются, они несут в себе не только новые возможности, но и риски – цивилизационные, социальные, экономические, финансовые и, что особенно тревожно, военные..., а мессианские настроения и имперские амбиции, используемые элитами сильных государств по отношению к слабым, разрушают уверенность в будущем...

Ан.А. Громыко указывал, что в современных международных отношениях проявляются две основные силы «глобального управления». Это, во-первых, право силы и, во-вторых, сила права..., а мировой порядок и стабильность могут существовать только в рамках правопорядка..., и уточняет, что подход к международным отношениям, когда при оценке политики, её целей и возможностей с лёгкостью используют потенциал баланса разных сил, ведёт к росту в мире турбулентности и неопределённости. В состоянии высокой турбулентности мировое сообщество рискует втянуться в пучину социального хаоса [11, с. 11-14].

Интересно, что в 2017 году к очередной годовщине встречи союзников на Эльбе в мае 1945 года, аме-

риканской стороной была подготовлена подборка из тридцати восьми высказываний крупных американских ученых, важности реалистичной и сдержанной внешней политики США Э. Бейсевич, почетный профессор Бостонского университета, Д. Бэндоу из Института Катона, П. Бьюкенен, писатель и обозреватель, С. Коэн из Принстонского и Нью-Йоркского университетов, Р.Д. Инглиш из Университета Южной Каролины и журнала *Foreign Affairs*, С. Кинцер из Уотсоновского института международных исследований Университета Брауна, Дж. Миршаймер из Университета Чикаго, Б. Поузен из Массачусетского технологического института, С. Уолт из Школы управления имени Джона Кеннеди Гарвардского университета, сенатор-республиканец от штата Кентукки Рэнд Пол и другие. Как отмечает Джордж О'Нил-младший, существует давняя традиция американского невмешательства. Еще Дж. Вашингтон советовал потомкам избегать «иностранных альянсов, привязанностей и интриг», а также завещал «проявлять добрую волю и соблюдать справедливость по отношению ко всем государствам, поддерживать мир и согласие со всеми».

В 1821 году Государственный секретарь Дж. К. Адамс отмечал, что Америка «не отправляется за границу в поисках монстров, которых надо уничтожить. Она доброжелательно относится к свободе и независимости всех людей, но она – защитник и борец только в отношении своих интересов». Эта мысль получила продолжение в высказанном более полувека назад отцом Уоррена Баффета конгрессменом Г. Баффетом заявлении: «Даже при желании Америка не смо-

жет поддерживать порядок во всем мире с помощью военной силы». Он указывал, что американские христианские идеалы невозможно экспортировать в другие страны за доллары и оружие: «Невозможно одновременно говорить о сотрудничестве в масштабах всего мира и осуществлять силовую политику» [18].

Такую же позицию занимает Б. Кауфман, который в своей статье пишет: «В Вашингтоне кабинетным воякам и руководящим бомбардировками с ноутбука лицам легко обращаться к чужим сыновьям и дочерям с призывом отправляться за границу и сражаться, будь то во Вьетнаме, Ираке или Европе. Результатами являются смерть и разруха за границей и фантастические суммы, потраченные на военно-промышленный и политический комплекс. Мы не можем воевать во всех этих местах одновременно, не столкнувшись с бедствиями». Обобщая все эти высказывания, Джордж О'Нил-младший, член совета директоров American Ideas Institute резюмировал: «Когда Америка проигнорировала эти мудрые советы, результатом стало множество негативных непредвиденных последствий и затрат в размере пяти-шести триллионов долларов, и спустя шестнадцать лет все больше людей стремится нападать на нас и уничтожать, и конца этому не видно» [18].

В конце 2014 года Президент России В.В. Путин по традиции поздравил с наступающим Новым годом и Рождеством глав зарубежных государств и правительств, а в поздравлении лидеру США Бараку

Обаме глава России упомянул, что в наступающем 2015 г. страны отмечают 70-летие Победы, за которую сражались плечом к плечу с союзниками по антигитлеровской коалиции и подчеркнул: «Эта историческая дата напоминает об ответственности России и США за поддержание мира и международной стабильности, их особой роли в противодействии глобальным вызовам и угрозам», причем российско-американское партнёрство могло бы успешно развиваться, опираясь на принципы равноправия и взаимного уважения.

Завершить статью хотелось бы обобщением результатов многолетнего лонгитюдного опроса по оценке статуса представителей различных групп населения России и прогнозированию их жизненного сценария, который мы проводим с 1996 года в рамках проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») ИСПИ ФНИСЦ РАН среди различных референтных групп. Одна из групп включала пенсионеров – участников Великой Отечественной войны. На последний итоговый вопрос анкеты по оценке своего жизненного пути: «Кем Вы себя считаете? Победителем или побежденным?» все без исключения ветераны войны единодушно ответили: «Конечно же, победителем. Все наше поколение – победители! Мы такую войну пережили, выстояли, фашистов победили. Мы – победители!» А мы их наследники будем гордиться их гражданским мужеством. Несгибаемое поколение победителей всегда будет для нас примером.

Библиографический список

1. Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы о глобализации: предварительные размышления // Глобализация: контуры XXI века: реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН. 2004. С. 58.
2. Рубан Л. С. Эволюция феномена «великая держава», системы коллективной безопасности и современный миропорядок // Информация, дипломатия, психология. М.: Известия. 2002. С. 119-129.
3. Сколько Россия заплатила США за Ленд-лиз // Рамблер.Финансы: [сайт]. 22.09.2017. URL: <https://u.to/hTCYgG> (дата обращения 28.10.2020).
4. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1991.
5. Внешняя политика Советского Союза. Том 3. С. 117.
6. Roosevelt F. D. The Public Papers and addresses. 1944-1945. Цит. по: Рубан Л. С. Эволюция феномена «великая держава», системы коллективной безопасности и современный миропорядок // Информация, дипломатия, психология. М.: Известия. 2002. С. 127.
7. Крымская конференция трех великих держав – СССР, США и Великобритании. Сборник документов. М.: Политиздат, 1984. 302 с.
8. Фултоновская речь Черчилля // История холодной войны: [сайт]. URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> (дата обращения 20.01.2020).
9. Громыко Ал. А. Глобальное регулирование и вопросы полицентричности // Глобальное управление в XXI в.: инновационные подходы. М.: ИЕ РАН, Нестор-история, 2013. С. 57-61.
10. Комплексная характеристика ситуации в АТР (по результатам международных экспертных опросов в 2005-2014 годах). М.: Academia, 2016. 340 с.
11. Громыко Ал. А. Возможности и риски глобального управления // Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. М.: Институт Европы РАН, Нестор-история, 2013. С. 9-16.
12. Рубан Л. С., Катаева Е. Г., Хегай В. К. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке. М.: Наука, 2006. 404 с. ISBN 5-02-034329-3.
13. АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.). М.: Academia, 2019. 260 с.
14. Давыдов В. М. Новые центры силы – доступ к механизмам глобального регулирования // Глобальное управление в XXI в.: инновационные подходы. М.: ИЕ РАН, Нестор-история, 2013. С. 54-57.
15. Стецко Е. В. Глобальное управление и роль неправительственных организаций в его становлении // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4. С. 110-115.
16. Шмелев Н. П. Введение // Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. М.: Институт Европы РАН, Нестор-история, 2013. С. 7-9.
17. Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011. 578 с.
18. Джордж О'Нил-младший. Зачем нам сотрудничество с Россией? // Inosmi: [сайт]. 25.04.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170425/239211984.html> (дата обращения 30.01.2020).

Дата поступления в редакцию 29.10.2020

References

1. Robertson R., Khondker H. (2004). Discourses of globalization: preliminary considerations // Globalization: Contours of the 21st century. Abstract collection. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS. P. 58 (in Russ.).

2. *Ruban L. S.* (2002). Evolution of the phenomenon of “Great power”, the system of collective security and the modern world order. Information, diplomacy, psychology. Moscow: Izvestia. P. 119-129 (in Russ.).

3. How much Russia paid the USA for Lend-Lease // Rambler. Finance. 22.09.2017. URL: <https://u.to/hTCYgG> (last request 28.10.2020) (in Russ.).

4. Political science. Encyclopedic Dictionary. Moscow. 1991 (in Russ.).

5. Foreign policy of the Soviet Union. Vol. 3. P. 117 (in Russ.).

6. *Roosevelt F. D.* The Public Papers and addresses. 1944-1945. Cit. by *Ruban L. S.* (2002). Evolution of the phenomenon of “Great power”, the system of collective security and the modern world order. Information, diplomacy, psychology. Moscow: Izvestia. P. 119-129 (in Russ.).

7. The Crimean Conference of the Three Great Powers – USSR, USA and Great Britain. Collection of documents. Moscow: Politizdat, 1984. 302 p. (In Russ.).

8. Churchill’s Fulton speech // History of the Cold War. URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> (last request 20.01.2020) (in Russ.).

9. *Gromyko A. A.* (2013). Global regulation and polycentricity issues // Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Moscow: Institute of Europe. P. 57-62 (in Russ.).

10. Comprehensive description of the situation in the APR (based on the results of international expert surveys in 2005-2014). Moscow: Academia, 2016. 340 p. (In Russ.).

11. *Gromyko An. A.* (2013). Opportunities and Risks of Global Governance // Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Moscow: Institute of Europe. P. 9-16 (in Russ.).

12. *Ruban L. S., Kataeva E. G., Khagai V. K.* (2006). Geostrategic interests of the Russian Federation in the Far East. Moscow: Nauka. 404 p. ISBN 5-02-034329-3 (in Russ.).

13. Asia-Pacific through the eyes of experts (international expertise 2005-2019). Moscow: Academia, 2019. 260 p. (In Russ.).

14. *Davydov V. M.* (2013). New centers of power – access to the mechanisms of global regulation // Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Moscow: Institute of Europe. P. 54-57 (in Russ.).

15. *Stetsko E. V.* (2012). Global governance and the role of non-governmental organizations in its formation. Society. Wednesday. Development. № 4. P. 110-115 (in Russ.).

16. *Shmelev N. P.* Introduction // Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Moscow: Institute of Europe. P. 7-9 (in Russ.).

17. Russia in a polycentric world / Ed. A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow: Ves’ Mir, 2011. 578 p. (In Russ.).

18. *George D. O’Neill Jr.* (2017). Why do we want a cooperative relationship with Russia? // Inosmi. April 24, 2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170425/239211984.html> (last request 30.01.2020).

The article was submitted on: October 29, 2020

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЁЖЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И СЕМЬЕ КАК ДУХОВНЫХ ИМПЕРАТИВАХ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Павлов Борис Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия).

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

AutorID РИНЦ: 75373

Пронина Елена Ивановна, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия).

E-mail: pronina@isras.ru

AutorID РИНЦ: 137525

Бердник Людмила Павловна, кандидат социологических наук, доцент, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

E-mail: soclab@econ.cgu.su

AutorID РИНЦ: 170557

Икингрин Елена Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, Нижневартковский государственный университет (Нижневартковск, Россия).

E-mail: ikingrinen@mail.ru

AutorID РИНЦ: 331070

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы воспроизводства социальной памяти и механизм преемственности духовных и нравственных ценностей в контексте повседневных семейных отношений «родители-дети». Анализируется влияние профессиональных, возрастных, гендерных и территориальных особенностей молодёжи на её патриотические установки. Авторы считают, что перманентная патриотическая память молодёжи о ВОВ, может служить долгосрочным духовным брендом российского социума.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, Великая Отечественная война, патриотические установки, ценностные ориентиры, социальная память, преемственность поколений, социология, регион.

Для цитирования: Павлов Б. С., Пронина Е. И., Бердник Л. П., Икингрин Е. Н. Российская молодёжь о Великой Отечественной войне и семье как духовных императивах российского гражданского общества // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 41-58. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.3

RUSSIAN YOUTH ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR AND FAMILY AS SPIRITUAL IMPERATIVES OF RUSSIAN CIVIL SOCIETY

Boris S. Pavlov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics RAS (Ural branch) (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Elena I. Pronina, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (Moscow, Russia).

E-mail: pronina@isras.ru

Lyudmila P. Berdnik, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

E-mail: soclab@econ.cgu.su

Elena N. Ikingrin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia).

E-mail: ikingrinen@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of reproduction of social memory and the mechanism of continuity of spiritual and moral values in the context of everyday family relations "parents-children". The article analyzes the influence of professional, age, gender and territorial characteristics of young people on their Patriotic attitudes. The authors believe that the permanent Patriotic memory of young people about the second world war can serve as a long-term spiritual brand of Russian society.

Keywords: youth, students, the Great Patriotic War, Patriotic attitudes, values, social memory, continuity of generations, sociology, region

For citation: Pavlov B.S., Pronina E.I., Berdnik L.P., Ikingrin E.N. (2020). Russian youth about the Great Patriotic War and family as spiritual imperatives of Russian civil society. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 41-58. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.3

«Никто, – писал К. Маркс – не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей» [1, т. 3, с. 245]. О каких специфических потребностях российского социума, связанных с событиями ВОВ, идёт речь в настоящее время? Почему актуализировалась острая необходимость обновления общественного сознания на этапе кардинальных трансформаций его социально-экономического развития в первые десятилетия XXI века? По мнению Д. Лоуэнталя, «завладевшая нами ностальгия, маниакальный поиск истоков, повальное увлечение исторической консервацией, сильнейшая приверженность к национальному наследию – все это показывает, с какой интенсивностью мы по-прежнему ощущаем прошлое» [2, с. 24]. *Социальная память*, являя собой основной материал и инструмент процесса преемственности поколений, во многом утрачивает свою статичность и, становясь подвижным и динамично изменяющимся явлением, вызывает необходимость исследовать этот феномен в контексте социально-политических процессов, протекающих

в обществе риска и нестабильности. Свойственная индустриальному обществу, *структура социальной памяти*, может быть представлена функционирующей на трёх основных уровнях:

Во-первых, социальная память как *информационная система*, в которой действуют особые закономерности сохранения, переосмысления и воспроизведения информации о прошлом. *Во-вторых*, социальная память как особая *институциональная структура*, создаваемая, сохраняемая и используемая людьми для воспроизводства материальных и духовных благ и ценностей развивающейся конкретной цивилизации. И, *в-третьих*, социальная память как *система ценностей*, являющихся продуктом социокультурных практик, которые, в свою очередь, «выступают человеческими формами активного отношения к миру, важнейшими факторами образования жизненного пространства человеческого рода и всеобщими основаниями культуры» [3].

Качественно новый момент в концепцию феномена «социальной

памяти» – *принцип историзма* – был внесен в Ю.А. Левадой. Изучение трансформации исторического сознания общества как одной из форм общественного сознания, по его мнению, предполагает осознание того, что любое общество обладает особым механизмом, с помощью которого оно фиксирует свои прошлые состояния и воспроизводит сложившиеся типы общественных отношений. Социальной памяти, обладающей динамикой, предпосылается возможность переоценки ее предмета, перестройки ее структуры и ее функций. По мнению Левады, формы исторического сознания общества развиваются от «непосредственно-практической памяти примитивного общества (через этапы мифологического и утопического) к подлинно научному историческому сознанию» [4]. Естественно, сохранение, воспроизводство и воздействие социальной памяти на различные социально-демографические группы населения страны в различные периоды развития социума неоднозначны и детерминируются различиями половозрастных, расово-этнических, профессионально-производственных и институционально-статусных характеристик. Обратимся к примеру гражданской акции «Бессмертный полк»: в Москве, Екатеринбурге, Владивостоке и многих других поселениях России в составе колонн плечом к плечу шли многочисленные жители различного пола и возраста, национальностей и конфессий, разных профессий и должностей, малоизвестные, широко известные и популярные деятели. В единую колонну их «собирают», очевидно, достаточно веские, убедительные и неоспоримые потребности, интересы, мотивы, ценностные ориентации. Заметим, что набор этих

побудительных факторов в подавляющем большинстве своём перевешивал противоречия, неприятия, конфликты и т.п., возникшие на почве социально-экономических, идеологических и нравственно-политических разногласий и неприязни. О наличии и масштабах таких противоречий и конфликтов можно судить по результатам мониторинговых опросов Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН. Так, результаты исследования демонстрируют, насколько общеизвестный «конфликт поколений» («отцов и детей») актуален для большинства российского населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Мнения респондентов о значительности противоречий, неприязни в современном российском обществе.

Вариант значительны

(% от числа опрошенных; в числителе вариант: «*между младшими и старшими поколениями*»; в знаменателе – «*между бедными и богатыми*»)

Годы	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Процентное соотношение	27/72	35/69	26/74	28/76	28/79	26/74

Источник: Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН [5].

В настоящее время мы можем правомерно говорить об исторически неординарном периоде жизнедеятельности поколений российского социума, переживающего период обновления социально-экономических и политических основ государственности. На переломе второго и третьего тысячелетий в строительстве российского общества можно выделить (с известной долей условности) пять основных, сменяющих друг друга этапа (см. рис. 1) [6; с. 35].

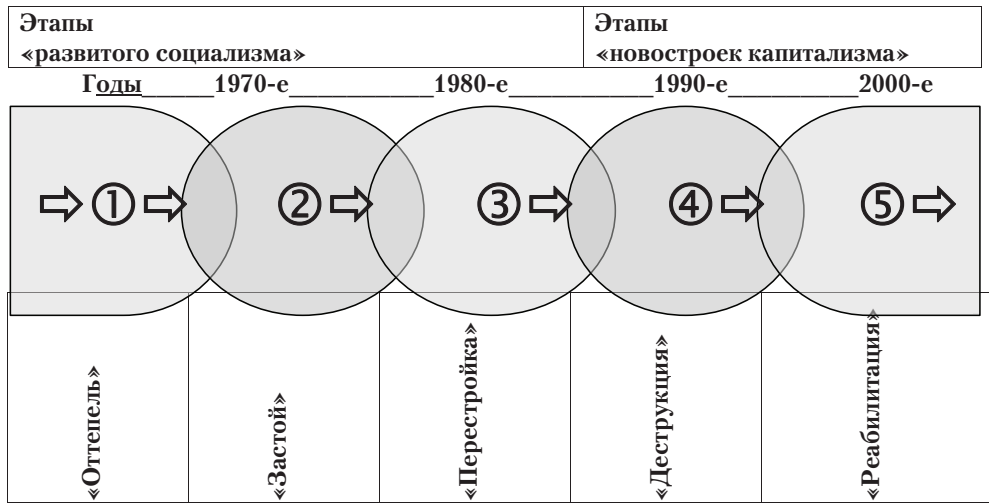

Рисунок 1. Этапы социально-экономической «реконструкции» России на переломе XX-XXI веков

Выделенные нами этапы социально-экономических преобразований российского социума, их хронология и названия – авторские и во многом носят условный характер. Предваряя дальнейшие рассуждения о сохранении и воспроизводстве социальной памяти россиян о событиях 75-ти летней давности, важно подчеркнуть уверенность авторов в том, что немеркнущая патриотическая память российского народа о трагических событиях ВОВ – это производная синкретичного эффекта позитивного взаимодействия большинства населения России в рамках двух взаимосвязанных поколенческих структур: *общенациональных* (гражданских) и *семейных* (примордиальных). При этом возьмём на себя смелость сравнить воздействие семейного образа жизни россиян на жизнедеятельность населяющих его народов, общностей, социальных групп и отдельных индивидов с объединяющим, скрепляющим и усиливающим действием строительного цемента.

К числу институциональных структур, сохраняющих и воспроизводящих социальную память, в нашем конкретном случае – память о ВОВ, вне всякого сомнения, следует относить социальный институт семьи. Известный российский слоган: «КРЕПКА СЕМЬЯ – КРЕПКА ДЕРЖАВА» свидетельствует об основополагающей роли института семьи в строительстве государственности, в укреплении и в стабилизации общественных отношений, в сохранении и передаче социальной памяти в процессе преемственности поколений (в нашем случае поколений семьи в их демографической интерпретации: сменяющих друг друга поколений дедов-отцов-сыновей-внуков) [7, с. 237-249]. В чём природно-родовая и социально-психологическая сила семьи? Попытаемся выделить наиболее существенные признаки семьи и принципы образования этой социально-бытовой общности людей.

Во-первых, основной духовной силой, объединяющей членов семьи, является чувство кровнородствен-

ной близости, детерминирующей возникновение между ними взаимной моральной ответственности. Гегель писал о семье, что «это не просто естественный, животный союз, и не просто гражданский договор, а прежде всего, моральный союз, возникающий на основе взаимной любви и доверия». Подчёркивая высокое духовное сплочение членов семьи, он говорил: «... семья по существу составляет только одну субстанцию, только одно лицо» [8, с. 68]. Следует особо отметить, что моральная взаимная ответственность членов семьи сочетается с юридически закреплённой ответственностью, фиксируемой институтом брака, правами детей, родителей, родственников.

Во-вторых, одна из главных функций семьи – воспроизводство населения и первичная социализация нового поколения – предопределяет присутствие во взаимоотношениях внутри семьи не только таких важных моментов, как материальная и моральная забота друг о друге, но и создание, сохранение и передачу специфических семейных духовных ценностей: супружеская и родительская любовь, уважение, почитание и любовь детей к родителям. «Семейная жизнь, – отмечает К. Маркс, – становится жизненным проявлением любви» [1, т. 1, с. 334]. Своеобразие эмоциональной окраски общения разных поколений внутри семьи дают основания отдельным авторам классифицировать эту социально-бытовую ячейку общества как определённую неформальную социально-психологическую группу, интимную группу.

В-третьих, члены семьи связаны общностью быта, т.е. одним жилищем, идентичностью удовлетворения ряда хозяйственно-бытовых

нужд, определённым кругом общих предметов обихода и т.д. Это, в свою очередь, является существенным фактором, влияющим на формирование у них в какой-то степени одинаковых потребностей, стандартов, критериев, ценностных ориентаций, ибо «... сознание ... есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознанием ограниченной связи с другими людьми и вещами» [1, т. 3, с. 29].

В-четвёртых, как отмечал в своё время Гегель, «семья в качестве лица имеет свою внешнюю реальность в некоторой собственности; в собственности она обладает наличием бытия своей субстанциональной личности как в некотором имуществе» [9, с. 200]. В той мере, в какой семья сохраняет в современном российском обществе хозяйственно-экономический потенциал (единый бюджет, общее имущество, ведение домашнего хозяйства, организация потребления и т.д.), в той мере эта материальная основа обуславливает специфику семейных взаимоотношений, накладывает дополнительные обязанности, предопределяет взаимовыручку, поддержку, помощь, как в духовном, так и материальном плане.

И, наконец, *в-пятых*, семью отличает наибольшая устойчивость и стабильность (по сравнению с другими бытовыми общностями), вследствие чего «она воздействует на все стороны личности своих членов, контролирует все аспекты их поведения» [10, с. 14]. Одно из наиболее полных и удачных, на наш взгляд, определений семьи (применительно к социалистическому обществу) принадлежит А.Г. Харчеву. Он предлагал представлять семью «как обладающую исторически определённой организацией малую социальную группу,

члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [11; с. 16]. Соглашаясь в целом с такой трактовкой феномена «семья», следует, однако, заметить, что в данном определении семьи, по нашему мнению, не нашли достаточного отражения один существенный момент: не подчёркивается кровнородственная близость людей, образующих семью.

Социологический анализ сохранения и воспроизводства памяти о событиях Великой Отечественной войны в общественном и обыденном сознании молодёжи предполагает обязательное обращение к цифровым выкладкам, количественно характеризующим и удостоверяющим состояние проблемы, с одной стороны и подкрепляющим теоретико-практические выводы и предложения исследователей, с другой. Помимо перманентного банка статистической информации коллег Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН за 1995-2020 гг., авторы статьи имеют возможность обратиться к результатам ряда исследовательских проектов, реализованных ими (или с их активным участием), как в Уральском Федеральном округе, так и в РФ в целом.

Данные социологических опросов, проведенных на Урале и в крупных городах других регионов России, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп населения. Продемонстрируем это на примере вопроса из ан-

кеты «Урал-Население-2008»¹, где респондентам было предложено выбрать из списка пять наиболее важных для них ценностей, к которым может стремиться взрослый человек (см. табл. 2).

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как «хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая работа», «материальное благополучие» и «хорошие жилищные условия» занимают первые пять позиций как у подростков, так и их родителей. Интересно и другое: согласно полученным данным, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, живущих в городе и в сельской местности, практически идентична.

Основоположники социально-экономических теорий подчёркивали непрерывность человеческой истории, которая обеспечивается преемственностью поколений, представляющих собой своеобразные звенья единой непрерывной цепи. «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений...» – пишут К. Маркс и Ф. Энгельс [1, т. 3, с. 44]. Каждое поколение людей (будь то поколение крестьян России первого десятилетия XX в. или поколение рабочих 30-х годов, военное поколение советского народа 40-х или поколение перестройки 80-х, решает свои задачи в конкретных исторических условиях. Тот или иной успех, то или иное социальное завоевание поколения – результат деятельности всей совокупности людей, составляющих

¹ Опрошены жители 7-ми городов и 14 сельских поселений Пермской, Свердловской и Челябинской областей из 4-х категорий: учащиеся средних и старших классов городских школ (900 чел.); их ровесники из сельских школ (540 чел.); родители учащихся городских школ (770 чел.); молодые рабочие до 25 лет с городских предприятий Свердловской и Челябинской областей (570 чел.).

это поколение. Так, победа в Великой Отечественной войне – это заслуга не только живущих сегодня ветеранов войны и труда, отстоявших на фронте и в тылу независимость нашей Родины. Победу над врагом ковали (в разной мере, в разной форме, разными средствами): и те 20 млн советских людей, которые погибли на фронтах и в тылу врага в годы вой-

ны, и десятки миллионов советских людей старшего и среднего возраста, участвовавшие в войне и умершие в послевоенные годы. Поколение военных лет, свершив свою великую историческую миссию, ушло в историю. Стали во многом историей и те социальные условия, исторические задачи, которые стояли перед советским народом в 40-е годы [12; 13; 14].

Таблица 2

Жизненные ценности и предпочтения у различных групп населения Урала
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители	Молодые рабочие
	город	село		
А. ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ И ВИТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ				
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13
Б. ВНЕСЕМЕЙНОЕ ОБЩЕНИЕ, ИНТЕРЕСЫ				
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Содержательный, интересный досуг	27	20	23	11
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	40	17
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11

Важно осознавать, что люди разного возраста принадлежат внутри одного поколения к разным поколенческим слоям, различающихся той или иной степенью социальной зрелости и включенностью в общественное производство и общественные отношения, степенью освоения и достижения тех социально значимых характеристик, которые отличают данное конкретное поколение от предшествующих. «Механизм» преемственности поколений состоит как раз в том, что в одном поколении (одной общности людей) более зрелая

часть ее, опираясь на накопленный опыт, создает условия для социального созревания и движения вперед молодой, менее опытной части общества. В настоящее время, по мнению современных исследователей межпоколенческих проблем особо актуализируется проблема социализации представителей новых поколений Z и «Альфа»². Особое влияние на формирование поколения «Альфа» уже оказал и будет оказывать впредь феномен COVID-19, который еще боль-

² Молодые люди, рождённые в конце 90-х годов XX века и позже.

ше укрепил роль технологий в жизни, а также дополнительно показал и ценность личного человеческого контакта. Поколению «Альфа» будет привычно использование таких инструментов как Zoom и активное участие в мероприятиях виртуального мира [18].

Таблица 3

Приоритеты гуманистических ценностей уральских студентов

(столбец 2: в числителе % от общего числа опрошенных мужчин-студентов;

в знаменателе – студенток;

столбец 3: в числителе % от общего числа

«неверующих» студентов;

в знаменателе – «верующих»)

Гуманистические ценности	Группы (процентное соотношение)	
	Мужчины / женщины	Неверующие / верующие
1. Любовь	76 / 87	80 / 85
2. Свобода	78 / 71	75 / 72
3. Дружба	75 / 74	72 / 76
4. Добро	61 / 69	59 / 70
5. Справедливость	60 / 58	57 / 60
5. Честь	60 / 46	52 / 54
6. Счастье	57 / 71	63 / 67
8. Совесть	53 / 55	54 / 54
9. Порядочность	41 / 51	44 / 46
10. Патриотизм	34 / 19	23 / 27
11. Красота	32 / 32	33 / 31
12. Терпимость	28 / 32	33 / 28
13. Надежда	26 / 28	21 / 33
14. Вера в Бога	22 / 24	13 / 33
15. Человеколюбие	20 / 30	30 / 23
16. Милосердие	19 / 26	18 / 29
17. Трезвенность	19 / 19	20 / 17
18. Миротребие	18 / 17	13 / 22
19. Вера в идеалы	17 / 13	15 / 15
20. Смирение, кротость	6 / 3	4 / 5

Чем сложнее и разнороднее социальная структура общества, тем более общими и интегрированными должны быть условия, задачи, черты поколения той общности, типиче-

ские для подавляющего большинства его членов. О внутр поколенной дифференциации совместно живущих и действующих россиян можно судить по данным опроса «Урал-ВУЗ-2010»³. Один из вопросов анкеты предлагал выбрать 10 (из 20 предложенных) наиболее значимых для респондента *гуманистических ценностей* (см. табл. 3).

В Послании Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. отмечается: «Мы должны всецело поддерживать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а, прежде всего, пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [19]. Несколько позже, в Послании юбилейного – 2020 – года Победы, Президент подчеркивает: **«Поддержка семьи, её ценностей – это всегда обращение к будущему, к поколениям, которым предстоит жить в эпоху колоссальных технологических и общественных изменений, определять судьбу России в XXI веке»** [20]. Вольно или невольно Президент объединил воедино поня-

³ Опрос 530 студентов технических и гуманитарных направлений старших курсов УрГУ на предмет уровня и характера причастности молодых людей к религиозной культуре.

тия «семья», «новые поколения» и, добавим, «гражданское общество». Трудно возразить против такой постановки вопроса и продуктивных целеполаганий.

Обратимся к более конкретной социальной проблеме в попытке проанализировать как отражается в повседневной жизнедеятельности российских семей память о событиях ВОВ, в частности, как отмечается 9 Мая – всенародный «День Победы»⁴. Авторы поставили перед собой задачи: а) показать социально-психологический характер отношений ко Дню Победы в родительских семьях российских студентов; б) проанализировать конкретные поведенческие проявления, символизирующие это отношение.

С позиций марксистской диалектики и материалистического понимания исторического развития, праздники в жизни человеческого общества рассматриваются в непрерывной связи с природной и социальной средой. Еще Ф. Энгельс в работе «Рейнские празднества» отмечал, что необходимо связывать развитие праздников с определенной географической средой, главным образом общественной [1, т. 2, с. 22]. Отправной точкой исследования феномена «праздник» выступает, как правило, способ производства, влияющий на изменение всех общественных процессов. При этом, «смена типа праздника определяется сменой способа производства... В тех случаях, когда способ производства находится на восходящей ступени развития... деятельность господствующего класса способствует в основном обществен-

ному прогрессу, в том числе развитию праздников» [15].

Чувство патриотизма – сложный социально-психологический феномен, обязывающий социолога при разработке методологии и методики исследований уточнять демографические и социальные характеристики респондентов, социокультурные реалии времени их первичной и вторичной социализации. Известно, что мировоззрение российской молодежи формировалось в атмосфере жесткого противоречия между реалиями жизни, жизненными приоритетами, нравственными ориентирами, традициями, деструкции основных традиционных социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство молодых поколений россиян. Речь идет прежде всего, о первичном социальном институте – «родительская семья», институтах образования труда: «общеобразовательная школа», «ВУЗ», «трудовой коллектив».

В основу эмпирической базы легли результаты ответов респондентов на три вопроса анкеты «ВУЗ-РФ-ВОВ-2020»: «Приближается 75-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у вас эта дата?», «Чем для Вашей семьи является День Победы?», «Как обычно Вы проводите 9 Мая?». Ответы на эти вопросы позволяют в некоторой мере анализировать механизм социально-оценочной самоидентификации молодых людей в ракурсе воспроизводства социальной памяти событий ВОВ. Традиционно социально-педагогическими «спонсорами» и «инвесторами» процесса профессиональной социализации студентов являются два социальных института: «Родительская семья» и «ВУЗ».

⁴ На примере материала опроса «ВУЗ-РФ-ВОВ-2020» (онлайн-анкетирование 14000 студентов более чем 80 ВУЗов из 50 городов России и стран бывшего Советского Союза), 2019-2020 гг.

**Социально-оценочная идентификация событий ВОВ учащимися и студентами РФ
в 2020 г.: социально-демографический аспект⁵**
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Значение события для респондента	ГРУППЫ по ВУЗам, в том числе:				
	В целом	По полу		Бакалавры	
		женщины	мужчины	1-ый курс	4-ый курс
ВОСПРОИЗВОДИМАЯ ПАМЯТЬ ОБЩЕСТВА, НАЦИИ					
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	50	55	42	53	46
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	17	17	17	16	19
День гордости за СССР	13	14	12	13	14
ВОСПРОИЗВОДИМАЯ ПАМЯТЬ СЕМЬИ					
День памяти о родных, прошедших войну	42	46	40	43	39
«Праздник со слезами на глазах»	33	27	38	33	34
ПАМЯТЬ СТИРАЕТСЯ, УТРАЧИВАЕТСЯ					
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	25	31	20	23	27
Просто выходной	9	12	7	9	10
Героизм и самопожертвования во время ВОВ становятся чуждыми значительной части молодежи	9	10	8	9	8

Данные таблицы 4 предоставля-ют заинтересованному и компетентному читателю широкие возможности для анализа и самых разноплановых, даже разнонаправленных размышлений. С одной стороны, речь идёт о чрезвычайно важном и сложном социальном феномене, который нельзя разложить на заранее заданное число «упорядоченных» позиций. С другой, – феномен представляется настолько близким и общепонятным каждому человеку, что позволяет ему иметь и высказывать «своей единственно правильное и неоспоримое» мнение, нередко – «особое», «несогласное», «противостоящее». В качестве резюме к табличным данным выскажем некоторые авторские соображения:

⁵ В таблице использованы оценочные индикаторы из двух вопросов анкеты: «Приближается 75-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у вас эта дата?»; «Чем для Вашей семьи является День Победы?».

1. Как показали исследования, *гендерные различия* в оценочных суждениях несущественны: «подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений», «День памяти о родных, прошедших войну», «Праздник со слезами на глазах», «с годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы», «героизм и самопожертвования во время ВОВ становятся чуждыми значительной части молодежи».

2. Небезынтересны ответы респондентов на вопросы: «*Растёт ли патриотизм?*» и «*Не ослабевают ли «патриотическая память» студентов за годы обучения в ВУЗе?*». Мы склонны считать, что за четыре года в сознании молодых людей происходят некоторые неоднознач-

ные и однонаправленные подвижки патриотического сознания: «подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к родине будут примером для новых поколений», «память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников», «день памяти о родных, прошедших войну», «с годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы».

Далее проанализируем ответы респондентов на эти же вопросы представителей трёх социально-демографических групп российской молодёжи: студентов 4-х ВУЗов РФ (МГТУ, ВолГТУ, УрФУ и ДВФУ) и студентов, обучающихся на территориях трёх Федеральных округов (ЦФО, УрФО, ДФО):

– 13% студентов ВУЗов РФ считают, что праздник «75-летие Победы» в общественном сознании ассоциируется с **«Днём гордости за СССР»**. В том числе 11% студентов МГТУ; 11% ВолГТУ; 15% УрФУ; 14% ДВФУ; 9% студентов ВУЗов ЦФО; 9% УрФО и 11% студентов Дальневосточного федерального округа;

– 50% студентов ВУЗов РФ считают, что праздник «75-летие Победы» способствует тому, что **«Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений»**. Среди них 33% студентов МГТУ; 52% ВолГТУ; 33% УрФУ; 41% ДВФУ; 18% студентов ВУЗов ЦФО; 19% УрФО и 15% студентов Дальневосточного федерального округа;

– 17% студентов ВУЗов РФ считают, что праздник «75-летие Победы» свидетельствует о том, что **«Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников»**. В том числе 21% студентов МГТУ;

15% ВолГТУ; 16% УрФУ; 16% ДВФУ; 25% студентов ВУЗов ЦФО; 25% УрФО и 24% студентов Дальневосточного федерального округа;

– 33% студентов ВУЗов РФ считают, что праздник «75-летие Победы» для их семей является **«Праздником со слезами на глазах»**. В том числе: 34% студентов МГТУ; 36% ВолГТУ; 28% УрФУ; 32% ДВФУ; 40% студентов ВУЗов ЦФО; 37% УрФО и 43% студентов Дальневосточного федерального округа;

– 42% студентов ВУЗов РФ считают, что праздник «75-летие Победы» для их семей их родителей является **«Днём памяти о родных, прошедших войну»**. Среди них 40% студентов МГТУ; 46% ВолГТУ; 36% УрФУ; 36% ДВФУ; 36% студентов ВУЗов ЦФО; 36% УрФО и 29% студентов Дальневосточного федерального округа;

– 24% студентов ВУЗов РФ считают, что **«С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы»**. В том числе: 35% студентов МГТУ; 24% ВолГТУ; 38% УрФУ; 29% ДВФУ; 49% студентов ВУЗов ЦФО; 47% УрФО и 49% студентов Дальневосточного федерального округа;

– 9% студентов ВУЗов РФ считают, что праздник «75-летие Победы» трансформировался в **«Просто выходной»**. В том числе: 10% студентов МГТУ; 6% ВолГТУ; 17% УрФУ; 14% ДВФУ; 12% студентов ВУЗов ЦФО; 15% УрФО и 14% студентов Дальневосточного федерального округа;

– 9% студентов ВУЗов РФ считают, что **«Героизм и самопожертвования во время ВОВ становятся чуждыми значительной части молодежи»**. В том числе 10% студентов МГТУ; 9% ВолГТУ; 14% УрФУ; 14%

ДФУ; 8% студентов ВУЗов ЦФО; 9% УрФО и 10% студентов Дальневосточного федерального округа.

В качестве резюме необходимо отметить, что выявленные нами различия в оценках студентов тех или иных аспектов воспроизводства и сохранения социальной памяти о ВОВ среде школьной молодёжи и студенчества в большей мере зависят от объективного фактора – административно-географического. Другими словами, от степени сопричастности («включённости», «близости») коренного населения региона к непосредственным событиям ВОВ и последующему 75-летнему реабилитационному социально-экономическому периоду развития конкретной территории РФ, в которой расположены ВУЗы. Об этом важно помнить, говоря о положительных сторонах процесса преемственности поколений и не стоит забывать в случаях досадных сбоев этой преемственности.

Выше уже подчёркивалось, что чувство патриотизма – сложный социально-психологический феномен, который обязывает при разработке методологии и методики исследований уточнять демографические и социальные характеристики респондентов, социокультурные реалии времени их первичной и вторичной социализации. Нужно осознавать, что непрерывный процесс социализации российской молодежи происходил преимущественно в атмосфере жесткого противоречия между реалиями жизни, жизненными приоритетами, нравственными ориентирами, традициями поколений «отцов и детей» с диаметрально противоположными, во многом, оценками прошлого и настоящего. «Народ, объединенный победой над прошлым, – пишет российский социальный фи-

лософ И.Н. Лаврикова, – устремленный в будущее, консолидированный мечтами о лучшем, очень тонко и точно настроен на праздник». «До тех пор, пока новая власть не упрочит свои позиции на столько, чтобы перейти к технологиям запретов и устрашений, она и будет опираться на праздник. Тем более, эти технологии отшлифованы веками, дают быстрый эффект в отличие от более тонко организованного, затратного, требующего хлопотной подготовки праздника. У устрашений один финал, один сценарий – изъятие жизни, с праздником наоборот: каждый требует новых сценариев, новых версий и т.п., иначе праздник перестанет таковым быть, он перестанет радовать и объединять. Чем общество более развито, тем более цивилизованы и каналы его управления, они более щадят и оберегают человеческую жизнь, ведь, как показывает передовая мировая практика более ценного, чем человеческая жизнь на Земле нет ничего» [16, с. 90].

С незапамятных времён традиционно повседневная жизнь мыслящего человека делилась на две неравнозначные и чередующие друг за другом временные отрезки жизнедеятельности индивида (социальной группы, народа, нации). Первая – «будничная», обыденная, трудовая, производительная, напряжённая, ответственная – и вторая «праздничная», нетрудовая, непроизводительная малопродуктивная, «расслабленная». На страницах «Календаря событий» на сегодняшний день представлены более ТРЕХСОТ праздников, отмечаемых в России. Это и государственные праздники (Праздник весны и труда, День Победы, День России, День народного единства и пр.) и неизменно популярные (Новый год,

День защитника Отечества, Международный женский день и др.). В Календаре также представлены профессиональные праздники, отмечаемые специалистами многих отраслей промышленности, сельского хозяйства, армейские праздники; не забыты и праздники деятелей искусства, СМИ, органов власти. Праздники, являясь частью образа жизни, удовлетворяют широкий спектр материальных и духовных потребностей общества, социальной группы и отдельной личности. Источником деятельности людей, средством возникновения социальной активности выступают, как правило, социально обусловленные потребности [16]. Таким образом, праздник – это специфическое социальное явление, представляющее собой форму активного отдыха, основанного на самодетельности субъектов и способствующего восстановлению и развитию их физических и духовных сил посредством создания особого чувственно-эмоционального состояния. Кроме того, вместе с традициями, обычаями, обрядами и ритуалами праздник представляет собой часть более емкого понятия «праздничная культура», а праздничная культура как часть духовной культуры включена в духовную жизнь общества.

Уникальная возможность для социологов сложилась в России в преддверии празднования 75-ой годовщины Победы. Обострение пандемии COVID-19 в марте-апреле 2020 г. привело Президента РФ принять решение о переносе Парада Победы в Москве⁶ и шествия «Бессмертного полка». Проведённый 14-16 апреля 2020 г. опрос среди 25 тыс. пользователей проекта «Новости Mail.ru» по-

казал, что треть (34%) россиян считают хорошей идеей перенос выходных с майских праздников на другое время, еще 30% предложили их отменить после месяца самоизоляции в связи с угрозой коронавируса. Еще 27% заявили, что не понимают, зачем переносить выходные [21]. Осознавая необычайную сложность характера и содержания потребностей в тех или иных праздниках в процессе повседневной жизнедеятельности, мы попытались составить *понятийно-терминологическую карту* проявлений, эффектов социально-психологических состояний личности (социальной группы), в процессе проведения и участия в праздновании события. Предлагаемая карта ориентирована в первую очередь на Праздник Победы 9 Мая (см. табл. 5).

Важными для общества являются т.н. *организационные* потребности, которые, как выступают средством социализации людей, сплочения и объединения их в единый коллектив, формируя у личности чувство принадлежности к обществу, готовность к участию в общественных делах. В качестве одного из аспектов реализации, условно назовём их *«праздничных потребностей»* обратимся к анализу форм и содержания жизнедеятельности *«праздничного поведения»* студенческой молодёжи в ретроспективно-прогностической оценке (см. табл. 6).

Как и в предыдущем резюме, относительно различий социально-оценочной самоидентификации с событиями ВОВ, выскажем ряд наиболее существенных, на наш взгляд, концептуальных позиций, касающихся форм и способов сохранения и воспроизводства социальной памяти в рамках феномена «празднования». *Во-первых*, социально-патриотическая активность девушек-студенток

⁶ Соответственно и в других регионах РФ.

несколько выше, чем у их сокурсников. Такая активность несколько снижается по мере взросления молодых людей от 1-го к 4-му курсу обучения в ВУЗе. *Во-вторых*, лишь каждый третий-четвёртый молодой человек участвует (вовлекается) в торжественное чествование zdravствующих сегодня ветеранов войны и

тыла. Примерно такая же активность молодых людей в акциях возложения цветов на захоронениях участников ВОВ. *В-третьих*, анализ ещё раз подтверждает, что кровно заинтересованным основным инициатором и организаторов сбережения социальной памяти о событиях ВОВ, остаётся родительская семья студентов.

Таблица 5

Понятийно-терминологическая карта социально-психологических потребностей празднования годовщины Дня Победы 9 Мая

Характер, содержание потребности	Социально-психологические состояния, эффекты, проявления, отражение, понятия, слоганы, итоги достижения
Подтверждение патриотизма, верности и приверженности к позиционированию	любовь к Отечеству, любовь к Родине, патриотизм, патриот, преданность, правосознание, гуманность, антифашизм, непримиримость, свобода и независимость, культура нации, воспитываться в духе, воинский дух...
Проявление благодарности, сопричастности	благодарность, восхищение, вознаграждение, компенсация, награда, признательность, щедрость, благосклонность, доброта, оказано доверие, почтение, пожелание, благоволение, сердечность, теплота, приветствие, благоговение, одобрение, приязнь, спасибо, душевная щедрость, оказана поддержка, знак признательности...
Ощущение радости, благополучия	удовлетворённость, наслаждение, удовольствие, радость, восторг, довольство, доставить радость, величайшее почтение, доставленное удовольствие, пресыщенность, кайф, наверху блаженства...
Готовность к поддержке, самопожертвованию	сплочённость, защита отечества, компенсация, убожение, угода, убоготворение, обхаживание, проявить сочувствие, благодарность, признательность, соборезнование, сочувствие, сострадание, одолжение, изъятие, благопожелание, от чистого сердца, желание помочь, участливое отношение, бескорытность, человеколюбие, по гроб жизни, оказать услуги...
Сохранение достойной памяти предков, родословной, землячества	героическое прошлое, верность долгу, верная служба, самоотверженное служение, пафос, достоинство, низкий поклон, люди труда, родная кровь, честь рода, фамилии, неизменная любовь...
Стремление к национальной (этнической) самоидентификации	идентичность, самоидентичность, самобытность, консолидация, ментальность, самосознание, самоопределение, самоутверждение, обособление, менталитет, самоощущение, архетип, мировосприятие, автономия, общность, этнопсихология, этнонационализм, ассимиляция, идеологизация, дискурс, этноцентризм, имперскость, размывание, стереотип, доминирование, многонациональность, самоотжествление, идеологема, мифологема, группы меньшинств...
Достижение нового эффекта, инновационности	впечатление, импрессия, воздействие, следствие, итог, коэффициент полезного действия, развязка, исход, конец...
Подчинение текущей политической или социальной ситуации	идеология, компромисс, противостояние, манипуляция, ура-патриотизм, бюрократизм, эгоизм, шкурничество, угодничество, служебное рвение, чиновничество, псевдопатриотизм, показуха, аполитичность...
Стремление к возмещению потерь, реабилитации отчуждения	воздаяние, возмездие, расплата, кара, наказание, месть, мщение, возмещение, отплата, компенсация, сатисфакция, вендетта, дуэль, русофобия, националист, безыдейность, своекорыстие, антисоветизм, сепаратизм, ксенофобия, искупить, оправдать.

Таблица 6

Виды и формы занятий студентов ВУЗов РФ 9 Мая: социально-демографический аспект
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Занятия респондентов в праздничный день	Группы по ВУЗам, в том числе:				
	В целом	По полу		Бакалавры	
		женщины	мужчины	1-ый курс	4-ый курс
Празднование – ОБЩЕСТВЕННОСТЬ					
Участвую в праздничных мероприятиях	32	36	25	34	29
Поздравляю ветеранов	24	27	20	27	21
Возлагаю цветы к вечному огню, памятникам	26	31	20	30	23
Празднование – СЕМЬЯ					
Смотрю парад по ТВ (на Красной площади, местный)	54	56	52	52	56
Принимаю участие в шествии «Бессмертный полк»	34	38	27	39	27
За праздничным столом	14	13	16	15	13
Сам или вместе с родными хожу на кладбище, где похоронены родные – участники войны	11	11	12	11	11
Празднование – ДРУЗЬЯ, СОКУРСНИКИ					
Просто гуляю и отдыхаю	28	23	35	26	29

В завершение анализа эмпирической информации об участии студенческой молодёжи в празднованиях, связанных с ВОВ, обратимся к ещё одному аспекту проблемы. Об определяющей роли общественности, региональных и муниципальных органов управления в организации патриотического воспитания молодёжи, наглядно свидетельствуют результаты опроса «РФ-Школа-2008»⁷. Для иллюстрации мы выбрали 4 формы проведения праздника молодыми людьми: «Принимаю участие в шествии «Бессмертный полк» (**«Полк»**); «Возлагаю цветы к вечному огню, памятникам» (**«Огонь»**); «Поздравляю ветеранов» (**«Ветераны»**); «Сам или вместе с родными хожу на кладбище, где похоронены родные – участники войны» (**«Кладбище»**). Итак, как распределились ответы школьной молодёжи России

на вопрос, предложенный им в первые месяцы 2020 г.: «Как обычно Вы проводите 9 Мая?» (см. табл. 7).

Внимательно анализируя ситуацию по каждому городу и сравнивая её с другими городами РФ, ситуацию, нельзя не задаться вопросами: почему в едином педагогическом пространстве в РФ, в Первоуральске в поздравлении ветеранов ВОВ участвует каждый второй учащийся (48%), а в той же Москве – лишь каждый четвёртый (24%)? Почему возлагают цветы к вечному огню, памятникам в Новоуральске (Свердловская область) – 79%, а в Волгограде 24%? Почему в шествии «Бессмертный полк» участвуют в г. Рыбное 60% учащихся, а в Твери – в два раза реже (29%)? Ответы на эти вопросы, очевидно, нужно искать не только в докладах и отчётах городских и областных органах народного образования соответствующих городов и регионов.

⁷ «РФ-Школа-2008» – онлайн опрос 1885 учащихся 8-10 классов школ 30-ти городов РФ, 2019-2020 гг.

Таблица 7

**Виды и формы занятий школьников РФ
9 Мая**

(% от общего числа опрошенных
по каждому городу)

Города	Участие школьников в праздничных мероприятиях			
	«Полк»	«Огонь»	«Ветераны»	«Кладбище»
В целом	40	36	33	13
в том числе по городам:				
Рыбное	60	28	37	12
Дубна	49	39	39	14
Белгород	38	32	36	17
Новоуральск	36	79	48	14
Волгоград	31	24	20	13
Ивантеевка	31	28	35	14
Тверь	29	43	27	12
Москва	28	24	24	11

«Социология, при условии, что ею занимаются надлежащим образом, – отмечает Э. Гидденс, – обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства

предвзвешенным, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению». И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [17, с. 57]. В развитие такого утверждения социолога с мировым именем, добавим, что социально-биологический феномен родительской семьи в России, её социально-педагогический потенциал в настоящее время остаётся, к сожалению, пока недостаточно изученным и малоиспользуемым средством воспроизводства гражданственности и патриотизма в сознании и поведении молодых россиян.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 гг.
2. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль: Русский Остров, 2004. 622 с. ISBN 5-93615-032-1.
3. Устьянцев В. Б., Аникин Д. А. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации // Философия и общество. 2011. № 4 (64). С. 58-69.
4. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки: сборник. М.: 1969. С. 203-213.
5. Левашов В. К., Афанасьев В. А., Новоженкина О. П., Шушпанова И. С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь–декабрь 2018 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Перспектива, 2019. 59 с. ISBN: 978-5-88045-387-0.
6. Павлов Б. С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968-2018 гг.). Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2018. 825 с.
7. Павлов Б. С., Бердник Л. П., Зырянов С. Г., Аверьянова Д. В., Алдошенко Е. В. Память о войне сильна скрепами поколений российских семей // Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневецкого: Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

8. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 630 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Сочинения, т. 7. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 360 с.
10. Харчев А. Г. Быт и семья как категории исторического материализма // Проблемы быта, брака и семьи: сборник статей. Вильнюс: Минтис, 1970.
11. Харчев А. Г. Быт и семья в социалистическом обществе. М.: О-во «Знание» РСФСР, 1968. 40 с.
12. Павлов Б. С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. М.: Наука, 1984. 225 с.
13. Павлов Б. С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128-138.
14. Павлов Б. С., Бердник Л. П., Икингрин Е. Н., Пронина Е. И. Реабилитация «уроков семьи» для учащейся молодежи, как победа здравого смысла над логикой «кабы чего не вышло» // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2020. С. 698-706.
15. Лаврикова И. Н. Праздник по Марксу. Это серьезно // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 14 (85). Вып. 13. С. 229-230.
16. Злотников Р. А. Духовные потребности советского рабочего. Саратов: Изд.-во Саратов. ун-та, 1975. 236 с.
17. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима 1993. Том 1. Вып. 1. 255 с.
18. Маккриндл М. Поколение пандемии: как локдаун повлияет на современных детей // РБК. Тренды: [сайт]. URL: <https://u.to/0eaXGg> (дата обращения 30.10.20).
19. Послание Президента Федеральному Собранию // Оф. сайт Президента РФ. 12.12.2012 г. URL: <https://u.to/-ueXGg> (дата обращения 31.10.2020).
20. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента РФ. 15.01.2020 г. URL: <https://u.to/MKU7Fw> (дата обращения 31.10.2020).
21. Третью россиян поддерживает возможный перенос майских праздников // Коммерсантъ: [сайт]. 20.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326354> (дата обращения 31.10.2020).

Дата поступления в редакцию 02.11.2020

References

1. Marx K., Engels F. Works, volumes 1-39. 2nd ed. M.: Publishing house of political literature, 1955-1974 (in Russ.).
2. Lowenthal D. (2004). The Past is a Foreign Country // transl. from eng. A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir Dal: Russkiy Ostrov. 622 p. ISBN 5-93615-032-1 (in Russ.).
3. Ustyantsev V. B., Anikin D. A. (2011). Social memory in a risk society: the experience of philosophical conceptualization. Philosophy and Society. № 4 (64). P. 58-69 (in Russ.).
4. Levada Yu. A. (1969). Historical consciousness and scientific method // Philosophical problems of historical science: collection. Moscow. P. 203-213 (in Russ.).
5. Levashov V. K., Afanasiev V. A., Novozhenina O. P. et al. (2019). Express information. "How are you, Russia?" XLVIII stage of sociological monitoring, November-December 2018. Moscow: Perspective. 59 p. ISBN: 978-5-88045-387-0 (in Russ.).
6. Pavlov B. S. (2018). Sociological research at the Institute of Economics, Ural Branch of RAS (a half-century perspective on 1968-2018 research). Ekaterinburg: IE UB RAS. 825 p. (In Russ.).

7. *Pavlov B. S., Berdnik L. P., Zyryanov S. G., Averyanova D. V., Aldoshenko E. V.* (2020). The memory of the war is strong with the bonds of generations of Russian families // Thank you great-grandfather for the Victory ... Materials of the IV stage of monitoring "Modern Russian students about the Great Patriotic War": collective monograph / ed. Yu.R. Vishnevsky: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University. 352 p. (In Russ.).

8. *Hegel G. V. F.* (1971). Works of different years. In 2 volumes. T. 2. Moscow: Mysl'. 630 p. (In Russ.).

9. *Hegel G. V. F.* (1934). Philosophy of law. Works, vol. 7. M.-L.: Sotsekgiz. 360 p. (In Russ.).

10. *Kharchev A. G.* (1970). Life and family as a category of historical materialism. Problems of everyday life, marriage and family: a collection of articles. Vilnius: Minthis (in Russ.).

11. *Kharchev A. G.* (1968). Life and family in a socialist society. Moscow: Society "Knowledge" of the RSFSR. 40 p. (In Russ.).

12. *Pavlov B. S.* (1984). Social-class continuity and education of young workers. Moscow: Nauka. 225 p. (In Russ.).

13. *Pavlov B. S.* (2013). Consumption and consumerism of youth in the "interior" of poverty of parental families (for example, the Urals). ECO. № 7. P. 128-138 (in Russ.).

14. *Pavlov B. S., Berdnik L. P., Ikingrin E. N., Pronina E. I.* (2020). Rehabilitation of "family lessons" for young students, as a victory of common sense over the logic "if nothing happened". Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Issue 3. Part 1. Materials of the XIX National Scientific Conference with International Participation "Modernization of Russia: Priorities, Problems, Solutions". Part 2. Moscow. P. 698-706 (in Russ.).

15. *Lavrikova I. N.* (2010). Holiday according to Marx. This is serious. Scientific Bulletin of BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Right. № 14 (85). Issue 13. P. 229-230 (in Russ.).

16. *Zlotnikov R. A.* (1975). Spiritual Needs of the Soviet Worker. Saratov: Saratov University Press. 236 p. (In Russ.).

17. *Giddens E.* (1993). Nine theses on the future of sociology. Theory and history of economic and social institutions and systems. Volume 1. Issue 1. 255 p. (In Russ.).

18. McCrindle M. Pandemic Generation: How Lockdown Will Affect Modern Children. RBC Trends. URL: <https://u.to/0eaXGg> (last request 30.10.20) (in Russ.).

19. Presidential Address to the Federal Assembly. 12.12.2012 г. URL: <https://u.to/-ueXGg> (last request 31.10.2020).

20. Presidential Address to the Federal Assembly. 15.01.2020 г. URL: <https://u.to/MKU7Fw> (last request 31.10.2020).

21. A third of Russians support the possible postponement of the May holidays. Kommersant. 20.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326354> (last request 31.10.2020).

The article was submitted on: November 02, 2020

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/2308829X-2020-4.4
УДК 314.74

Г. И. Гаджимурадова, С. Р. Керимова

ПРОЕКЦИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ИСПАНИИ

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, кафедра демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: gadzhimuradova1@rambler.ru

AutorID РИНЦ: 293234

Керимова София Ровшановна, студентка, факультет управления и политики, МГИМО МИД России (Москва, Россия).

E-mail: soooffi@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются последствия европейского миграционного кризиса 2014–2016 гг. на примере Испании. Проблема сохраняет актуальность: каждый день сотни выходцев из Африки, Азии и Америки стремятся в Европу в надежде на лучшую жизнь. Средиземноморский маршрут, которым идут мигранты, проходит и через Испанию, в результате чего страна столкнулась с рекордным по численности потоком из африканских стран и оказалась в неоднозначной ситуации: с одной стороны, государство выступает за права мигрантов, с другой – наплыв беженцев и резкий рост уровня нелегальной миграции стали дестабилизирующим и опасным фактором во внутренней политике страны. Под влиянием европейского миграционного кризиса в политической жизни Испании возникли разногласия, начались обострения конфронтации различных партий и волнения среди коренного населения. Авторы делают попытку показать, к каким политическим последствиям может привести миграционный коллапс в Испании.

Ключевые слова: Испания, миграционный кризис, партии, внутриполитическая ситуация, иммиграция, миграционная политика Испании

Для цитирования: Гаджимурадова Г. И., Керимова С. Р. Проекция миграционного кризиса в Европе на внутриполитическую ситуацию в Испании // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 59–67.

DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.4

PROJECTION OF THE MIGRATION CRISIS IN EUROPE ON THE POLITICAL SITUATION IN SPAIN

Gulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of the Demographic and Migration Policy, MGIMO-University; Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: gadzhimuradova1@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-3080-1813

Web of Science ResearcherID: AAH-4148-2020

Scopus Author ID: 57195737791

Sofia R. Kerimova, student of the School of Governance and Politics of MGIMO-University (Moscow, Russia).

E-mail: sooffii@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the consequences of the 2014-2016 migration crisis in Spain. Today the migration crisis in Europe is far from being resolved. Every day hundreds of people from Africa, Asia and America move here hoping for a better life. The Mediterranean route used by migrants passes through Spain. The country has faced a record increase in migration flows from African countries and has found itself in a difficult situation. On the one hand, the state protects migrants' rights; on the other hand, the refugee influx and a sharp increase in the level of illegal migration have become destabilizing and dangerous factors in the country's politics. Consequently, the European migration crisis affects the country's political life and causes divisions and confrontations between various political parties and resentment among the native population. The authors make an attempt to show the political consequences of the migration collapse in Spain.

Keywords: Spain, migration crisis, parties, political situation, immigration, migration policy of Spain

For citation: Gadzhimuradova G. I., Kerimova S. R. (2020). Projection of the migration crisis in Europe on the political situation in Spain. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 59-67. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.4

Исторические причины миграционного кризиса в европейских странах. Случай Испании. Миграция – явление, которое меняет жизнь страны, особенно если страна занимает пограничное положение между двумя континентами. Одной из основных причин миграционного кризиса, охватившего Европу в 2014-2016 годах и продолжающегося по сей день, стала нестабильная обстановка в Африканском регионе. Арабская весна, повлекшая за собой гражданские войны, государственные перевороты, вооруженные конфликты и демонстрации, способствовала открытию границ в Тунисе, и тысячи людей хлынули в Европу разными путями. В Европу потянулся поток беженцев из Ливии, Туниса, Марокко, Египта и Ирака, и отсутствие четко продуманной иммиграционной политики

в кризисной ситуации не сыграло на руку развитым странам. Их механизмы, которые были призваны функционировать лишь в обычных условиях, оказались неэффективными в экстраординарной ситуации, что и привело к затяжному миграционному кризису. За 2015 год в Европу прибыло около 1,3 миллиона беженцев (для сравнения, в 2014 году были зарегистрированы 280 000) [1].

Государства-члены ЕС обязуются в миграционной политике следовать положениям основных законов межгосударственного образования. Это, прежде всего, Дублинская конвенция 1990 года¹ и Конвенция о применении Шенгенского соглашения 1990 года [2]. По своей сути, до-

¹ Дублинская Конвенция 1990 г., определяющая государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского Сообщества.

кументы обеспечивают права беженцев, соответственно, правительства стран поставлены в затруднительное положение, одновременно пытаясь сохранить стабильность внутри государства и не нарушить законы международного права. Однако в самой тяжелой ситуации оказались страны, расположенные на морской границе с африканскими государствами. Первыми приняли на себя волну мигрантов Италия, Греция и Испания. История последней тесно связана с миграционными процессами населения, нестандартными по своей структуре. Начиная с XVI века Испания была страной эмиграции, отпускавшей самых смелых авантюристов к берегам Южной Америки. Массовая иммиграция в страну началась лишь после 1993 года – окончания экономического кризиса в государстве. Испания начала активно бороться с нелегальными иммигрантами своими силами задолго до европейского миграционного кризиса [3]. К тому же, говоря о владениях страны, стоит

упомануть два исторических автономных города на территории африканского Марокко – города Сеуту и Мелилью. Эти полуанклавы открыты свободного доступа обладателям шенгенской визы, и именно через них находили путь в Испанию африканские беженцы и до начала кризиса. Эти же процессы имеют место и сейчас.

Итак, мы видим, что страна имеет опыт в решении миграционных проблем, поэтому, когда начался кризис, Испания ужесточила миграционную политику и контроль на границах, создав особую пограничную службу FRONTEX. Кроме того, была построена Сеутская стена, не допускавшая на территорию страны нелегалов. В итоге Испания стала одной из самых подготовленных к увеличению количества иммигрантов стран. Однако в последние годы наблюдается массовый наплыв мигрантов, следовательно, ситуация с беженцами продолжает напоминать о себе и по сей день (рис. 1).

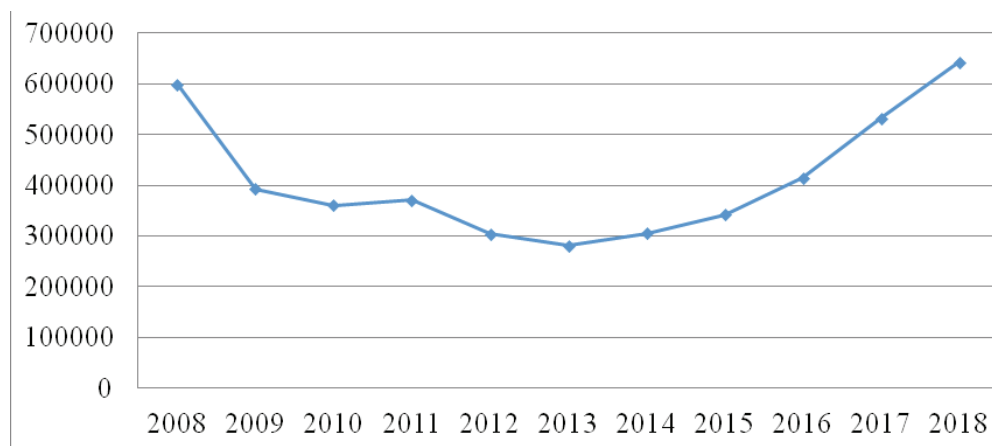

Рисунок 1. Поток иммигрантов в Испанию (2008-2018 гг.)

Источник: Национальный институт статистики Испании, INE.

Внутриполитическая ситуация в Испании на фоне миграционного кризиса.

Как уже было отмечено выше, миграция оказывает воздействие на все сферы жизни государства, в том числе и на политическую ситуацию. Большую роль при этом играет политика правящей партии. В блоках левых и правых соответственно занимают главенствующие позиции две партии – Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП или PSOE) и Народная партия (Partido Popular). По результатам последних выборов в апреле 2019 года председателем правительства повторно стал Педро Санчес, лидер ИСРП. Социалисты

всегда выступали за права мигрантов и считали иммиграцию населения «удобной возможностью для развития национальной экономики» [4]. С этой позицией согласен еще один представитель ИСРП – Жозеп Боррель, по совместительству являющийся министром иностранных дел Испании [5]. Однако реальное положение дел отличается от того, что описано в партийных брошюрах.

В 2018 году Испания стала лидером в Евросоюзе по приему мигрантов – почти половина от общего числа беженцев в период с января по сентябрь причалила к берегам страны (см. рис. 2).

	1 January – 12 September 2018		1-12 September 2018	1 January – 12 September 2017	
<i>Country of arrival</i>	<i>Arrivals</i>	<i>Deaths</i>	<i>Arrivals</i>	<i>Arrivals</i>	<i>Deaths</i>
Italy	20 343	1 130 (Central Med. route)	266	100 310	2 384 (Central Med. route)
Malta	714 (IOM est.)		0	N/A	
Greece	20 691	106	1 676	17 304	45
Cyprus	211	(Eastern Med.Route)	45	501	(Eastern Med.Route)
Spain	32 272	350 (Western Med.route)	2 935	10 880	136 (Western Med.route)
Estimated Total	74 501	1 586	4 922	128 995	2 565

Рисунок 2. Total Arrivals by sea and deaths in the Mediterranean 2017-2018

Источник: Международная организация миграции, Mediterranean Migrant Arrivals.

Согласно политике социалистов, Испания остается толерантным государством, выступающим с гуманитарной миссией. Но не опасна ли такая толерантность? Когда Италия и Мальта объявили о закрытии морских границ для кораблей, везущих беженцев, Санчес (который, кстати, вступил в должность лишь за несколько дней до этого) пригласил судно с 629 мигрантами причалить в Валенсии, что было освещено в прессе как знак великодушия и милосер-

дия. А вот то, что случилось несколькими днями позже, было освещено скромнее: молодых африканцев, сбегавших из мест приема беженцев, пришлось ловить по всем дорогам силами местной полиции. Инцидент, названный «кризисом Аквариуса» по имени причалившего судна, стал своеобразным пророчеством современной ситуации. Сейчас муниципалитеты южных автономных областей, более других открытых беженцам, бьют тревогу: в Кадисе, Ма-

лаге и Гранаде переполнены сервисы устройства мигрантов и не хватает средств для их приема, в то время как ежедневно к берегам Испании приплывает около 250 человек [6]. В Сеуту, из которой совсем не сложно попасть в материковую Испанию несмотря на пограничные сооружения, проникают сотни нелегальных мигрантов, разрезая колючую проволоку ножами и плоскогубцами и нарушая спокойствие населения криками и танцами, празднуя переезд [7]. Судна, перегруженные людьми, тонут, пересекая Средиземное море, вместе с «мирными» мигрантами пересекают государственные границы опасные преступники (как, например, террористы ИГИЛ) и иные радикально настроенные элементы.

Сложившаяся обстановка привела к активизации оппозиционных партий. Так, Народная партия Испании заняла крайне негативную позицию по отношению к мигрантам: лидер партии Пабло Касадо призвал «отбросить лишнюю политкорректность и признать, что Испания не может принять миллионы африканцев, устремляющихся в Европу в поисках лучшего будущего» и обвинил социалистов в разжигании миграционного кризиса. По его словам, Испания, – как и вся Европа, – должна любыми способами защищать свои границы. По мнению Касадо, ситуацию с мигрантами можно исправить, если «улучшить положение людей в их родных странах, предоставлять им пособия и рабочие места» [8]. Касадо поддержала другая партия правого толка – Ciudadanos («Граждане»). Ее лидер Альберт Ривера обвинил социалистов в том, что, принимая гуманитарные суда в испанских портах, они подают неправильный сигнал беженцам. Кроме того, в конце

2018 года он посетил Сеуту с целью проверки пограничных сооружений.

В поддержку ограничения притока беженцев выступила и ультраправая партия Vox. Ее представитель Хавьер Ортега заявил, что испанцы «не смогут пригласить в страну людей со всей планеты, со всех уголков, где есть проблемы в сферах экономики и безопасности». Ортега также добавил, что увеличение потока мигрантов приведет к безработице и напряженной социокультурной обстановке в Испании. Менталитеты западных и восточных людей кардинально отличаются, и такое смешение культур и этносов обязательно приведет к нарушению спокойствия в стране, а также вполне вероятно, что вместо желанной социалистами интеграции в общество мигранты начнут создавать собственные этнонациональные образования и изолироваться от коренных жителей. В большинстве случаев такие образования превращаются в гетто. Наконец, мигранты, приезжающие из стран третьего мира с низким уровнем социальной защиты и, в частности, здравоохранения, могут распространить опасные заболевания в европейские страны [9]. В свою очередь, вспомнив о прецеденте Аквариуса, социалисты обвинили правых в следовании пути Италии, равнодушии и антигуманности и назвали цену популярности, которую можно достичь таким путём, сомнительной [10].

В течение последних десятилетий правые партии не пользовались популярностью в Испании. Это можно объяснить тем, что эпоха правления Франко связала в сознании народа национализм с диктатурой. Однако если количество мигрантов в страну продолжит расти, а ведущие партии сосредоточат основное вни-

мание на данной проблеме, все может измениться. «Хотя в целом испанское общество является толерантным, эта толерантность довольно хрупкая», допускает аналитик исследовательского центра *Metroscopia* Франсиско Камас Гарсия [11]. Нельзя не упомянуть и о другом случае, вызвавшем сильный резонанс в испанском обществе. В конце этого лета правительство Испании дало свое согласие на то, чтобы судно неправительственной организации *Open Arms* высадило мигрантов из Эритреи, Судана, Гамбии, Ганы, Нигерии, Либерии и Эфиопии в Кадисе после 19 дней нахождения в открытом море, хотя формально не имело на это права. Событие получило огромную огласку в прессе и на политической арене: лидер *Vox* Сантьяго Абаскаль выразил сомнение в законности деятельности НПО и обвинил её в содействии нелегальной миграции. ИСПИ была раскритикована за некомпетентность в вопросах миграционной политики, а сам Санчес – в игнорировании нужд населения [12]. Многие партии, например, левые *Unidas Podemos* во главе с Пабло Иглесиасом потребовали объяснения действий правительства.

Наконец, обратимся к вышеупомянутым Сеуте и Мелилье, испанским анклавам на территории Марокко. Оттуда можно добраться до Испании напрямик на пароме, следовательно, тысячи африканских мигрантов регулярно штурмуют их границы в виде ограждений колючей проволоки с целью достичь территории ЕС. Мигранты, вооруженные холодным оружием и настроенные весьма агрессивно, не совсем похожи на нуждающихся в гуманитарной помощи беженцев и для достижения цели готовы прибегнуть к любым средствам. Однако в конце 2018 года

официальный Мадрид заявил о намерении сделать все возможное для демонтажа колючего ограждения в Сеуте и Мелилье, чтобы избежать «дальнейших жертв» с обеих сторон. Это решение абсолютно не согласуется с ключевой задачей политики ЕС в Северной Африке – обеспечением евроатлантической и региональной безопасности, созданием своего рода коридора стабильности между ЕС и другими территориями Юга, – однако полностью согласуется с принципами и политикой гуманитарной безопасности ЕС [13]. Правительство во главе с Санчесом было обвинено в непоследовательной миграционной политике и раскритиковано, что еще раз доказало, что испанскому обществу и другим странам ЕС еще только предстоит разработать четкую позицию по вопросу притока нелегальной миграции.

Итак, анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о дихотомии мнений о миграционных процессах в Европе. Эта дихотомия проявляется и в вопросах, на которые стремится ответить европейское общество. Принимать мигрантов или нет, следовать принципам гуманности или безопасности, проводить политику гуманитарной безопасности в Африке или же закрыть границы от нелегальных беженцев? Являясь пограничной страной Евросоюза, Испания также испытывает давление миграционного кризиса и пытается ответить на актуальные вопросы. В политической сфере государства проблема массовой миграции стала объектом дискуссий партий. Социалисты убеждены, что европейские страны должны оставаться толерантными и гуманными при любых обстоятельствах, следуя основным постулатам международного права и европей-

ских соглашений. Правые уверены, что государство может защищать свою территорию и границы, особенно если прибывающие в страну сотни мигрантов каждый день и тысячи каждый месяц дестабилизируют социально-экономическое спокойствие коренных граждан. Вопросы Сеуты и Мелильи, полуанклавов Испании в Африке, также находятся на повестке дня.

Проблема миграции и миграционного кризиса в Испании сложна и многогранна. Во-первых, потому что страдают обе стороны: и бегущие от тяжелых жизненных условий африканцы, и сами испанцы, которым становится «теснее» жить на собственной территории. Во-вторых, обе

позиции на данный счет, поддерживаемые различными политическими силами, правдивы по-своему. Масла в огонь подливает и факт нестабильности внутривнутриполитической системы Испании: страна находится на пороге повторных выборов, которые пройдут уже в ноябре. Предыдущие выборы прошли 28 апреля нынешнего года, но консенсус достигнут не был, и необходимо было назначить повторную дату. По сравнению с результатами 2016 года ИРСП значительно вырвалась вперед, с отрывом заняв первое место в партийных списках. Народная партия осталась в стороне, в отличие от предыдущего выборного процесса (см. рис. 3).

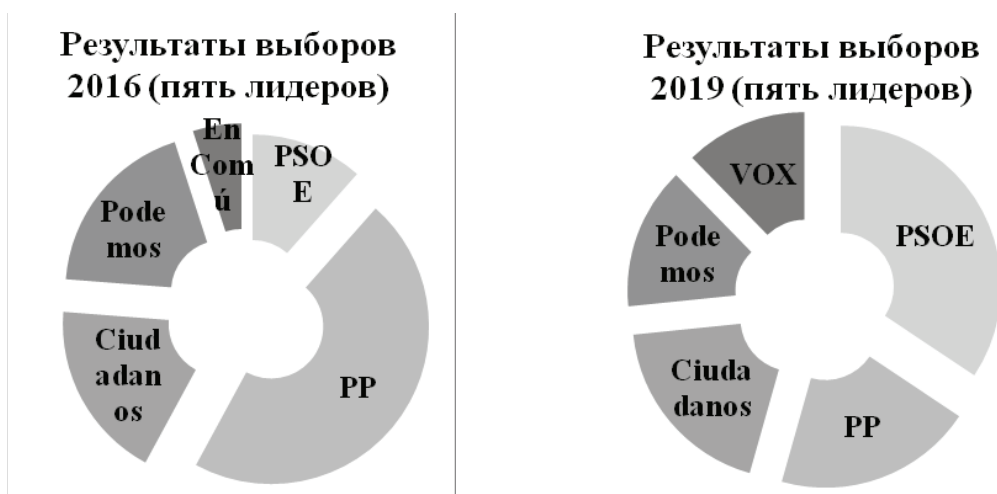

Рисунок 3. Результаты выборов 2016-2019(пять лидеров)

Источник: Официальный портал выборов 28 апреля 2019.

Однако в период с апреля по ноябрь произошло немало событий, повернувших стрелку общественного мнения в противоположную сторону. Политика правительства в период миграционного кризиса, последствия которого ощущают на себе испанцы, все чаще называется непоследовательной, а ИРСП – популистской.

Сложно предсказать результаты выборов, но можно точно утверждать, что от того, какая партия получит большинство голосов в парламенте, будет зависеть государственная политика, а значит, и жизнь в обществе. Нельзя утверждать также, что миграционный кризис – единственный фактор влияния на внутривнутриполитическую

ческую ситуацию в Испании, однако сбрасывать его со счетов нельзя.

Пример Испании не уникален, но максимально нагляден. Проблема выбора между мягкой политикой гуманности, декларируемой европейским сообществом, и следованием внутренним интересам страны, зачастую предполагающим жёсткие меры для обеспечения безопасности и комфорта граждан, стоит перед целым рядом стран Европы, столкнувшимся с последствиями миграционного кризиса. Многочисленные скандалы, вызванные различием в культуре и традициях местных жите-

лей и растущим числом мигрантов; противостояние партий различных направлений внутри стран, расшатывающее внутреннюю стабильность, – всё это говорит о нарастании напряжённости уже внутри европейских стран. Авторы считают необходимым во избежание коллапса, начать поиск нового взгляда на решение проблемы нелегальной миграции, не ставящего правительства перед выбором, защищать им интересы собственных граждан или мигрантов, а обеспечивающего достойный компромисс, способный удовлетворить обе стороны.

Библиографический список

1. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках // ВВС русская служба: [сайт]. 19.02.2016. URL: <https://u.to/JEuZGg> (дата обращения 20.11.2020).
2. Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 14 июля 1985 г. // МГЮА: [сайт]. URL: <https://u.to/4VGZGg> (дата обращения 20.11.2020).
3. *Грушина М. И., Грунина Ю. А.* Эволюция миграционной политики Испании в период кризиса // Манускрипт. 2018. № 5(91) С. 11-14. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.2>
4. Política migratoria de PSOE // Официальный сайт Испанской социалистической рабочей партии. URL: <https://u.to/8FuZGg> (дата обращения 20.11.2020).
5. Josep Borrell asegura que los inmigrantes son necesarios porque los españoles no tienen capacidad de procrear // Caso Aislado: [сайт]. 30.07.2018. URL: <https://u.to/0VyZGg> (дата обращения 20.11.2020).
6. Испания становится главным маршрутом для нелегальных мигрантов // ИноСМИ.Ru: [сайт]. 16.08.2018. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180816/243011248.html> (дата обращения 03.11.2020).
7. Un total de 155 migrantes entran en Ceuta cruzando su doble valla en la primera incursión en grupo en un año // El Mundo: [сайт]. 30.08.2019. URL: <https://u.to/g2CZGg> (дата обращения 03.11.2020).
8. Casado seeks to put migration at the centre of Spanish political debate // Financial Times: [сайт], 2019. URL: <https://u.to/UGGZGg> (дата обращения 20.09.2020).
9. *Гаджимурадова Г. И.* Формирование мусульманских сообществ в Европе и возникновение религиозного экстремизма в условиях неконтролируемой миграции // Власть. 2016. Том 24. № 10. С. 194-197.
10. La secretaria de Estado de Migraciones acusa a Casado de acercarse “muchísimo a Salvini” // El Confidencial: [сайт]. 30.07.2018. URL: <https://u.to/PGOZGg> (дата обращения 03.11.2020).
11. Migration surge tests Spain’s fragile tolerance // Politico.eu: [сайт]. 2018. URL: <https://u.to/AGSZGg> (дата обращения 03.11.2020).
12. El Ayuntamiento acusa a Pedro Sánchez de crear “una emergencia social” y tener que atender a 4000 refugiados por su “inacción” // El Mundo: [сайт]. 03.10.2019. URL: <https://u.to/nWSZGg> (дата обращения 03.11.2020).

13. *Кукарцева М. А.* Гуманитарная политика ЕС в Африке и миграционный кризис // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2018. Т. 11. № 5. С. 142–163. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-142-163

Дата поступления в редакцию 16.08.2020

References

1. The migration crisis in Europe in figures and graphs // BBC Russian service. 19.02.2016. URL: <https://u.to/JEyZGg> (last request 20.11.2020) (in Russ.).
2. Convention on the Application of the Schengen Agreement of 14 July 1985 // MSAL. URL: <https://u.to/4VGZGg> (last request 20.11.2020) (in Russ.).
3. *Grushina M. I., Grunina Y. A.* (2018). Spain migration policy evolution in the period of crisis. Manuscript. № 5(91) P. 11-14. DOI: 10.30853/manuscript.2018-5.2 (in Russ.).
4. Política migratoria de PSOE // Official website of the Spanish Socialist Labor Party. URL: <https://u.to/8FuZGg> (last request 20.11.2020) (in Spanish).
5. Josep Borrell asegura que los inmigrantes son necesarios porque los españoles no tienen capacidad de procrear // *Caso Aislado.* 30.07.2018. URL: <https://u.to/0VyZGg> (last request 20.11.2020) (in Spanish).
6. Spain becomes the main route for illegal migrants // *InoSMI.RU.* 16.08.2018. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180816/243011248.html> (last request 03.11.2020) (in Russ.).
7. Un total de 155 migrantes entran en Ceuta cruzando su doble valla en la primera incursión en grupo en un año // *El Mundo.* 30.08.2019. URL: <https://u.to/g2CZGg> (last request 03.11.2020) (in Spanish).
8. Casado seeks to put migration at the centre of Spanish political debate // *Financial Times.* 2019. URL: <https://u.to/UGGZGg> (last request 20.09.2020) (in Eng.).
9. *Gadzhimuradova G. I.* (2016). The Formation of Muslim Communities in Europe and the Emergence of Religious Extremism in the Conditions of Uncontrolled Migration. *Vlast' (The Authority).* Vol. 24. № 10. P. 194-197 (in Russ.).
10. La secretaria de Estado de Migraciones acusa a Casado de acercarse “muchísimo a Salvini” // *El Confidencial.* 30.07.2018. URL: <https://u.to/PGOZGg> (last request 03.11.2020) (in Spanish).
11. Migration surge tests Spain’s fragile tolerance // *Politico.eu.* 2018. URL: <https://u.to/AGSZGg> (last request 03.11.2020) (in Spanish).
12. El Ayuntamiento acusa a Pedro Sánchez de crear “una emergencia social” y tener que atender a 4000 refugiados por su “inacción” // *El Mundo.* 03.10.2019. URL: <https://u.to/nWSZGg> (last request 03.11.2020) (in Spanish).
13. *Kukartseva M. A.* (2018). The EU’s Humanitarian Policy in Africa and Migration Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law.* Vol. 11, № 5, P. 142–163. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-142-163 (in Russ.).

The article was submitted on: August 16, 2020

К ВОПРОСУ ОБ «ОСОБЕННОСТИ» И «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ» СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Печерица Владимир Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии Восточного института-Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия).

E-mail: pecheritsa.vf@dvvu.ru

AutorID РИНЦ: 408114

Аннотация. В статье анализируется гегемонистская политика США, крупнейшего и влиятельного государства в мире, обоснованная лозунгом «особенности» и исключительности Америки. Используя данный термин, Вашингтон навязывает всему остальному миру свою, по его убеждению, единственно «правильную» и необходимую политику развития стран и народов. Автор на многочисленных примерах разоблачает лживость и двуличие такой политики, ее неприятие большинством стран мира. Статья предназначена для специалистов-международников и тех, кто исследует место и роль США в современном мире.

Ключевые слова: США, «американская исключительность», гегемонизм в международных отношениях

Для цитирования: Печерица В. Ф. К вопросу об «особенности» и «исключительности» Соединенных Штатов Америки // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 68-79. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.5

ON «PARTICULARITY» AND «EXCEPTIONALISM» OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: pecheritsa.vf@dvvu.ru

Annotation. The article analyzes the hegemonic policy of the largest and most influential state in the world – the United States, supported under the justified concept of “peculiarity” and exclusivity of America. Using this term, Washington imposes its only “correct” and necessary policy for the development of countries and peoples. Showing numerous examples, the author exposes the deceit and duplicity of such a policy, its rejection by most countries of the world. The article is intended for specialists in foreign affairs and those who study the place and role of the United States in the contemporary world.

Keywords: USA, American exceptionalism, hegemonism in international relations

For citation: Pecheritsa V. F. (2020). On «particularity» and «exceptionalism» of the United States of America. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 68-79. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.5

Среди аналитиков и исследователей идёт активная дискуссия: каков же современный миропорядок? То, что он перестал быть биполярным с распадом СССР – это понятно.

Но стал ли он реально многополюсным, многополярным, многовекторным или США являются единственной сверхдержавой, во многом определяющей мировое развитие.

Поэтому «при анализе ситуации в сфере межгосударственных отношений и взаимодействий необходимо не только тонкое дипломатическое чутьё и дар предвидения, но и учёт мнения другой стороны, её позиций, традиций, и, разумеется, объективных факторов, определяющих события. Кроме того, необходим учёт субъективного фактора, то есть действий лиц, принимающих решения» [1, с. 408]. Наверное, поэтому большое внимание мирового сообщества приковано к результатам президентских выборов в Соединенных Штатах Америки. Аналитики задаются вопросом: какой будет внутренняя и внешняя политика новой американской администрации? Произойдёт ли смена республиканцев демократами у кормила власти (результаты голосования избирателей уже известны, хотя в некоторых штатах идёт переголосование, и осталось только дождаться результатов голосования выборщиков (кстати, в прошлую избирательную кампанию Дональд Трамп победил именно по этим результатам).

Неповторимы и исключительны многие страны. Одни отличаются географическим ландшафтом, богатой природой, размерами своей территории и населения. Другие гордятся своей историей и достижениями культуры. Такое разнообразие стран и народов нормально, оно подчеркивает их своеобразие, делает мир многоликим. Многими странами восхищается остальной мир, отдавая им дань уважения. Если заглянуть в мировую историю, то следует отметить, что таких стран, заслуживших уважение и доверие, было и есть немного. Например, до сегодняшнего дня люди высоко ценят и уважают Китай, который за историю в течение пяти

тысячелетий подарил миру много открытий и достижений (фарфор, компас, бумагу, порох и многое другое). Своим классическим искусством восхищает Древняя Греция, также люди преклонялись перед силой, мощью, экономическим и культурным развитием Римской империи.

Русский народ внёс свой весомый вклад в развитие мировой истории и культуры, не раз спасая человечество от гибели. Так было в XIII веке, когда Русь преградила путь в Европу монголо-татарским завоевателям и спасла христианский мир от порабощения. В 1812 году второй раз Россия спасла Европу – уже от наполеоновского нашествия. И, наконец, народы мира отдают дань уважения и выражают признательность советскому народу за героическую победу над фашистской Германией в 1945 году. И сегодня Россия оказывает помощь странам, подвергшимся угрозе. Подтверждением тому является не только помощь Сирии в борьбе против ИГИЛ, но содействие в восстановлении разрушенной экономики и оказание гуманитарной помощи населению этой страны. Как это оценить? Как добро и исключительность русской нации? Её великую миссию? Но, следует отметить, что Россия, как и Китай, не претендует на «исключительность». У наших народов и их руководителей высокое чувство ответственности и причастности к мировому сообществу, причём сопряжённое с ответственностью не только за себя, но и за судьбу других стран.

Однако есть страны, которые присвоили себе право быть выше других и диктовать свои условия и указания другим государствам. В первой половине XX века на такую роль претендовали Германия, Италия и

Япония. Во второй половине XX века на лидирующие позиции выдвинулись Соединенные Штаты Америки. И хоть цели и средства достижения у этих стран разные, но их объединяет претензия на мировое господство и осознание своей «исключительности», какие бы благие лозунги о развитии свободы и демократии не выдвигались.

После Второй мировой войны США превратились в могущественную экономическую и военную сверхдержаву. В этот период меняются их внешнеполитические доктрины и стратегии: так, отказываясь от политики изоляционизма, Америка резко увеличивает внешнеполитическую активность, переходя от континентальной экспансии к политике интервенционизма, а позже и к политике глобального экспансионизма. Такой переход увязывался с идеями американского лидерства и с теорией глобального доминирования. В последние три десятилетия (после краха мирового социализма и распада СССР) само понятие «американской исключительности» и особой миссии США превратилось в главный идейный инструмент внешнеполитического воздействия в мощном арсенале Государственного департамента США. «Вмонтированная» во все внешнеполитические доктрины США, идея американского лидерства распространилась по всему миру, способствуя формированию идейных основ экспансионистской внешней политики [2].

Став сверхдержавой, США перешли к гегемонистской политике. Не имея возможности побороть СССР в ядерном «соревновании», США сделали ставку на идеологическое противоборство и экономическое давление. Они выиграли

«холодную войну» против своего главного конкурента – Союза Советских Социалистических Республик и стали лидером однополярного мира.

Претендуя на глобальное руководство, США отстаивали и отстаивают свои особые интересы в мировой экономике и финансах через Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирную торговую организацию. В этих международных финансовых и торговых структурах они установили удобный для себя механизм распределения прибыли, получая самую большую долю от этого сотрудничества. Используя «кнут и пряник» в виде применения «мягкого режимного манёвра», США быстро завоевали доступ к мировому рынку и стали на нём монополистом. Умело применяя разные дипломатические приёмы, США добились для себя больших преференций и стали «авторитетом» как на Западе, так и в «третьем» мире. Такая политика «мягкого режимного манёвра» и умелого применения «мягкой силы», пишет китайский аналитик Цзинь Цаньчжун, в каком-то отношении спасли от накопления больших международных противоречий, смягчили их обострение и укрепили стабильность гегемонистской системы [3, с. 6].

Начиная с середины XX века, руководство США навязывает свою волю и свою модель миропорядка другим народам, делается это под лозунгом «добра» и «справедливости», во имя свободы и демократии. На идеологическом уровне такая политика нашла свое выражение в доктрине «мондиализма» (от фр. *«monde»* – мир). Сущность этой доктрины сводится к провозглашению полной и неизбежной планетарной интеграции под американским кон-

тролем. Одновременно в рамках консервативного крыла политической элиты США возник и получил широкое распространение «диспенсациализм» (от лат. «despensatio» – «промысел», «замысел», «заповедь»), обосновывающий в мессианском духе неизбежность господства либерализма над всеми остальными проектами развития человечества. Духовной основой этой доктрины стало пуританство, пустившее корни сначала в Новой Англии, потом распространившееся по всем Штатам. Связанное с религиозным фанатизмом, а также с убежденностью в своей исключительности и даже в богоизбранности, оно стало основой духовных и поведенческих особенностей многих американцев и их лидеров. Неслучайно все президенты, вступая в должность, клянутся на Библии. То есть «американская исключительность» облекается в религиозную оболочку и претендует на легитимность на пуританско-протестантской основе.

В последние годы новая американская элита под руководством Дональда Трампа несколько скорректировала такую политику в сторону изоляционизма, но главное сегодня в этой политике остается прежним – поддержание господствующей позиции Америки в мире. Как и прежде, всё подчинено внутренним интересам США, причём, прежде всего, интересам правящего класса, в авангарде которого находятся финансовые круги и могущественный военно-промышленный комплекс.

Действительно, в сложных нынешних условиях руководители Америки больше заботятся о собственных делах, но не забывают и о личных амбициях. Что происходит в других странах, их меньше всего волнует, а если и волнует, то через

призму собственной безопасности. Неслучайно из США в эти трудные для всего мира дни раздаются циничные заявления о больных и неопытных азиатах (китайцах). С Запада продолжают провокации в адрес Китая, его друзей и партнёров, в том числе и в адрес России. Китай обвиняют в том, что он виновен в возникновении глобальной эпидемии и заразил весь мир (и США) коронавирусом COVID-19.

Но так думают не все американцы. «Недостатки американского общества» и «непродуманность приоритетов» становятся совершенно очевидными, потому что правительство продолжает тратить сотни миллиардов долларов на оружие, в то время как медицинские работники лечат пациентов с COVID-19 в условиях нехватки средств индивидуальной защиты», – пишет на сайте «SALON» американский писатель Дэвид Массиотра [4]. Порочность американского здравоохранения признает даже такой апологет американской демократии и символ ее богатства и могущества Билл Гейтс, который после вспышки пандемии неоднократно публично выражал недовольство мерами по предотвращению и контролю за эпидемией со стороны США. Он подчеркивает, что возможности обнаружения и отслеживания вирусов в Азии намного выше, чем в Соединенных Штатах.

В эффективном принятии мер по ограничению распространения COVID-19 США серьезно отстают не только от Азии, но и своих европейских партнеров и союзников. Количество летальных исходов от коронавируса в США в разы превышает европейские показатели. В ЕС ежедневное число вновь подтвержденных инфекций оставалось стабильным с

середины мая до ноября 2020 года и составляло примерно 5000, хотя в настоящий момент пошла вторая волна и заболеваемость достигает и 40, и 50 тысяч человек в день (см. ситуацию в Испании, Франции, Италии), но надо учитывать, что население ЕС на 35% больше, чем в США.

Однако в пересчёте на душу населения Америка недостаточно эффективна в сдерживании коронавируса, что становится всё более очевидным. Более того, замедляется охват тестированием населения на коронавирус в США, а уровень заражения растёт, опровергая спорные заявления Трампа о том, что увеличение тестов ведёт к росту инфекций [5]. «Это не «исключительность», а отставание Америки», – с горечью признает Дэвид Массиотра. США являются «исключительными» среди развитых стран с точки зрения неспособности «компетентно, дисциплинированно и добросовестно» реагировать на пандемию [4].

В стране продолжает расти число заболевших коронавирусом, а больницы в целом ряде штатов, например, в Аризоне, Техасе, Миссисипи и Флориде, перегружены. Более того, всё больше американцев страдают от экономических последствий пандемии, в то время как Япония, Исландия, Новая Зеландия, и другие развитые страны постепенно возвращаются к нормальной жизни. Возвращается к привычной жизни КНР, в которой к концу июля 2020 года промышленное производство выросло более чем на 50% по сравнению с 2019 годом.

По мнению Массиотры, за десятилетия пренебрежения институтами и инфраструктурой общественного здравоохранения и избрания «непоследовательного» лидера, «не-

заменяемая нация» – США – расплачивается не только экономическим уроном, но и человеческими жизнями [4]. По прогнозам аналитиков, число невосполнимых жертв к концу 2020 года в США может достичь более 200 000, что сравнимо с потерями Америки во Второй мировой войне (225 000 тысяч человек).

Пандемия COVID-19 корректирует представления людей в мире, а значит и части собственно населения США об «американской исключительности». Она «заставила американцев столкнуться с «жесточкой правдой»: США не так уж «исключительны», как они думают, и единственная в мире сверхдержава нуждается в небольшом смирении перед лицом современных вызовов» [6]. Сомнения в «исключительности» своей нации терзают многих американцев, однако основная часть населения до последнего времени продолжает верить в избранность своей страны. Если мы обратимся к истории, то первый мощный удар по «американской исключительности» и престижу Америки нанесла война во Вьетнаме, когда США потерпели поражение.

«Американская исключительность» объявлялась утраченной много раз, начиная, как мы уже отмечали, с войны во Вьетнаме до глобальной войны с терроризмом, тем не менее ей удалось продержаться в течение всех этих сложных периодов», – отмечает Ури Фридман в статье, опубликованной в журнале «The Atlantic» от 14 мая 2020 года. «За последние годы коронавирусный кризис COVID-19 представляет самую большую угрозу и показывает, что США мало чему могут научиться у остального мира», – подчеркивает он [6]. Ури Фридман призывает руководство США извлекать уроки из собственных ошибок.

«Учиться – это значит искать возможности для совершенствования, и совершенствоваться, особенно в борьбе с современными угрозами, такими как пандемии, с которыми США не имеют опыта борьбы в качестве сверхдержавы». В подобном ключе сегодня рассуждает все больше американцев.

С приходом пандемии коронавируса идея «американской исключительности», с помощью которой на протяжении долгого времени оправдывались многие спорные шаги Вашингтона, показала свою иллюзорность и пагубность, пишет Дэниел Ларисон 30 апреля 2020 года в статье для «The American Conservative» [7]. Ларисон отмечает, что в сердце американской исключительности лежит американское высокомерие, вызванное убежденностью, что США лучше остального мира. И благодаря этому превосходству, уверенны сторонники идеи американской исключительности, Вашингтон имеет как право, так и обязанность брать на себя непропорциональную роль в международных делах. Пандемия коронавируса – это проклятие. Она также должна стать возможностью для США понять наконец, что они не посланцы Божьи. Из нынешних страданий и утрат могут появиться смирение и понимание ограниченности собственных сил», – заявил президент Института Куинси Эндрю Бацевич [7].

Если мы зададимся вопросом: если не в борьбе с коронавирусом, то, может быть, в экономике США остаются «исключительной» страной и мировым лидером? Однако и здесь США всё больше уступают свои позиции в мировом масштабе. Если в 1980 году на долю США приходилось более 24% мирового ВВП [8], то в 2020 году – только около 17% [9].

По многим видам выпуска промышленной продукции США уже утратили лидирующее положение. Это происходит в автомобильной промышленности, приборостроении, судостроении, производстве компьютеров и другой технологически сложной продукции. Не показывают положительных результатов и попытки администрации Трампа переместить промышленное производство из Азии, в первую очередь, из Китая в США. Кроме того, государственный долг США постоянно увеличивается, превысив 23 трлн долларов. Могущественный американский доллар, когда-то обеспеченный золотом, уже не «приводит в трепет» другие нации, он теряет свои позиции по сравнению с евро, юанем и другими валютами. Учитывая ограниченные финансовые резервы США и агрессивные фискальные меры после наступления коронавирусного кризиса, разница в чистых сбережениях и текущих счетах американцев продолжает смещаться в пользу Европы и Азии, оказывая сильное давление на доллар [3].

Ряд аналитиков предсказывает падение доллара к концу 2020-х годов, так как падение переоценённого доллара основано на быстром усилении макроэкономических дисбалансов и постепенной утрате его глобального лидерства. Дефицит федерального бюджета США продолжает расти, достигнув 863 млрд долларов только в июне 2020 году, что сопоставимо с дефицитом в 984 млрд долларов за весь 2019 год [5].

США теряют позиции в мире и в других сферах, чему способствуют не только общемировые тенденции, но и неэффективная и противоречивая политика руководства Америки. Это отчетливо проявляется на фоне

стремления США к деглобализации, ослаблению связей и торговому протекционизму. В этих условиях они всё более утрачивают роль и статус мирового гегемона, что начинают осознавать в Вашингтоне. Неслучайно Дональд Трамп вынужден сокращать количество военного контингента в Европе, выводит часть своих войск из Афганистана, призывает союзников по НАТО больше самим финансировать военные расходы. Однако это не означает, что трамповская Америка прощается со своей «исключительностью», со статусом мирового лидера.

Под лозунгом «империи добра» администрация Трампа вынуждена менять тактику, но в стратегии она продолжает политику гегемонизма. В Вашингтоне вновь популярна концепция «America First». Её цель – возродить Америку, вернуть ей былое величие. Опасность такого курса отмечает известный китайский аналитик Цзинь Кай. Он пишет, что «ограниченность и узость мышления одной нации может манипулировать мировоззрением другой и приводить к «исключительности» в восприятии всего мира. Политические элиты в США считают, что доминирующая сила или соперничество по-прежнему являются основными противоречиями в мире» [10].

Между тем авторитет Америки в глобальном управлении, в том числе и среди ее союзников в последние годы снижается. Этому способствуют и непоследовательные шаги самой администрации Вашингтона. Так, Дональд Трамп заявил о выходе США из ряда влиятельных международных организаций, участвующих в глобальном управлении: ВОЗ, Парижского соглашения по климату и других. Еще раньше Вашингтон заявил о выходе из ЮНЕСКО, сокра-

щении взноса в ООН. Вместе с тем в предвыборной риторике двух кандидатов (Д. Трампа и Дж. Байдена) тема «исключительности» Америки не только остаётся, но и поднимается с новой силой.

Так, в предвыборной платформе Республиканской партии «ключевыми» являются разделы «Восстановление “американской мечты”», «Великие американские семьи» и др. В последнем разделе – «Возрождение Америки» – республиканцы провозглашают себя «партией мира с позиции силы», утверждая, что «американская исключительность» обеспечивает уникальные лидирующие позиции в мире». Они высказываются за «расширенную координацию действий с союзниками по НАТО» и за «применение совместных с союзниками санкций в отношении России» [11]. Одновременно Вашингтон выступил и за обновленную политику с позиции силы в отношении КНР.

Не менее воинственная риторика звучит с предвыборной платформы демократов, которые, как и прежде, придерживаются «исключительности» и превосходства Америки в мире. Как известно, такая политика усилилась после принятия в 2010 году Бараком Обамой Новой стратегии безопасности США, позволяющей США вмешиваться в дела других суверенных государств, причём в последние годы они это делают довольно агрессивно.

В летнем послании президента Д. Трампа Конгрессу США содержатся клише «пропагандистской машины», запущенной администрацией США для обоснования своей «исключительности». Соединенные Штаты искренне считают, что только их геостратегические цели являются приоритетными для всего мира.

Это проявляется в том числе в сфере «защиты прав человека, свободы и демократии», причём в политике США давно используют двойные стандарты. Об этом свидетельствует доклад Трампа «Стратегический подход Соединённых Штатов в отношении Китайской Народной Республики», представленный Конгрессу [12]. Этот документ – попытка переложить ответственность на Китай за непростую ситуацию с распространением коронавируса в США.

Роберт Малли – президент аналитического центра International Crisis Group, координатор Белого дома по Ближнему Востоку, пишет: «когда продвигают права человека в Соединённых Штатах Америки, американское руководство, как правило, испытывает «разрыв в доверии», т.е. проблему непоследовательности в словах и делах. Сегодня «разрыв в доверии» превратился в «пропасть в доверии», а права человека, похоже, стали своего рода валютой транзакций [13].

Под лозунгом защиты прав человека Вашингтон активно вмешивается во внутренние дела КНР, о чём свидетельствуют последние события в Гонконге, который с 1997 года является неотъемлемой частью КНР. США при поддержке Великобритании пытаются лишить эти территории КНР торговых и экономических преференций.

Гонконгская проблема все больше становится поводом для противостояния между США и КНР. США ввели визовые ограничения и экономические санкции против должностных лиц КНР и Гонконга. Эти меры прямо или косвенно причастны к подрыву автономии Гонконга и ограничению свободы на острове. Американские власти заявляют, что Гонконг уже не имеет высокой сте-

пени автономии от Китая, и Вашингтон пересмотрит подход к принципу «одна страна, две системы». Кроме того, существует вероятность того, что в Гонконге будут введены дополнительные ограничения в сфере торговли [14].

Одновременно на фоне ситуации в Гонконге на рассмотрение Конгресса США был внесён законопроект, предоставляющий американскому президенту «право признать независимость Тибетского автономного района от КНР, в качестве отдельного независимого государства». Документы уже отправлены на рассмотрение в Комитет по иностранным делам Палаты представителей [15]. Следует отметить, что Вашингтон давно последовательно ведёт подрывную работу против Тибета. США постоянно используют тибетскую ситуацию в своих интересах с целью отколоть его от КНР. Уже много лет осуществляется агрессивная пропагандистская кампания вокруг положения в Синьцзяне [16]. Американское руководство упрекает Пекин за «репрессивную политику центральных властей Китая по отношению к уйгурам и несоблюдении прав человека».

Не только в Китае, России, но практически во всех регионах, где остаются интересы США, присутствует «американская исключительность». На такую гегемонистскую политику США не могут не реагировать другие страны. Причём их реакция различна. Одни, находясь под экономическим и военным давлением Вашингтона, продолжают робко следовать в фарватере американской политики, самодостаточные же страны такие, как Россия и Китай, противодействуют гегемонизму Америки.

Пересмотреть свою воинственную позицию по отношению к

остальному миру не раз призывало Вашингтон руководство СССР. О сдерживании и взаимовыгодном сотрудничестве с США говорил ещё Сталин, когда, пользуясь монополией на ядерное оружие в 1945 году, США бомбили Хиросиму и Нагасаки. Ядерный баланс с СССР в 50-80-ые годы несколько ослабил давление идеологов и практиков «американской исключительности». Сформированная модель биполярного мира и конфронтация двух сверхдержав (США-СССР) не переросли в прямое столкновение между ними благодаря сдерживающей роли ядерного оружия и созданному механизму конфронтационного регулирования. Однако на рубеже 80-90-х годов XX века, когда прекратила существование мировая система социализма и распался СССР, США остались единственной сверхдержавой, и идеология «исключительности» и «уникальности» вновь возродилась в сознании не только руководства этой страны, но и укрепилась в сознании американцев.

Как идеологема во внешней политике Вашингтона «американская исключительность» работает в качестве политической «дубинки», которой продолжают размахивать над головами народов, и все это сопровождается провозглашением лозунгов «добродетели» и мирных намерений Америки. Подтверждением же «исключительности» являются созданные Вашингтоном более 800 военных баз в разных частях мира, на которые идут расходы в размере 6,4 трлн долларов, а также на различные военные акции после 11 сентября 2001 года.

Неприятие курса американского лидерства демонстрирует современная Россия. Наш президент не раз призывал США к сдержанности и

предлагал сотрудничество, об этом он говорил в своей речи на Мюнхенской конференции в 2007 году, призывая США и весь западный мир отказаться от политики «исключительности» и превосходства [17]. По мнению В.В. Путина, в современном мире доминирование фактора силы и однополярная модель неприемлемы и невозможны. Это неизбежно подпитывает желания ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения. «И не только потому, что при единоличном лидерстве ... не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в её основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации», – провозгласил президент России [17].

Эту мысль В.В. Путин развил в 2013 году на страницах американской газеты The New York Times, напрямую обратившись к американскому народу с предостережением в отношении удара Пентагона по Сирии. «Очень опасно вдохновлять людей на то, чтобы они считали себя исключительными, какая бы мотивация ни была», – подытожил свои выводы, изложенные в статье В.В. Путин, усомнившись в действиях президента США Барака Обамы, пытавшегося подчеркнуть исключительность американской нации [4].

К сдерживанию Америки не раз призывало и китайское руководство. «Не увлекайтесь санкциями!», – предупреждал Барака Обаму лидер КНР Си Цзиньпин. Современная политика США, построенная на чувстве национального эгоизма и «исключительности», губительна для страны, она не усиливает, а ослабляет Америку. США все больше теряют лидиру-

ющие позиции не только в мировых финансах и экономике, но и в науке, и образовании. Америка уже не может по-старому руководить миром, навязывать свою волю другим народам. Политика гегемонизма уходит в прошлое, и в сегодняшних реалиях она неуместна и непродуктивна. Даже союзники США по НАТО начинают понимать это.

Меняется и общественное сознание в самой Америке. Сегодня многие американцы испытывают чувства страдания, смущение и даже стыда, когда видят, что их уровень жизни становится хуже по сравнению с европейским. Непокколебимая убежденность в «исключительности» своей нации заметно снижается. Многие в США начинают осознать, что особая роль Америки была не реальной, а иллюзорной. И это оставалось возможным только в определённые периоды истории, из которых Америка должна извлекать уроки.

Действительно, многие годы американские лидеры, ослеплённые

внутренними и внешними победами, гордились «просвещенным руководством» перед остальным миром, часто пренебрегая актуальными проблемами собственной страны. Кроме того, во имя такого руководства и такой помощи были разрушены многие страны. А что же «американская исключительность?», которой лидеры США оправдывали свою гегемонистскую политику, которая навязывалась другим странам и отвлекала от защиты собственной страны [4]. Но вера в то, что США являются исключительной нацией, что без них не может быть решён ни один вопрос, постепенно угасает. Пример с коронавирусом убедительно это продемонстрировал.

Америка – великая страна, но не исключительная, ей есть чем гордиться. Однако это не наделяет её правом диктовать волю другим народам. Величие нации не в гегемонизме, а в добродетели и особой ответственности за себя и судьбу мира.

Библиографический список

1. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: колл. монография / Отв. ред. В.Н. Колотов. СПб.: СПбГУ, 2013. 576 с.
2. *Гарбузов В. Н.* Американская исключительность. Краткая история одного уникального общества // Независимая газета. 2020. № 121 (7885). С. 7.
3. *Цзинь Цаньчжун.* Почему США стали непобедимы? // Народный форум. 2007. № 1. С. 6.
4. Обозреватель «Salon» призвал не перекладывать вину «американской исключительности» на Путина // ИноТВ: [сайт]. 27.07.2020. URL: <https://ru.rt.com/Inu8o> (дата обращения 07.08.2020).
5. Американская исключительность в прошлом, и это хорошо для евро // Profinance.ru: [сайт]. 23.07.2020. URL: <https://u.to/jreaGg> (дата обращения 06.08.2020).
6. Пандемия COVID-19 разрушает представление об американской исключительности // Russian.News.Cn: [сайт]. 04.07.2020. URL: <https://u.to/TrmaGg> (дата обращения 09.08.2020).
7. Пандемия показала лживость «исключительности» США – American Conservative // ИА REGNUM. 30.04.2020. URL: <https://regnum.ru/news/2934295.html> (дата обращения 09.08.2020).

8. ВВП США по годам: 1980–2020 // Мировые финансы: [сайт]. 12.01.2018. URL: <http://global-finances.ru/vvp-ssha-po-godam/> (дата обращения 12.08.2020).

9. Всемирный банк оценил грядущее падение мирового ВВП в 2020 году в 5,2% // ИА Interfax. 08.06.2020. URL: <https://www.interfax.ru/business/712355> (дата обращения 12.08.2020).

10. *Kai Jin*. China's "Common Destiny" vs. "America First" // The Diplomat. 07.05.2018. URL: <https://u.to/fMСаGg> (дата обращения 07.08.2020).

11. 100 дней до выборов в США. Финальный этап в условиях пандемии // ИА ТАСС. 26.07.2020. URL: <https://u.to/ycGaGg> (дата обращения 06.08.2020).

12. *Таран И., Комарова Е.* «Обосновать свою исключительность»: с чем связаны новые обвинения США в адрес Китая // Russian.RT: [сайт]. 22.05.2020. URL: <https://ru.rt.com/g1h9> (дата обращения 09.08.2020).

13. 漠视民众生命 背离人道主义大搞“双重标准”疫情扯下“美式人权”遮羞布 (环球热点) // 《人民日报海外版》(2020年07月23日第06版) (Игнорировать жизнь людей, отходить от принципов гуманизма и принимать «двойные стандарты». Эпидемия сорвала фиговый листок с «прав человека в американском стиле» // Жэньминь Жибао за рубежом: [сайт]. 23.07.2020. Вып. 6. URL: <https://u.to/icSaGg> (дата обращения 09.08.2020).

14. *Шилов В.* Трамп пригрозил китайским чиновникам санкциями из-за Гонконга // Российская газета: [сайт]. 29.05.2020. URL: <https://u.to/t8eaGg> (дата обращения 11.07.2020).

15. *Волков К.* Конгресс США рассмотрит законопроект о признании независимости Тибета // Российская газета: [сайт]. 27.05.2020. URL: <https://u.to/nMiaGg> (дата обращения 11.07.2020).

16. *Крутиков Е.* Как США пытаются разорвать Китай на десятки удельных княжеств // Взгляд. 31.05.2020. URL: <https://u.to/gMmaGg> (дата обращения 11.07.2020).

17. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Оф. сайт Президента РФ. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 06.08.2020).

Дата поступления в редакцию 11.11.2020

References

1. Eurasian arc of instability and regional security problems from East Asia to North Africa: coll. monograph / ed. by V.N. Kolotov. SPb.: SPbGU, 2013. 576 p. (In Russ.).

2. *Garbuzov V. N.* (2020). American exclusivity. A Brief History of One Unique Society // Nezavisimaya Gazeta. No. 121 (7885). P. 7 (in Russ.).

3. *Jin Canzhong* (2007). Why did the US become invincible? // Narodnyy forum. No. 1. P. 6. (In Russ.).

4. “Salon” columnist urged not to shift the blame of “American exceptionalism” to Putin // InoTV. 27.07.2020. URL: <https://ru.rt.com/Inu8o> (last request 07.08.2020) (in Russ.).

5. American exclusivity is in the past and it's good for the euro // Profinance.ru. 23.07.2020. URL: <https://u.to/jreaGg> (last request 06.08.2020) (in Russ.).

6. COVID-19 Pandemic Destroys American Exceptionalism // Russian.News.Cn. 04.07.2020. URL: <https://u.to/TrmaGg> (last request 09.08.2020) (in Russ.).

7. The pandemic showed the falsity of the “exceptionalism” of the United States – American Conservative // REGNUM. 30.04.2020. URL: <https://regnum.ru/news/2934295.html> (last request 09.08.2020) (in Russ.).

8. US GDP by years: 1980–2020 // Mirovyye finansy. 12.01.2018. URL: <http://global-finances.ru/vvp-ssha-po-godam/> (last request 12.08.2020) (in Russ.).

9. World Bank estimates the upcoming fall in global GDP in 2020 at 5.2% // Interfax. 08.06.2020. URL: <https://www.interfax.ru/business/712355> (last request 12.08.2020) (in Russ.).
10. *Kai Jin*. China's "Common Destiny" vs. "America First" //The Diplomat. 07.05.2018. URL: <https://u.to/fMcaGg> (last request 07.08.2020) (in Eng.).
11. 100 days before the US elections. The final stage in a pandemic //TASS. 26.07.2020. URL: <https://u.to/ycGaGg> (last request 06.08.2020) (in Russ.).
12. *Taran I., Komarova E.* "Justify your exclusiveness": what is the reason for the new US accusations against China // Russian.RT. 22.05.2020. URL: <https://ru.rt.com/g1h9> (last request 09.08.2020) (in Russ.).
13. 漠视民众生命 背离人道主义大搞“双重标准”疫情扯下“美式人权”遮羞布 (环球热点) // 《人民日报海外版》(2020年07月23日第06版) . (Ignore people's lives, deviate from the principles of humanism and accept "double standards". The epidemic tore the fig leaf off "American-style human rights" // Zhen'min' Zhibao. 23.07.2020. Issue 6. URL: <https://u.to/icSaGg> (last request 09.08.2020) (in Chin.).
14. *Shilov V.* (2020). Trump threatened Chinese officials with sanctions over Hong Kong // RG. 29.05.2020. URL: <https://u.to/t8eaGg> (last request 11.07.2020) (in Russ.).
15. *Volkov K.* US Congress will consider the bill on the recognition of the independence of Tibet // RG. 27.05.2020. URL: <https://u.to/nMiaGg> (last request 11.07.2020) (in Russ.).
16. *Krutikov E.* How the US is trying to break China into dozens of specific principalities // Vzglyad. 31.05.2020. URL: <https://u.to/gMmaGg> (last request 11.07.2020) (in Russ.).
17. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy // Presidential Executive Office. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (last request 06.08.2020) (in Russ.).

The article was submitted on: November 11, 2020

ИНТЕГРАЦИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ: УЧАСТИЕ В РАЗРАБОТКЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ЗАКОНОВ

Берёзкина Елена Юрьевна, аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Москва, Россия).

E-mail: euproskurina@gmail.com

AutorID РИНЦ: 733398

Аннотация. Статья посвящена анализу участия популистских партий Италии «Лига Севера» и «Движение 5 Звёзд» в процессе разработки электорального законодательства и распределении депутатских мандатов в последних электоральных циклах. Автор рассматривает их участие в законотворчестве как часть межпартийной конкурентной борьбы.

Ключевые слова: популизм, избирательная система, выборы, законодательство, политические партии

Для цитирования: Берёзкина Е. Ю. Интеграция итальянских популистских партий в политическую систему: участие в разработке избирательных законов // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 80-87. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.6

INTEGRATION OF ITALIAN POPULIST PARTIES INTO THE POLITICAL SYSTEM: PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF ELECTORAL LAWS

Elena Yu. Beryozkina, post-graduate student, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: euproskurina@gmail.com

Annotation. The article analyzes the participation of the populist parties of Italy “League of the North” and “5 Star Movement” in the development of electoral legislation and the distribution of parliamentary mandates in recent electoral cycles. The author considers their participation in lawmaking as part of an inter-party competition.

Keywords: Italy, populism, electoral system, elections, legislation, political parties

For citation: Beryozkina E. Yu. (2020). Integration of Italian populist parties into the political system: participation in the development of electoral laws. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 80-87. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.6

Италия является республикой парламентского типа, где парламент играет важную политическую роль. На данном фоне возрастает влияние политических партий и усиливается

межпартийная конкуренция. Неожиданным итогом последнего большого электорального цикла стал триумф популистских партий. Их активные действия в парламенте повлекли за

собой изменения в электоральном законодательстве в 2016 и 2017 гг., результатом которых стало введение новой системы подсчета голосов и распределения депутатских мандатов в Палате депутатов и Сенате. Для того, чтобы оценить, насколько современное итальянское электоральное законодательство благоприятствует усилению позиций популистских партий, следует рассмотреть законы, которые регламентируют систему подсчета голосов избирателей, а также определить критерии, по которым политическую партию можно отнести к популистским.

Исследователь Медушевский А.Н., ссылаясь на работы Б. Макаренко и Н. Петрова, трактует популизм не как идеологию, а как систему социально-психологических установок, предполагающих особую реакцию общества и элиты на быстрые и раздражающие социальные изменения. Данный тип реакции характеризуется негативной (протестной) социальной мобилизацией, возникающей в результате кризиса завышенных общественных ожиданий в условиях эрозии привычной социальной идентичности [1, с. 113]. Автор Осколков П.В. признает разнообразие идеологических установок партий, которых, как правило, относят к популистским. Он отмечает сочетание таких характеристик, как антиэлитизм и социальные требования [2, с. 12]. Немецкий политолог Ф. Хартлеб также акцентирует внимание на том, что популизм не является идеологией, а имеет комплексную структуру. Автор отмечает, что популизм антиэлитарен и использует противостояние «мы против них». А своей риторике популизм фокусируется на определенных темах, вызывающих резонанс и активное вза-

имодействие с публикой, основанное на личной харизме и влиянии политиков-лидеров [3, с. 10]. Профессор Университета Нью-Йорка Абдул Ноуру склонен относить к популистам правые течения за их фокус на идеях национализма и национальной идентичности [4, с. 422]. Подобной позиции придерживаются Кат Мадд и Кристофер Кальтвассер [5]. Отметим, что популизм – это более широкое явление, чем течение правых партий, строящих свою коммуникационную стратегию на принципах национальной идентичности. Пул вопросов, к которым обращаются популисты значительно шире: это и вопросы евроинтеграции, и проблемы экологии, и гендерные вопросы, эгалитарные вопросы, и требования решить экономические проблемы.

Два ярких представителя популистских партий в итальянском парламенте – правоцентричные популисты Lega Nord (включая дублирующую партию Lega per Salvini Premier, основанную в 2017 г. для развития в центральной и южной Италии) и центристы Movimento 5 Stelle. Обе партии в своем дискурсе активно используют затянувшийся экономический кризис и дефицит доверия итальянцев к Европейскому Союзу (евроскептицизм). Изначально целевая аудитория партий различалась. Ранняя «Лига Севера» ориентировалась на представителя среднего класса, живущего в северных экономически развитых регионах Италии, но затем, после того как Маттео Сальвини стал секретарем партии, трансформировалась в партию, ориентированную на более широкую аудиторию.

Паоло Натале пишет о трансформации дискурса партии формата «мы-они». Для ранней «Лиги Севера» – «боссианской» (название от

имени основателя Умберто Босси) характерно противопоставление севера и юга, а для «сальвинианской» (название от имени секретаря партии и премьер-министра Италии Маттео Сальвини) актуальным становится противопоставление Италии Европейскому Союзу [6]. Данная идеологическая трансформация прослеживается в действиях партии в качестве участника законодательной деятельности в составе парламента страны, а именно, на примере степени участия в разработке электорального законодательства в вопросах избрания системы подсчета голосов и распределения депутатских мандатов.

«Движение 5 звезд» (Movimento 5 Stelle), как более молодой участник итальянской политики, менее подвержена трансформациям, но сыграла важную роль в разработке нового закона, регламентирующего подсчет голосов и распределение мандатов. История изменений электорального законодательства напрямую связана с проблемами партийной раздробленности и невозможностью обеспечить работу законодательного органа из-за внутрикоалиционных конфликтов, которые не позволяют сформировать стабильное большинство или приводят к неопределимым противоречиям в позициях между Сенатом и Палатой Депутатов.

Досрочные парламентские выборы в Италии проводились в 1994 г., 1996 г., 2008 г. и 2013 году. Помимо досрочных выборов Италия часто сталкивается с правительственными кризисами, когда возникает угроза выражения вотума недоверия текущему правительству со стороны одной или двух палат парламента. При этом электоральное законодательство Италии достаточно часто подвергается изменениям, что также не

способствует стабилизации системы. За последние 15 лет избирательная система менялась 3 раза:

– с 1993 по 2005 гг. действовала пропорционально-мажоритарная система, разработанная Серджио Матареллой;

– с 2005 по 2015 гг. – пропорциональная система после принятия «Закона Кардероли», обеспечивающая наиболее успешной партии или коалиции абсолютное большинство за счет распределения «бонусных» мест (*premio di maggioranza*);

– в 2015 г. приняли электоральный закон «Италикум» (*Italicum*), который вводил пропорциональную систему и устанавливал минимальный барьер набранных голосов для партий, избирающихся в нижнюю палату – Палату Депутатов;

– 3 ноября 2017 г. вступил в силу закон «Розателлум» (*Rosatellum bis*), вводящий смешанную систему распределения голосов, сочетающий в себе распределение 1/3 голосов с помощью системы относительного большинства и 2/3 пропорциональным методом.

Такие частые изменения способов подсчета голосов свидетельствуют о попытках найти наиболее эффективный метод для формирования стабильного парламента, который позволит не только максимально представить интересы разных групп, но и будет эффективно функционировать.

«Закон Кардероли» *legge del 21 dicembre 2005 n. 270* – «Закон от 21 декабря 2005 г. №270» [7] (назван по имени инициатора Роберто Кардероли из «Лиги Севера» *Lega Nord*) предполагал распределение голосов по методу Хэйра-Нимейера: общее число голосов делилось на общее количество мандатов – полу-

чалась квота, затем число голосов за каждого кандидата или список делилось на квоту. Второе число – это количество мандатов для каждого из списка. А нераспределенные мандаты отдавались кандидатам из списка, набравшим наибольшее количество голосов. Закон критиковался за предоставление явного преимущества крупным партиям и получил название *Porcellum* («свинский»).

В 2013 г. в итальянский парламент вошли представители нового популизма – «Движение 5 Звезд» *Movimento 5 Stelle* (M5S) [8], получив 108 мест в Палате Депутатов и 54 места в Сенате. Предвыборная программа M5S была построена на жесткой критике итальянской политики и громких лозунгах: обеспечение базового дохода (*reddito di cittadinanza*), снижение налогов для среднего и малого бизнеса, антикоррупционная деятельность, отмена муниципального налога на недвижимость (IMU) на единственное жилье, цифровизация государственных процессов, отмена государственного субсидирования политических партий, проведение референдума по вопросу вхождения в состав ЕС [9]. В своей риторике M5S называли себя голосом гражданского общества. После выборов партия сохранила свой антиэлитарный курс и приняла активное участие в принятии нового избирательного закона, получившего название «Италикум» (*Italicum*).

1 июля 2016 г. вступил в силу Закон «Положения о выборах Палаты Депутатов» (*legge 6 maggio 2015*, п. 52) [10], однако, попытки изменить законодательство начались с 2013 г., когда Конституционный Суд частично отменил положения предыдущего закона *Porcellum* [11]. «Италикум» вводил пропорциональную

систему выборов, устанавливал процентный минимальный барьер (3%) для партий. «Бонус большинства» сохранялся для партий, набравших не менее 40% голосов избирателей.

Обсуждение положений закона сопровождалось скандалами в парламенте, угрозами M5S вывести свою фракцию из Парламента, что привело бы к остановке его работы и досрочным выборам. Интересна трансформация позиций «Движения 5 звезд». Если в начале дискуссии M5S выступали резко негативно в отношении «бонуса большинства», угрожали покинуть парламент: «*Che ci rimaniamo a fare in Parlamento? a farci prendere per il culo, a sostenere un simulacro di democrazia mentre questi fanno un colpo di Stato?*» (*перевод автора*: «Что нам остается делать в Парламенте? Нас водят за нос, чтобы поддержать симуляцию демократии, в то время как, эти наносят удар?») [12]. К 2017 г. позиция партии изменилась. Ее лидер, Бeppe Грилло выражал уверенность в том, что его партия сможет преодолеть 40% барьер вне коалиции и получить «бонус» и 55% в нижней палате парламента [13].

Italicum не был применен на парламентских выборах, т.к. в 2018 г. вышел новый закон *Rosatellum* «Закон от 3 ноября 2017 № 165» (*legge 3 novembre 2017*, п. 165) [14]. Новый закон ввел систему параллельного голосования с одновременным использованием разных систем подсчета голосов. По новому закону проводится один тур выборов, по итогам которого 36% мандатов было распределено с использованием системы относительного большинства, что теоретически позволяет сформировать устойчивое правительство, 64% распределялись пропорциональным методом для более точного учета го-

лосов избирателей. Для обеих палат применялся единый метод распределения мест – Хантингтон-Хилл [15]. Расчет мест производится по формуле: минимальный порог голосов в процентах умножается на соотношение общего количества голосов к ста, а дробные результаты округляются в сторону увеличения.

Позиция «Движения 5 Звёзд» по отношению к новому законодательству снова оказалась негативной. Вместе с ними против нового закона выступила коалиция левых. М5S обвиняли первую версию закона (50% голосов считать по мажоритарной системе, 50% – по пропорциональной) в формировании дисбаланса в сторону мажоритарной системы, а затем в том, что новый закон давал бы преимущество коалициям перед самостоятельными партиями [16].

«Лига Севера» в составе правой коалиции и при согласии с «Демократической партией» поддержала новый закон [17]. Эмануэле В. и Вассалло С. отмечают, что Rosatellum провоцирует партии вступать в коалиции, чтобы набрать на выборах больше 38-40% голосов и получить 50% мест в парламенте [18, с. 20].

20 сентября 2020 г. в Италии прошел референдум, на котором рассматривался вопрос о внесении поправок в Конституцию, в статьи 56, 57 и 59, регламентирующие количество парламентариев примерно на 1/3 (до 400 парламентариев в Палате Депутатов и 200 человек в Сенате) [19]. Референдум был инициирован М5S в рамках реализации их предвыборной кампании, направленной на сокращение расходов на содержание политиков. Идея референдума была поддержана и «Лигой Севера», которые действовали также в соответствии со своей предвыборной

программой на парламентских выборах 2013 г. (сократить количество парламентариев и расходы на политику) [20] и 2018 г. [21].

Многопартийная система позволяет максимально полно представить интересы различных групп в парламенте. Обратная сторона многопартийности в сочетании с пропорциональной избирательной системой – это барьер для политических партий, препятствующий их самостоятельности и вынуждающий вступать в коалиции для того, чтобы набрать достаточное количество голосов, чтобы быть представленными в законодательном органе. Мажоритарная система распределения депутатских мандатов менее предпочтительна, поскольку влечет за собой потерю важной характеристики парламента – его представительности и создает преимущества крупным партиям и коалициям.

Для Италии важно найти баланс, который позволит сохранить представительство и эффективность принятия решений, чтобы межпартийные разногласия не приводили к политическим кризисам. Последние 2 электоральных цикла проходят при активном участии популистских партий старого образца (Lega) и нового (М5S), которые вместе сегодня занимают 50% мест в парламенте. Возросшая конкуренция и успех противника заставил Lega пересмотреть свои позиции и сменить курс на ориентацию на более широкий круг избирателей (вся страна вместо экономически развитых северных регионов). Кроме коммуникационной стратегии Lega активно участвует в изменении электорального законодательства, которое позволило бы им сохранить лидирующие позиции, при этом выполнить свою предвыборную программу.

М5S также выполняет пункты своей предвыборной программы (сокращение количества парламентариев и расходов на них), инициировав проведение конституционного референдума в 2020 г. Независимость партии от коалиций дает ей преимущество в поддержке электората, т.к. это

одна из основ их дискурса – противопоставление «мы – они», где «они» – все политические партии Италии. Одновременно с этим самостоятельность М5S не позволяет ей противостоять против принятия невыгодных для нее в долгосрочной перспективе избирательных законов.

Библиографический список

1. Медушевский А. Н. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия // *Полития*. 2018. № 3 (90). С. 113-139.
2. Осколков П. В. Правый популизм в Европейском Союзе. М.: ИЭ РАН, 2019. 164 с. ISBN: 978-5-98163-144-3.
3. Hartleb F. (2018). The rise of new populism in Europe and Asia // *Panorama insights into Asian and European affairs*. Issue 1. URL: <https://u.to/TVCbGg> (дата обращения 27.11.2020).
4. Noury A. (2020). Identity Politics and Populism in Europe // *Annual Review of Political Science*. № 23 (1). P. 421-439. DOI: 10.1146/annurev-polisci-050718-033542
5. Muddle C., Kaltwasser C. R. *Populism: a very short introduction*. Oxford University press, 2017. 136 p.
6. Natale P. (2019). La trasformazione della Lega: il partito nazionale e' servitor // *Gli Stati Generali*. 22.12.2019. URL: <https://u.to/xBWbGg> (дата обращения 29.11.2020).
7. Modifiche alle norme per l'elezione della Camera dei deputati e del Senato della Repubblica (Изменения в правилах избрания Палаты депутатов и Сената Республики): текст закона от 21.12.2005. URL: <https://u.to/OhubGg> (дата обращения 28.11.2020).
8. Результаты парламентских выборов 2013 г. // Министерство внутренних дел Италии. URL: <https://u.to/nBybGg> (дата обращения 28.11.2020).
9. Elezioni 2013, il programma elettorale del Movimento 5 Stelle (Текст предвыборной программы партии «Движение 5 Звёзд»). 22.02.2013. URL: <https://u.to/ATGcGg> (дата обращения 27.11.2020).
10. Disposizioni in materia di elezione della Camera dei deputati (Положение о выборах Палаты Депутатов). п. 105 от 05.08.2015. URL: <https://u.to/WzGcGg> (дата обращения 28.11.2020).
11. Постановление Конституционного Суда Италии. 2014. № 1 URL: <https://u.to/zTGcGg> (дата обращения 28.11.2020).
12. Riforme, bagarre al Senato. Renzi: "Sceneggiate, hanno paura di perdere la poltrona" (Реформы, борьба в Сенате. Ренци: "Сценарист, боятся потерять кресло") // *La Repubblica*. 29.07.2014. URL: <https://u.to/WDKcGg> (дата обращения 28.11.2020).
13. Grillo e Salvini dopo la sentenza della Consulta: "Non ci sono più scuse, andiamo subito al voto" (Грилло и Сальвини: «Больше никаких отговорок, давайте немедленно приступим к голосованию») // *La Stampa*. 25.01.2017. URL: <https://u.to/ojKcGg> (дата обращения 28.11.2020).
14. Modifiche al sistema di elezione della Camera dei deputati e del Senato della Repubblica. (Изменения в избирательной системе Палаты депутатов и Сената республики) // *Gazzetta ufficiale*. 11.11.2017. URL: <https://u.to/3TKcGg> (дата обращения 28.11.2020).
15. Rosatellum, come funziona la legge elettorale e cosa prevede (Rosatellum, как работает избирательный закон и что он дает) // *Il Corriere della Sera*. 07.10.2017. URL: <https://u.to/EzOcGg> (дата обращения 29.11.2020).

16. La Rosatellum-story, una legge che ha punito chi l'ha votata (История Rosatellum, закон, наказывающий тех, кто голосовал за него) // Il sole 24 ore. 06.03.2020. URL: <https://u.to/RTOcGg> (дата обращения 29.11.2020).
17. Il Senato ha approvato il Rosatellum (Сенат утвердил Rosatellum) // Il post. 26.10.2017. URL: <https://u.to/cDOcGg> (дата обращения 29.11.2020).
18. Emanuele V., Vassallo S. (2018). Gli effetti del Rosatellum e la nuova geografia del voto // Vox Populi. Il voto ad alta voce del 2018.
19. Указ президента Итальянской Республики о проведении референдума. 17.07.2020. URL: <https://u.to/yjOcGg> (дата обращения 29.11.2020).
20. Предвыборная программа партии «Лига Севера» для участия в парламентских выборах 2013 г. URL: <https://u.to/RzScGg> (дата обращения 29.11.2020).
21. Предвыборная программа партии «Лига Севера» для участия в парламентских выборах 2018 г. URL: <https://www.leganord.org/politiche2018> (дата обращения 29.11.2020).

Дата поступления в редакцию 30.11.2020

References

1. Medushevsky A. N. (2018). Populism and constitutional transformation: Eastern Europe, post-Soviet space and Russia // *Politiya*. № 3 (90). P. 113-139 (in Russ.).
2. Oskolkov P. V. (2019). Right-wing populism in the European Union. Moscow: IE RAS. 164 p. ISBN: 978-5-98163-144-3 (in Russ.).
3. Hartleb F. (2018). The rise of new populism in Europe and Asia // *Panorama insights into Asian and European affairs*. Issue 1. URL: <https://u.to/TBCbGg> (last request 27.11.2020) (in Eng.).
4. Noury A. (2020). Identity Politics and Populism in Europe // *Annual Review of Political Science*. № 23 (1). P. 421-439. DOI: 10.1146/annurev-polisci-050718-033542 (in Eng.).
5. Muddle C., Kaltwasser C. R. Populism: a very short introduction. Oxford University press, 2017. 136 p. (in Eng.).
6. Natale P. (2019). La trasformazione della Lega: il partito nazionale e' servitor // *Gli Stati Generali*. 22.12.2019. URL: <https://u.to/xBWbGg> (last request 29.11.2020) (in Italian).
7. Modifiche alle norme per l'elezione della Camera dei deputati e del Senato della Repubblica. 21.12.2005. URL: <https://u.to/OhubGg> (last request 28.11.2020) (in Italian).
8. Results of the parliamentary elections 2013 // Ministero dell'Interno italiano. URL: <https://u.to/nBybGg> (last request 28.11.2020) (in Italian).
9. Elezioni 2013, il programma elettorale del Movimento 5 Stelle. 22.02.2013. URL: <https://u.to/ATGcGg> (last request 27.11.2020) (in Italian).
10. Disposizioni in materia di elezione della Camera dei deputati. n. 105 or 05.08.2015. URL: <https://u.to/WzGcGg> (last request 28.11.2020) (in Italian).
11. Decision of the Italian Constitutional Court. 2014. № 1 URL: <https://u.to/zTGcGg> (last request 28.11.2020) (in Italian).
12. Riforme, bagarre al Senato. Renzi: «Sceneggiate, hanno paura di perdere la poltrona» // *La Repubblica*. 29.07.2014. URL: <https://u.to/WDKcGg> (last request 28.11.2020) (in Italian).
13. Grillo e Salvini dopo la sentenza della Consulta: «Non ci sono più scuse, andiamo subito al voto» // *La Stampa*. 25.01.2017. URL: <https://u.to/ojKcGg> (last request 28.11.2020) (in Italian).
14. Modifiche al sistema di elezione della Camera dei deputati e del Senato della Repubblica // *Gazzetta ufficiale*. 11.11.2017. URL: <https://u.to/3TKcGg> (last request 28.11.2020) (in Italian).

15. Rosatellum, come funziona la legge elettorale e cosa prevede // Il Corriere della Sera. 07.10.2017. URL: <https://u.to/EzOcGg> (last request 29.11.2020) (in Italian).

16. La Rosatellum-story, una legge che ha punito chi l'ha votata // Il sole 24 ore. 06.03.2020. URL: <https://u.to/RTOcGg> (last request 29.11.2020) (in Italian).

17. Il Senato ha approvato il Rosatellum // Il post. 26.10.2017. URL: <https://u.to/cDOcGg> (last request 29.11.2020) (in Italian).

18. *Emanuele V., Vassallo S.* (2018). Gli effetti del Rosatellum e la nuova geografia del voto // Vox Populi. Il voto ad alta voce del 2018 (in Italian).

19. Decree of the President of the Italian Republic on the holding of a referendum. 17.07.2020. URL: <https://u.to/yjOcGg> (last request 29.11.2020) (in Italian).

20. Election program of the party "League of the North" for participation in parliamentary elections 2013. URL: <https://u.to/RzScGg> (last request 29.11.2020) (in Italian).

21. Election program of the party "League of the North" for participation in parliamentary elections 2018. URL: <https://www.leganord.org/politiche2018> (last request 29.11.2020) (in Italian).

The article was submitted on: November 30, 2020

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

DOI 10.19181/2308829X-2020-4.7

УДК 316.34

Э. О. Илларионова

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЯ ИННОВАТОРОВ В СОЦИАЛЬНО- СТРАТИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Илларионова Элина Олеговна, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

E-mail: 796132@gmail.com

Аннотация. В настоящее время устойчивое развитие «экономики знаний» является залогом успешного развития не только экономики страны, но и социальной, политической сфер. Для социолога особый интерес представляет анализ процессов формирования слоя инноваторов в социально-стратификационной структуре общества, выделение ряда отличительных черт такого слоя и механизмов его развития.

Ключевые слова: социальный слой инноваторов, инновации, конкурентоспособность, человеческий капитал, экономика знаний

Для цитирования: Илларионова Э. О. Отличительные особенности слоя инноваторов в социально-стратификационной структуре российского общества: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 88-97. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.7

DISTINCTIVE MARKERS OF THE LAYER OF INNOVATORS IN THE SOCIAL-STRATIFICATION STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Elina O. Illarionova, post-graduate student, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russia).

E-mail: 796132@gmail.com

Abstract. The sustainable development of the «knowledge-based economy» is the key factor in the growth of the country's national welfare and the evolution of social and political spheres. For a sociologist, it is important to analyze the

processes of formation of social strata of innovators in the stratification structure of society, to highlight the distinctive features of the strata of innovators and the mechanisms of its development.

Keywords: social strata of innovators, innovation, competitiveness, human capital, knowledge economy

For citation: Illarionova E. O. (2020). Distinctive markers of the layer of innovators in the social-stratification structure of Russian society: sociological analysis. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 88-97. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.7

В современном мире основным вектором развития стран является формирование экономик нового типа, «где сектор знаний играет решающую роль, а производство знаний является источником экономического роста» [1]. Инновационное развитие влияет на формирование структуры общественного производства и трансформирует финансовую систему организации общества. Развитая инновационная инфраструктура является стратегическим преимуществом страны на международной арене, обязательным атрибутом высококонкурентной экономики. Наиболее быстро развивающимися и капиталоемкими становятся рынки сложных высокотехнологичных товаров: рынок информационно-коммуникационных технологий, биотехнологической продукции, нанотехнологической продукции и др. В таких условиях большинство современных развитых стран путем проведения инновационной политики стремятся осуществить поддержку инновационной деятельности, стимулировать инновационную активность предприятий, университетов и бизнеса. В рамках каждой страны создается индивидуальная стратегия инновационного развития, формируются инструменты поддержки и совершенствования инновационной траектории, разрабатывается собственная модель инновационного продвижения.

В связи с необходимостью создания предпосылок и условий для устойчивого экономического роста

в ряде стран проводится работа по интенсификации инновационной деятельности, где особую роль играют научно-технологические факторы развития. Учитывая высокую капиталоемкость таких работ и наличие повышенных рисков [2] при ее осуществлении, крайне актуальной становится задача поиска наиболее эффективных механизмов и методов управления и поддержки перспективных научно-инновационных программ со стороны государства.

Рассмотрим каким образом представлен слой инноваторов в социальной структуре российского общества. Согласно определению Российского статистического ежегодника за 2019 г., инноватор – это работник, профессионально занимающийся исследованиями и разработками, непосредственно осуществляющий создание новых знаний, продуктов, методов и систем; т.е. инновационной деятельностью, которая представляет собой вид деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности [3]. Инновационная деятельность предполагает целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих

мероприятий, и именно в совокупности они приводят к инновациям.

В Российском статистическом ежегоднике производится подсчет в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) организаций и численности персонала, занятого инновационной деятельностью. В составе персонала, занятого исследованиями и разработками, выделяются четыре категории: инноваторы, техники (работники, участвующие в исследованиях и разработках и выполняющие технические функции, как правило, под руководством инноваторов), вспомогательный персонал (работники планово-экономических, финансовых подразделений, патентных служб, подразделений научно-технической информации, научно-технических библиотек; рабочие, осуществляющие монтаж, наладку, обслуживание и ремонт научного оборудования и приборов; рабочие опытных производств; лаборанты и др.) и прочий персонал. Отмечается негативная тенденция сокращения абсолютной численности исследователей – основы слоя инноваторов, к текущему году изменения составили -21% (Рис. 1).

В Российской Федерации на 2018 год процентное соотношение персонала, занятого исследованиями и разработками, строится образом: 53% персонала занято в предпринимательском секторе экономики, 38% – в государственном, в секторах высшего образования и некоммерческих организаций – 9% и менее 1% соответственно. Особую значимость негативная тенденция имеет в предпринимательском секторе: численность персонала, занятого инновационной деятельностью в сфере бизнеса, за 18 лет сократилось более

чем на 50%, в то время как в государственном секторе и секторе высшего образования лишь незначительно возросла (Рис. 2).

Следует особо отметить, что менее 1% инноваторов не обладают высшим образованием. Наиболее многочисленная группа инноваторов представлена в возрастной категории 30-39 лет. Она включает в себя также наибольшее число инноваторов, имеющих степень кандидата наук, за ней следует возрастная группа до 29 лет. Самое большое количество инноваторов, имеющих степень доктора наук, представлено в старших возрастных группах (Рис. 3).

Анализируя структуру занятости внутри слоя инноваторов по областям науки в Российской Федерации, можно отметить, что большинство занято в сфере технических (62%) и естественных наук (22%) (Рис. 4).

Согласно исследованию АО «РВК» [4] в Российской Федерации активную деятельность ведут около 180 тыс. технологических предпринимателей. Респонденты исследования АО «РВК» называют «возможность создания нового», «возможность творческой самореализации», «желание получить финансовую независимость и свободу» основными мотивационными установками при занятии инновационной деятельностью. Распределение техпредпринимателей по отраслям и сферам строится следующим образом: программное обеспечение (46,4%), коммерческие услуги (24%), энергетика (11,2%), здравоохранение (8,8%), ИТ-оборудование (8%), медиа (7%), фармацевтика и биотехнологии (5,5%) и др. Основным источником средств для российских стартапов в технологической сфере являют-

ся личные средства учредителей (91% предпринимателей). Инвестиции венчурных фондов с государственным участием привлекали 39%

техпредпринимателей, а 37% получали различные формы федеральной грантовой поддержки предпринимательства.

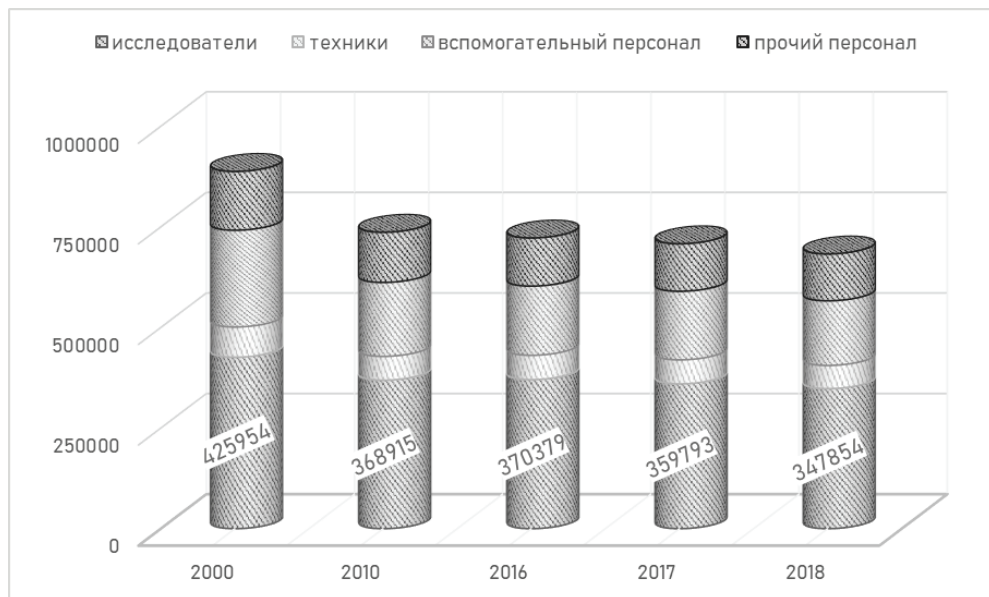

Рисунок 1. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в РФ, чел.

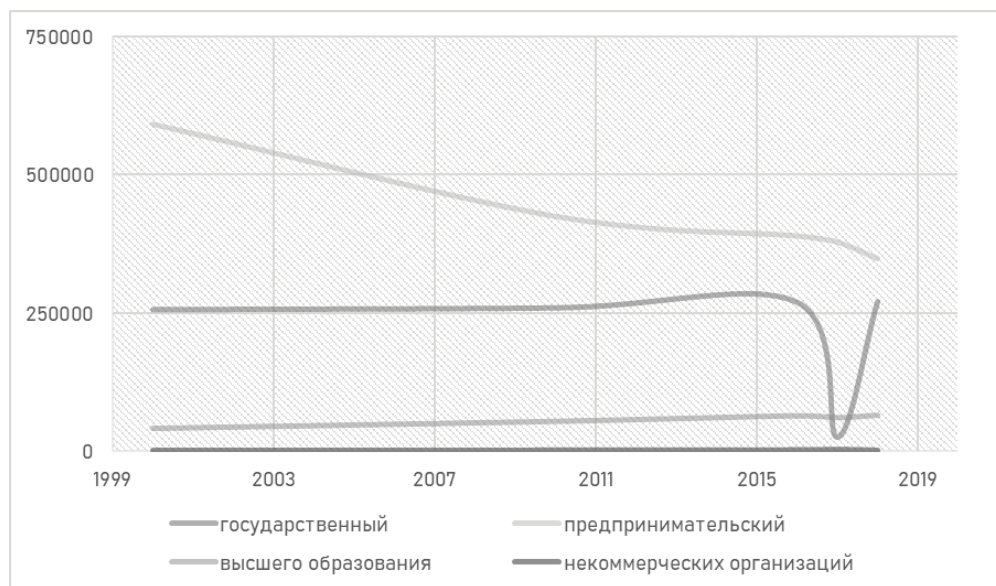

Рисунок 2. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками по секторам деятельности в РФ, чел.

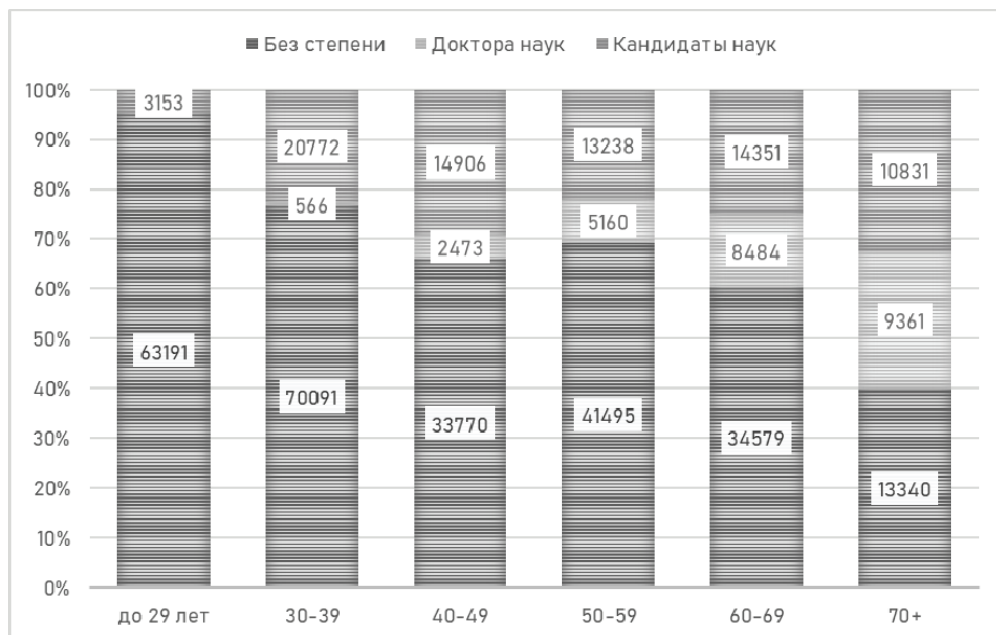

Рисунок 3. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками по возрастным группам в РФ, чел.

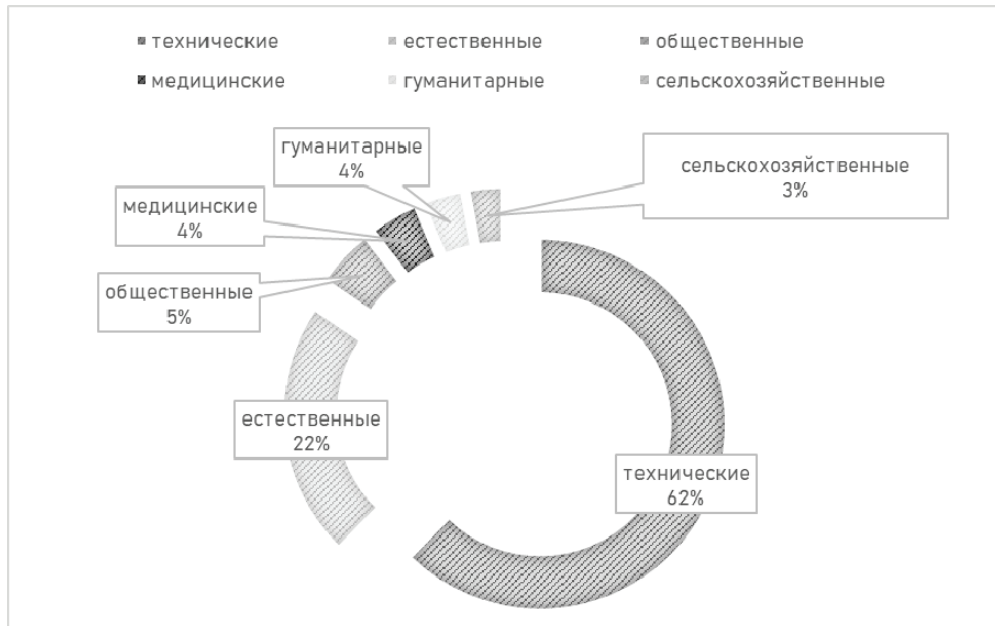

Рисунок 4. Структура занятости инноваторов по областям науки в РФ на 2017 г., в %.

В рейтинге «Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2020 г.» Российская Федерация заняла 47 позицию, потеряв один пункт по сравнению с прошлым годом. ГИИ рассчитывается как среднее двух субиндексов – ресурсов инноваций (институты, человеческий капитал и наука, инфраструктура, уровень развития рынка и бизнеса) и достигнутых практических результатов осуществления инновационной деятельности (развитие технологий и экономики знаний; результаты творческой и креативной деятельности) [5]. Следует отметить, что участие в процессе производства научного знания является отличительной чертой слоя инноваторов как специфической группы в социальной структуре общества. К сильным сторонам российской инновационной системы относится высокое качество человеческого капитала, которое достигается, в основном, за счет высокого охвата высшим образованием (17 место в рейтинге) и большого числа выпускников естественнонаучных и инженерных специальностей (15), а также соотношения численности учеников и учителей в среднем образовании (19).

Модернизация высшего образования, инвестиции в данную сферу способствуют увеличению численности слоя инноваторов [6]. П. Друкер в работе «Ориентиры завтрашнего дня» 1959 г. ввел понятие «knowledge workers» (работник интеллектуальной сферы, работник знаний): работники интеллектуальной сферы являются движущей силой современной экономики, а гибридная модель управления является методом демонстрации ценности работника для организации. Отличительной чертой современного этапа развития общества является значитель-

ное увеличение роли человеческого капитала как фактора повышения конкурентоспособности государств. В 2019 World Data Bank представил «Доклад о мировом развитии 2019: Изменение характера труда» под руководством Дж. Ен Кима. Авторами доклада особо подчеркивается, что главным фактором обеспечивающий экономический рост и благосостояние государства остаются инвестиции в образование: «несмотря на рост численности образованных работников, отдача от инвестиций в образование повышается с 2000 года. Отдача от образования особенно высока там, где идет перестройка технологий» [7].

Следует отметить, что уровень развития образования в стране напрямую связан с величиной инновационного потенциала страны, т.е. страны, где население более образовано, занимают более высокие ступени в рейтинге инновационного развития стран [8]. Согласно рейтингу инновационного развития регионов России лидирующими регионами являются: Москва, Татарстан, Санкт-Петербург, Томская и Нижегородская области [9]. В рейтинге «Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2020 г.» Москва является единственным инновационным кластером, обладающим всеми необходимыми условиями для реализации инновационной деятельности, и занимает 32 место [10].

Развитие инновационного слоя в социальной структуре общества возможно только в благоприятной инновационной среде, которая может развиваться в рамках эффективно функционирующей национальной инновационной системы (далее НИС), где базовым экономическим механизмом является конкуренция, в рамках которой происходит «процесс

созидательного разрушения». НИС определяется как «совокупность взаимосвязанных организаций, занятых производством и коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ, – мелкие и крупные компании, университеты, государственные лаборатории, технопарки и инкубаторы. Их взаимодействие обеспечивается комплексом институтов правового, финансового и социального характера, имеющих прочные национальные корни, традиции и культурные особенности» [11]. Начиная с 80-ых годов XX века разработка концепции и создание национальных систем являлось главным приоритетом государственной политики развитых стран. В основу концепции НИС в качестве методологической основы заложены: идея австрийского экономиста и философа Ф. Хайека о присутствии т.н. «рассеянного знания» в рамках рыночных отношений, которая впоследствии позволит сформироваться такому влиятельному направлению как «экономика знания» (впервые была изложена в работе «Использование знаний в обществе»); идея Д. Норта о роли институциональной среды в создании эффективных рыночных механизмов. Также значительный вклад в развитие концепции НИС внесли: Б. Лундвал (выделил особенности национальных инновационных систем), Р. Нельсон (рассмотрел важнейшие аспекты государственной и научной технологической политики), К. Фримен (проанализировал институциональный аспект инновационной деятельности).

Основными факторами, негативно сказывающимися на развитии НИС, являются: отсутствие серьезного опыта ведения инновационной

деятельности, неразработанность нормативно-правовой базы инноваций, высокие транзакционные издержки и административные барьеры при осуществлении деятельности, отсутствие сложившейся инновационной среды и др. [12]. Создание необходимой инфраструктуры и инновационной базы, стимулирование инновационной активности частного сектора и государственная поддержка приоритетных направлений научно-технического развития является залогом успешного формирования НИС. Государственно-частное партнерство обеспечивает стабильную, устойчивую и самоподдерживающую модель научно-технического роста. Имплементация государственно-частного партнерства позволяет уже на «нулевом цикле» сочетать фундаментальную глубину исследований с «экономическим эквивалентом» – рыночным продуктом, добавленная стоимость которого может быть распределена, в том числе, и на финансирование последующих разработок.

Задачи по ускорению инновационного развития России и развитию НИС нашли свое отражение в «Майском указе» Президента Российской Федерации В.В. Путина (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»). Так, в частности, п. 1 Указа ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа, обозначено одной из национальных целей развития Российской Федерации, организация достижения которой поручена Правительству Российской Феде-

рации. Основные направления деятельности были отражены в рамках обеспечения исполнения «майского указа». Правительство Российской Федерации разработало «Основные направления деятельности Правительства на период до 2024 г. (утверждены 29 сентября 2018 г.). Ключевые действия по достижению утвержденной указом цели должны быть обеспечены посредством следующих мер:

– Стимулирование внедрения инновационных технологий и продуктов с учетом растущих требований по ресурсосбережению, минимизации негативного экологического воздействия и обеспечения безопасности продукции;

– Содействие развитию дистанционных образовательных программ в сфере технологических инноваций, технологического менеджмента и управления инновационным развитием;

– Содействие расширению доступа к высокотехнологичному оборудованию;

– Применение механизмов государственной поддержки инжиниринговой деятельности;

– Содействие развитию цифровых сервисов сопровождения инновационной деятельности.

В современных реалиях значительной частью экономики знаний принято считать цифровые преобразования, в конце 2016 г. в рамках Экономического совета при Президенте Российской Федерации была создана рабочая группа по направлению «Цифровая экономика», результатом работы которой явилась разработка Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, а также подготовлена Программа «Цифровая

экономика Российской Федерации», утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р.

Выводы. Таким образом, инноваторов как социальный слой характеризует особый характер их деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности.

В Российской Федерации в составе персонала, занятого исследованиями и разработками, выделяются четыре категории: исследователи, техники, вспомогательный персонал и прочий персонал. Наиболее многочисленная группа инноваторов представлена в возрастной категории 30-39 лет. Она включает в себя также наибольшее число инноваторов, имеющих степень кандидата наук. Большинство инноваторов занято в сфере технических (62%) и естественных наук (22%). Формирование инновационного слоя в социальной структуре общества возможно только в благоприятной инновационной среде, которая может развиваться в рамках эффективно функционирующей национальной инновационной системы, где базовым экономическим механизмом является конкуренция, в рамках которой происходит «процесс созидательного разрушения» (Й. Шумпетер).

К сильным сторонам российской инновационной системы относится высокое качество человеческого капитала, значительное развитие

технологий и экономики знаний, которое позволяет занимать лидирующие позиции в мире по числу полученных патентов на изобретения и полезные модели. Основные проблемы в процессе формирования слоя инноваторов в социально-стратификационной структуре российского общества сосредоточены в области сокращения институциональных инновационных организаций; спада абсолютной численности персонала, занятого инновационной деятельно-

стью. Особое значение негативная тенденция имеет в предпринимательском секторе, где численность инноваторов за последние 18 лет сократилось более чем на 50%. Также сказывается низкое финансирование процессов развития инновационной среды, высокие транзакционные издержки и административные барьеры при осуществлении инновационной деятельности, неоднородность инновационного развития регионов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Давыденко Е. В. Модели национальных инновационных систем: зарубежный опыт и адаптация для России // Проблемы современной экономики. 2014. № 2 (50). С. 23-26.
2. Государственное управление научно-инновационным развитием. Новое в мировой практике: монография / отв. ред. В. И. Кушлин. М.: Проспект, 2017. 272 с. ISBN 978-5-392-25350-0.
3. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб. / Росстат. М., 2019. 708 с. ISBN 978-5-89476-473-3.
4. Национальный доклад об инновациях в России 2017 г. АО «РВК» // РВК: [сайт]. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (дата обращения 28.11.2020).
5. Цапенко И. П. Человеческие ресурсы в сфере науки и технологий: состояние и эффективность использования // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 3-15.
6. Васильев В. П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6. С. 4-11.
7. Всемирный банк. 2019 год. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. DOI:10.1596/978-1-4648-1328-3
8. Гуриева Л. К. Концепция национальных инновационных систем // Инновации. 2004. № 4 (71). С. 3-7.
9. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин [и др.]; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020.
10. The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? Cornell University, INSEAD, and WIPO (2020). Ithaca, Fontainebleau and Geneva.
11. Иванов В. П. Инновационные социальные технологии // Вопросы экономики. 2002. № 5.
12. Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, И. А. Кузнецова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 376 с. ISBN 978-5-7598-1945-5.

Дата поступления в редакцию 28.11.2020

References

1. *Davydenko E. V.* (2014). Models of national innovation systems: foreign experience and its adaptation in Russia // Problemy sovremennoy ekonomiki (Problems of modern economics). № 2 (50). P. 23-26 (in Russ.).
2. State management of scientific and innovative development. New in world practice: monograph / ed. by V. I. Kushlin. M.: Prospect, 2017. 272 p. ISBN 978-5-392-25350-0 (in Russ.).
3. Russian statistical yearbook. 2019: Stat. comp. / Rosstat. M., 2019. 708 c. ISBN 978-5-89476-473-3 (in Russ.).
4. National Report on Innovations in Russia 2017 // RVK.
URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (last request 28.11.2020) (in Russ.).
5. *Tsapenko I. P.* (2014). Human resources in sphere of science and technologies: status and efficiency // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations). № 4. P. 3-15 (in Russ.).
6. *Vasiliev V. P.* (2019). E-government in digital reality // Informatsionnoye obshchestvo (Information Society). № 6. P. 4-11 (in Russ.).
7. World Bank. 2019. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Washington, DC: World Bank. DOI:10.1596/978-1-4648-1328-3
8. *Gurieva L. K.* (2004). Concept of national innovation systems // Innovations. № 4 (71). P. 3-7 (in Russ.).
9. Russian Regional Innovation Scoreboard. Issue 6 / G. Abdrakhmanova, S. Artemov, P. Bakhtin et al.; L. Gokhberg (ed.); National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2020.
10. The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? Cornell University, INSEAD, and WIPO (2020). Ithaca, Fontainebleau and Geneva.
11. *Ivanov V. P.* (2002). Innovative social technologies Voprosy Ekonomiki. № 5.
12. Indicators of Innovation in the Russian Federation: 2019: Data Book / L. Gokhberg, K. Ditkovskiy, I. Kuznetsova et al.; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2019.

The article was submitted on: November 28, 2020

РИСКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: sigarevae@mail.ru

AutorID РИНЦ: 74704

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: svetlankamos84@yandex.ru

AutorID РИНЦ: 611010

Плетнева Юлия Эдуардовна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: julpletneva@yandex.ru

AutorID РИНЦ: 1026136

Аннотация. В статье авторы рассматривают различные теории «риска» в контексте формирования новой реальности, которая характеризуется разными критериями и степенями неопределенности. Исследователи анализируют работы У. Бека, Э. Гидденса, М. Дуглас, Н. Талеба, Ф. Хоффмана и других. В статье проводится глубокий анализ рисков демографического развития России в условиях глобальной пандемии. На основе результатов собственного исследования, базирующихся на данных совокупности методов сбора и анализа информации, авторы статьи приходят к следующим выводам. Первая, затем вторая волна депопуляции делает демографическую детерминацию развития российского государства приоритетной, что требует пересмотра парадигмы экономической перспективы. В сложившихся условиях риск снижения численности мирового населения увеличится многократно. На фоне развития негативных мировых и отечественных демографических процессов и формирования апокалиптических взглядов на будущее «пандемийный» ущерб населения может стать лишь незначительным вкладом в этот тренд. Необходимо осуществлять мониторинг не только возможных рисков, но и реакции населения на предлагаемые государством меры профилактики, борьбы с пандемией, а также социально-экономической поддержки граждан и предпринимателей в сложных условиях распространения COVID-19.

Ключевые слова: пандемия, риск, общество риска, демография, государство, общественное мнение, доверие

Для цитирования: Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Плетнева Ю. Э. Риски демографического развития в условиях пандемии // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 98-116. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.8

RISKS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN A PANDEMIC

Evgenia P. Sigareva, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: sigarevae@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3760-795X

Scopus Author ID: 57209847807

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: svetlankamos84@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3239-4230

Web of Science ResearcherID: AAT-1436-2020

Scopus Author ID: 56623121500

Julia E. Pletneva, Junior Researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: julpletneva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6689-3305

Web of Science ResearcherID: B-7423-2019

Abstract. In the article, the authors consider various theories of “risk” in the context of the formation of a new reality, which is characterized by different criteria and degrees of uncertainty. Researchers analyze the works of W. Beck, E. Giddens, M. Douglas, N. Taleb, F. Hoffman and others. The article provides a deep analysis of the risks of Russia’s demographic development in the context of a global pandemic. Based on the results of their own research, based on the data of a set of methods for collecting and analyzing information, the authors of the article come to the following conclusions. The first and then the second wave of depopulation makes the demographic determination of the development of the Russian state a priority, which requires a revision of the paradigm of the economic perspective. Under these conditions, the risk of a decline in the global population will increase many times over. Against the background of the development of negative global and domestic demographic processes and the formation of apocalyptic views on the future, the “pandemic” damage to the population can become only an insignificant contribution to this trend. It is necessary to monitor not only possible risks, but also the reaction of the population to the preventive measures proposed by the state, combating the pandemic, as well as socio-economic support of citizens and entrepreneurs in the difficult conditions of the spread of COVID-19.

Keywords: pandemic, risk, risk society, demography, state, public opinion, trust

For citation: Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu., Pletneva J. E. (2020). Risks of demographic development in a pandemic. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 98-116. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.8

Очевидно, что 2020 г. останется в истории человечества годом, когда главенствующая парадигма экономического детерминизма сменилась парадигмой демографического детерминизма. Весь глобальный мир в кратчайшие сроки столкнулся с угрозой утраты неопределенной части мирового населения. Представители истеблишмента всех стран мира пошли на беспрецедентные меры в экономической политике с единственной целью сохранить население своих государств. То есть, экономика стран подчинилась демографии. Вместе с тем, новая реальность обладает такой степенью неопределенности, что конструирование будущего развития усложняется отсутствием «образа постпандемийного мира» как в политическом, социальном, так и демографическом смыслах.

В последнем докладе Deutsche Bank о глобальных тенденциях говорится, что наступает эпоха хаоса,

«глобального беспорядка» [1]. Эпоха, в которой угрозы будут носить бессистемный и тоталитарный характер. Поэтому риски будущей цивилизации, в том числе и в демографическом отношении, нам предстоит еще только осмыслить.

Теория «общества риска» немецкого социолога Ульриха Бека утверждает, что как сама природа, так и ответ на риск отличают современные общества от ранних социальных формаций [2]. Бек считает, что для современного общества характерны риски, созданные самим человеком, которые могут быть невидимыми, и идентифицированы только с использованием экспертных технологий. Для Бека центральной проблемой является то, как жить во времена непреодолимых рисков и как провести границу между благоразумным беспокойством и истощающей истерией. При этом, по мнению ученого, советы экспертов

редко бывают полезными из-за своей противоречивости.

Энтони Гидденс, также известный создатель теории «общества риска», подчеркивает, что сегодня под угрозой находится связь между человеком и природой, и эти отношения должны измениться [3]. Гидденс объясняет растущую озабоченность риском повышения желания прогнозировать и планировать будущее. Он считает, что у нас нет другой альтернативы, кроме как принять эту «ориентацию на будущее», потому что современный индивидуализм приносит с собой растущее требование к людям строить свою собственную жизнь в отсутствие стабильной, обязательной и традиционной нормы и образа жизни. Соответственно, в то время как индивидуализм означает больше свободы выбора из ряда социальных вариантов, он также несет за собой необходимость иметь дело с присущей ему неопределенностью этих распространяющихся выборов. Это расширение выбора и неопределенности наиболее очевидно в областях личной идентичности, образования, карьеры и семейных отношений.

При рассмотрении вопроса о том, как люди справляются с неопределенностью, Гидденс и Бек подчеркивают роль рефлексивности [4]. Современная рефлексивность предполагает более или менее постоянный мониторинг социальной действительности индивидами. Информация и знания, полученные в результате этого мониторинга, влияют на последующие решения и поведение людей. Таким образом, рефлексивность – это постоянная и активная реакция отдельных лиц на системную неопределенность и риск. Чем выше риски, связанные с решением, тем более рефлексивным может быть это решение.

Данную теорию часто критикуют за то, что понятие риска сужается до реагирования на последствия индустриализации, такие как технологические и экологические угрозы. В то же время данный подход лежит в основе идеи страхования и статистических методов расчета неопределенности, используемых в современном мире. Однако эта концепция не в состоянии охватить более общее понятие риска, как особой исторической и характерной для данного общества стратегии управления неопределенностью. Более того, критика была направлена на утверждения Бека о том, что новые риски вызывают общую тревогу, которая способствует повышению осведомленности общественности о риске и тем самым повышают политическую вовлеченность людей. Тем не менее, критики утверждали, что это не может относиться ко всем рискам, и не все люди реагируют одинаково.

Культурологическая теория риска, концепция британского социолога Мэри Дуглас и американского социолога Аарона Вильдавский, также постулирует, что риск принимает новую форму в современном обществе [5]. Риск приравнивается к угрозам, которые угрожают индивидуальной и коллективной безопасности людей и существованию их в целом. Сторонники этого подхода предполагают, что доминирующий экономический подход к риску, основанный на предположении, что все индивиды одинаково рациональны и корыстны, не может объяснить, почему люди сильно различаются в том, как они реагируют на риски. Дуглас и ее коллеги утверждают, что не существует общепринятой оценки потенциальных угроз, скорее есть разные группы, которые имеют противоречивые

взгляды на конкретную проблему, и между этими взглядами существует конфликт и напряженность.

В социологическом дискурсе признается значительная роль СМИ в исследованиях риска. Классический подход сфокусирован на том, насколько объективно и рационально освещаются различные события [6]. С одной стороны, фундаментальное предположение, что средства массовой информации должны помогать общественности принимать адекватные решения путем предоставления объективной информации, натолкнулось на проблему, заключающуюся в том, что зачастую такие объективные знания недоступны для самих СМИ. С другой стороны, исследования показали, что, в то время как средства массовой информации оказывают определяющее влияние на восприятие общественного риска, индивиды играют активную роль в отношении интерпретации и реагирования на риск. Важно также учитывать личные опыт людей, их биографию, моральные убеждения и личные суждения. Исследования, которые сравнивают освещение в СМИ на различные моменты времени, показывают, что социальный и политический контекст имеет большое значение для понимания информирования о рисках [7].

Метафора «черный лебедь» была широко популяризирована в книге американского профессора ливанского происхождения Нассима Николаса Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» [8]. Центральной идеей книги выступает утверждение о том, что часто человечество игнорирует возможность того, что мир вокруг нас может резко измениться в мгновение ока. Позже из теории Талеба родились термины «серый и белый лебедь». Термин

«серый лебедь» – термин, используемый для описания потенциально очень значимого события, которое считается маловероятным, но все же возможным [9]. Поскольку существует небольшая вероятность того, что это событие произойдет, к нему следует готовиться потому, что оно может потрясти мир. «Серые лебеди», в отличие от «черных» не считаются совершенно невероятными, а это значит, что о возможности их наступления известно заранее. Они могут быть как позитивными, так и негативными и существенно изменяют то, как устроен мир. Примерами могут служить стихийные бедствия, неожиданное решение Британии покинуть Европейский Союз, также известное как Brexit, или создание интернета. Конечно же, последствия таких событий нелегко предсказать. Тем не менее, те люди, которые могут быть подвержены этим последствиям, должны иметь потенциальный план того, как с этими событиями справляться.

Термин «белый лебедь» используется для описания событий, которые почти наверняка произойдут, а также несет последствия, которые легко оценить. В интервью журналу TIME Нассим Талеб назвал финансовый кризис 2008 года «белым лебедем», при этом отметив, что только некоторые люди предвидели его наступление [10]. И «серые» и «черные лебеди» вызывают события, которые могут быть потенциально разрушительными для многих. Основное различие между ними состоит в том, что одно может быть ожидаемо, хоть и маловероятным, а другое застает нас врасплох.

Френк Хоффман, американский эксперт по обороне, предложил еще одну концепцию подхода к риску –

«розовый фламинго» [11]. Его идея заключается в том, что существует ряд предсказуемых событий, которые игнорируются из-за когнитивных предубеждений лидера страны или группы лидеров. Такие события являются известными и широко освещенными, но при этом политики тщательно игнорируют их. Хоффман сравнивает их с фламинго из-за «яркого и уродливого вида птицы».

Учитывая, что сам автор термина «черный лебедь» отказался признавать развивающуюся пандемию в качестве непредсказуемого феномена [12], можно предположить, что случившееся может быть идентифицировано или как «белый лебедь», или, даже, как «розовый фламинго».

В рамках исследовательского проекта «Россия в условиях неопределенности: стратегия упреждения рисков и угроз национальной безопасности», особое место занимала тематика рисков демографического развития страны в условиях глобальной пандемии. Этимология понятий «демография» и «пандемия» позволяет охарактеризовать их как слова, имеющие один корень «демос» (др. греч. δῆμος) – «народ». В первом случае «демография» – это и наука, исследующая закономерности народонаселения, и вид практической деятельности по сбору и анализу данных о демографической ситуации и ее изменению с целью определить демографическую политику. Во втором случае «пандемия» (греч. πανδημία «весь народ») – это высший уровень охвата населения в иерархии инфекционных заболеваний, который является наиболее опасным, так как смертельному риску подвергается подавляющая часть населения мира. Поэтому априори пандемия оказывает существенное влияние на

изменение параметров и трендов развития демографических процессов как в мире в целом, так и в отдельно взятой стране. Протекание пандемии имеет свои закономерности и циклы, которые в настоящее время пытаются оценить и взять под контроль вся мировая медицина.

Сам пандемийный характер событий, связанный с COVID-19, в совокупности с возможностями глобального виртуального обсуждения вызвал шквал (пандемию) информации и попыток анализа развития самой болезни, мер по ее контролю, а также последствий для всех сфер жизнедеятельности человечества. Наиболее авторитетные официальные источники, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в текущем режиме осуществляет мониторинг мировой ситуации и вырабатывает стратегию борьбы с пандемией и рекомендации. Поэтому данный источник информации о пандемии становится исследовательской базой для изучения различных аспектов ее влияния, в том числе и на демографические трансформации в постпандемийный период. В обновленной стратегии борьбы с COVID-19, представленной ВОЗ в апреле 2020 г. отмечено, что мир столкнулся с неизведанной ранее инфекцией: «COVID-19 – это новое заболевание, которое отличается от других заболеваний, вызываемых коронавирусами, таких как тяжелый острый респираторный синдром (ТОРС) и ближневосточный респираторный синдром (БВРС). Вирус распространяется очень быстро, что может приводить к вспышкам с экспоненциальным ростом заражения» [13]. Вместе с тем, природа нового коронавируса такова, что, пока не достигнуто научный консенсус по

многим «странным» особенностям его происхождения и проявления. В связи с этим в процессе обсуждения и научного изучения этого инфекционного феномена возникают не только «амбивалентные», но и противоречивые мнения, системный анализ и критика которых становятся все более актуальными. На официальном сайте ВОЗ даже существует специальный раздел, посвященный борьбе со слухами и мифами, формирующимися вокруг пандемии. Но сама ВОЗ в своих предположениях также была подвергнута серьезной критике мирового научного сообщества в отношении влияния «предсимптомных» или «бессимптомных» носителей вируса на его распространение [14].

Кажется очевидным, что демографический «след» пандемии в первую очередь должен быть отмечен на показателях смертности населения. Однако, следует заметить, что существует два класса статистических показателей, которые касаются учета смертей: это медицинская статистика и демографическая статистика. Последняя базируется на первой, но не является ей тождественной и используется с учетом некоторых особенностей. Так, например, и в медицинской статистике, и в демографической статистике используются абсолютные показатели смертей. Но, прежде чем эти данные попадут в общую базу, которую могут использовать демографы, они должны пройти сложный утвержденный порядок их учета. Поэтому важнейшим обстоятельством при определении влияния пандемии на демографические процессы является умение различать летальность (как медицинский показатель) и смертность (как демографический показатель). Особенно это важно, когда рассчитыва-

ются относительные показатели, характеризующие смертельные риски и позволяющие делать сравнение между национальными системами здравоохранения различных стран и выбранными подходами в борьбе с пандемией.

Летальность, согласно энциклопедии медицинских терминов – это отношение числа умерших от определенного заболевания, за определенный период времени к числу заболевших этой же болезнью в тот же период времени. Обычно этот показатель выражается в процентах [15]. Таким образом, при определении смертельной опасности коронавируса, при помощи показателя летальности становится важной статистика заболевших. Однако появление «бессимптомных» носителей COVID-19 инфекции, а также неизученная «контагиозность» их, осложняет оценку числа реально заболевших, а значит и уровень летальности болезни.

На сайте Минздрава РФ, в разделе, посвященном коронавирусу, в двух различных местах указаны следующие данные: «Важно: в России 14 574 117 человек (*выделено авторами*) прошли тесты на коронавирус. К счастью, большинство проб не подтвердились. Заболели 520 129, а 274 641 пациентов уже выздоровели» (на 9.06.2020) [16]. А в другой части – «статистика», где представлена карта распространения вируса, дается та же цифра 14 574 117, но уже говорится о **тестах**. Мы знаем, что тестирование один и тот же человек может проходить несколько раз и из публикуемых данных Минздрава РФ непонятно, относится ли эта цифра к числу медицинских событий (количеству тестов) или к числу человек, к которым неоднократно было применено тестирование. Поэтому

такие статистические неточности создают неверные представления о масштабах распространения вирусной инфекции.

Пандемия, безусловно, окажет свое негативное влияние и на снижение рождаемости и трансформацию репродуктивного поведения. Однако реально судить о масштабах ухудшения в отношении показателей рождаемости можно будет лишь в конце 2020 г. – начале 2021 г., так как из-за специфики процесса рождения «пандемийные дети» должны будут появиться позже. Новорожденные в период март 2020 г. – ноябрь 2021 г. – это дети, запланированные еще до наступления коронавирусной инфекции. Единственный статистический источник, по которому можно сейчас оценивать риски в области рождаемости и репродуктивного поведения – это параметры и динамика абортот, статистика о которых пока не имеется в открытом доступе. Поэтому предположения экспертного сообщества о возможном росте рождаемости в связи с вынужденной изоляцией населения в репродуктивном возрасте, пока не имеет под собой научного обоснования.

Что касается процессов брачности и разводимости, отметим следующее. Эксперты по взаимоотношениям и семейные юристы прогнозируют, что количество разводов резко возрастет после окончания пандемии [17]. Связывают они это, прежде всего, с тем, что многие пары, вынужденные все время проводить дома, будут по другому сценарию взаимодействовать друг с другом. Таким образом, им придется столкнуться с проблемами, которыми им удавалось избежать, занимаясь своими обычными делами. Общий стресс от пандемии – финансовый, эмоциональный и физический – заставляет некоторых людей

взглянуть на своего партнера с другой стороны. Уже было установлено, что проведение большого количества времени вместе, в непосредственной близости, может увеличить вероятность развода. В Китае, где началась эпидемия, как сообщил Bloomberg, был замечен всплеск разводов в марте после того, как пары вышли из режима строгих ограничений, направленных на сдерживание распространения COVID-19 [18]. В городах Сиань в центральном Китае и Дачжоу в провинции Сычуань в начале марта было рекордное количество разводов, что привело к длительным ожиданиям в государственных учреждениях.

Однако несправедливо полностью обвинять коронавирус в росте количества разводов и проблемах в отношениях. Опрос семейных психотерапевтов показал, что многие их клиенты уже имели проблемы в браке до COVID-19, и эти проблемы только усугубились во время изоляции. Люди, которые разводятся или прекращают свои отношения, в качестве причин для разрыва чаще всего ссылаются на несовместимость, неверность и постоянные конфликты, а не на пандемию [19]. Несмотря на негативные прогнозы, относительно влияния коронавируса на браки, существует иной подход к данной проблеме. Исследования показывают, что брак, напротив, служит важным защитным фактором в период пандемии [20].

Если говорить еще об одной компоненте демографического развития, надо указать на то, что современная миграция в условиях расширяющейся глобализации сама стала триггером ускорения распространения заболевания. Поэтому закрытие границ и карантинные мероприятия для регионов с высоким уровнем риска за-

ражения, являющиеся классическими методами борьбы с эпидемиями и пандемиями, кардинальным образом снижают масштабы передвижения населения, изменяют традиционные миграционные направления, формируют значительные проблемы для мигрантов. Это в свою очередь создает для мигрантов, оказавшихся не в месте своего обычного обитания, высокие риски не только стать наиболее уязвимой частью общества, но и риски простого выживания.

Прикладной аспект исследования рисков демографического развития базировался на результатах экспресс-опроса, проведенного авторами. Экспресс-опрос носил пилотажный характер, основными целями которого было:

- оперативно выявить оценки населения рисков пандемии в области демографических и обуславливающих их экономических проблем, а также получить оценки респондентов об эффективности мер, применяемых в России (на федеральном и региональном уровнях), направленных на сокращение демографического ущерба;

- раскрыть достоинства и недостатки методологического подхода к предмету исследования и проблемы методического инструментария;

Кроме адресной части, анкета состояла из нескольких блоков, которые содержали закрытые вопросы о рисках, связанных с пандемией, личного характера, а также общего характера (демографические и экономические риски). Отдельный блок вопросов охватывал перечень мер, применяемых по борьбе с коронавирусной инфекцией. Опрос осуществлялся комбинированным способом. Часть эмпирических данных была получена благодаря интернет-опросу, часть ре-

спондентов опрашивалась очно. Как оказалось, каждый из этих способов обладает специфическими особенностями и влияет на полноту полученных данных. Так, например, опрос посредством интернета «сдвигает» случайную выборку в сторону молодых возрастных групп и не дает возможность адекватно оценить истинность адресной части анкеты. Очный опрос, хотя и усложняет получение эмпирических данных, а также затягивает время сбора информации, но позволяет получить дополнительные комментарии к поставленным в анкете вопросам. При очном способе опроса даже отказ от участия в нем позволил выявить некоторые характеристики общественного мнения о пандемийной ситуации. В нашем случае наиболее резкий отказ давать оценку рискам пандемии и мерам борьбы с ней был свойственен медицинским работникам. Неохотно соглашались на участие в очном опросе респонденты, которые переболели коронавирусом. То есть, те лица, которые непосредственно сталкиваются или столкнулись с угрозой инфекции.

В результате, пилотажное исследование базировалось на следующей структуре выборки: женщины составили 65% респондентов, мужчины – 35%. Возраст опрошенных распределился по следующим группам: 18-24 лет – 31%; 25-34 года – 25%; 35-54 года – 26%; 55 и старше – 18%. В опросе участвовали 103 представителя г. Москвы и Московской области, Приморского края, Иркутской области, Камчатской области, Тульской области, Читинской области, Липецкой области, Республики Северная Осетия – Алания и Ставропольского края.

Оценки рисков коронавируса и мер эффективности борьбы с ним

основывались на балльной системе. Риски определялись в параметрах шести балльного распределения, где 0 означал «отсутствие риска», 1 балл – минимальный риск, 2 балла – небольшой риск, 3 балла – средний риск, 4 балла – большой риск, а 5 баллов – максимальный риск. Эффективность мер оценивалась по пятибалльной системе, где 1 означала минимальную эффективность, 2 балла – небольшую эффективность, 3 балла – среднюю эффективность, 4 балла – большую эффективность, 5 баллов – максимальную эффективность.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу оценок населением рисков, связанных с пандемией, в демографической области, представим общий взгляд на личные риски респондентов (табл. 1). Данные экспресс-опроса показали, что наибольшая группа респондентов (35%), считают риск заболеть самому или кому-либо из близкого окружения средним, присвоив этой возможности лишь 3 балла. Более высокий личный риск «столкнуться» COVID-19 высказали еще 32% опрошенных (в совокупности оценок «высокий» и «максимальный»).

Таким образом, в целом оказалось, что 2/3 респондентов признают риск заболевания на уровне средней величины и выше. Опрос позволил оценить примерно масштабы численности «ковид-агностиков» или «ковид-диссидентов». Так, 5% респондентов, то есть, каждый 20-й опрошенный считает риск заболевания «нулевым». Еще около 30% респондентов угрозу пандемии считает ниже среднего уровня. Отметим также, что максимальный уровень личного риска наиболее выразительно отметили две крайние возрастные

группы населения: респонденты в возрасте 18-24 года и старше 55 лет (по 28% респондентов).

Если суммарно оценивать высокие и максимальные показатели баллов, то окажется, что наибольший риск лично для респондента в условиях пандемии отмечается в отношении падения качества образования в условиях дистанционной работы образовательных учреждений (45,6%), затем следует потеря или снижение заработной платы и иного дохода (38,8%), риск заболеть самому или лицам из близкого окружения (32,1%), риск ухудшения психологического здоровья (27,2%), риск ухудшения взаимопонимания в семье в условиях самоизоляции или дистанционной работы (11,7%). То есть лично для респондентов опасность заболеть коронавирусом имеет третий ранг и уступает угрозам некачественного образования и падению жизненного уровня.

В таблице 2 представлены результаты экспресс-опроса респондентов об общих рисках демографического свойства. Если судить по максимальному баллу, характеризующему угрозу ухудшения демографической ситуации в России, то можно заметить, что больше всего вызывает у населения беспокойство об ухудшении ситуации в области смертности, что совершенно естественно и оправдано самой природой пандемийного феномена.

Риск роста смертности максимальным отмечается чаще, чем каждым пятым опрошенным. Почти 38% ответивших присвоили совокупно этой негативной тенденции уровень риска как большой и максимальный. Вместе с тем около 7% респондентов считают вероятность роста смертности нулевой. Очевидно, эту группу населения можно отнести к предста-

вителям ковид-агностиков. Почти каждый десятый считает угрозой роста смертности в условиях пандемии минимальной. Второе место, если судить по максимальной оценке риска,

занимает проблема роста разводов, о которой заявил каждый десятый ответивший. Более 16% респондентов заявили также, что рост разводов имеет большую вероятность.

Таблица 1

Оценка респондентами рисков личного характера в условиях пандемии

(% от ответивших, 0 = отсутствие риска, 1 = минимальный риск, 5 = максимальный риск)

Риск\Баллы	0	1	2	3	4	5
Заболеть коронавирусом для Вас самих или Ваших родных и близких	4,9	14,6	13,6	35,0	14,6	17,5
Ухудшение психологического здоровья	19,4	15,5	22,3	15,5	13,6	13,6
Ухудшение заболеваний, не связанных с коронавирусом	7,8	16,5	20,4	26,2	15,5	13,6
Потеря или снижение заработной платы и иного дохода	15,5	13,6	10,7	21,4	22,3	16,5
Ухудшение взаимопонимания в семье в условиях самоизоляции/дистанционной работы	34,0	23,3	13,6	17,5	7,8	3,9
Падение качества образования в условиях дистанционной работы образовательных учреждений	13,6	13,6	12,6	14,6	22,3	23,3

Таблица 2

Оценка респондентами рисков демографического характера в условиях пандемии

(% от ответивших, 0 = отсутствие риска, 1 = минимальный риск, 5 = максимальный риск)

Риск\Баллы	0	1	2	3	4	5
Рост смертности	6,8	9,7	25,2	20,4	16,5	21,4
Снижение рождаемости	19,4	20,4	23,3	17,5	9,7	9,7
Снижение количества заключаемых браков	16,5	22,3	21,4	21,4	9,7	8,7
Увеличение количества разводов	15,5	21,4	13,6	22,3	16,5	10,7
Миграционный отток населения из региона	20,4	24,3	23,3	14,6	10,7	6,8

Примерно пятая часть респондентов высказала предположение, что в условиях коронавируса риск сокращения рождаемости может быть оценен как большой или максимальный. Чуть меньше респондентов такую же оценку выразили и в отношении снижения числа заключаемых браков. При этом нулевой уровень риска в отношении снижения рождаемости присвоила почти пятая часть респондентов. А в отношении снижения числа заключаемых браков – лишь 16,5%. То есть, снижение

рождаемости и сокращение числа заключаемых браков в условиях пандемийной ситуации, по мнению примерно 40% респондентов, не имеет угрозы ухудшения или такая угроза минимальна.

Миграционный аспект, как показывают результаты экспресс-опроса, для населения менее значим, чем другие демографические процессы. Лишь 33%, то есть каждый третий респондент посчитал риск миграционной утраты населения региона, в котором он проживает, средним

или выше среднего (табл. 2). В целом можно сказать, что большинство опрошенных не связывают (или связывают незначительно) проблему миграционного оттока населения из своих регионов с пандемией.

Прямые риски демографического состояния, на взгляд респондентов, менее значимы, чем косвенные риски, связанные с резкой трансформацией экономических условий. Но они также признают, что снижение материального благосостояния в первую очередь коснется семей и, тем самым, ухудшит перспективы демографической стабилизации. Так результаты

экспресс-опроса свидетельствуют, что в совокупности высокие и максимальные риски для 57,3% респондентов связаны с ухудшением экономического положения семей (см. табл. 3). Также максимально и высоко рискованным является рост безработицы для 56,3% ответивших. Более 55% респондентов заявили о высоком и максимальном риске снижения объема денежных сбережений, а 53,4% – о риске снижения заработной платы. Значительная часть респондентов (42,7%) указала на перспективу максимального или высокого риска роста потребительских расходов.

Таблица 3

Оценка респондентами рисков экономического характера в условиях пандемии
(% от ответивших, 0 = отсутствие риска, 1 = минимальный риск, 5 = максимальный риск)

Риск\Баллы	0	1	2	3	4	5
Рост безработицы	3,9	6,8	12,6	20,4	26,2	30,1
Снижение заработной платы	3,9	8,7	17,5	16,5	24,3	29,1
Увеличение доли работающих неофициально	6,8	9,7	20,4	25,2	20,4	17,5
Рост потребительских расходов	5,8	9,7	14,6	27,2	20,4	22,3
Снижение объема денежных сбережений	3,9	9,7	7,8	23,3	23,3	32,0
Ухудшение экономического положения семей	2,9	6,8	10,7	22,3	23,3	34,0
Замещение трудового потенциала региона иностранной рабочей силой	13,6	19,4	16,5	22,3	14,6	13,6

То есть, если сравнивать в целом риски в демографической и экономической сферах, оцененные респондентами, то окажется, что последние вызывают более серьезные опасения у респондентов. Таким образом, экономическая парадигма, отступившая под угрозой пандемии перед демографической парадигмой, со временем может повлечь более серьезные отдаленные демографические последствия. К сожалению, в условиях неопределенности трудно найти сбалансированные решения, которые оптимизируют их сочетание не только на ближайший период, но в долгосрочной перспективе.

Одним из способов найти такой баланс, и стало ускоренное внедрение преимуществ цифровой экономики, то есть, работа и образование в режиме дистанта, имеющая как неоспоримые достоинства, так и очевидные недостатки. С одной стороны такой режим позволяют снизить риски заражения коронавирусом, с другой стороны обуславливают риски иного характера, но влияющие негативно на здоровье таких работников и учащихся.

2020 год останется также в памяти людей как период, разделивший ход истории развития цифровизации мирового рынка труда, в целом,

и российского в частности, на «до» и «после». Пандемия заставила по-новому посмотреть на процессы планирования, организации, мотивации и контроля работы персонала организаций и предприятий, обнажила «тлеющие» проблемы на рынке труда, определила новые векторы его развития. Ускорение процессов цифровизации рынка труда привело к ярким проявлениям ее последствий, прежде всего негативных.

В марте 2020 г. на федеральном и региональных уровнях были изданы нормативно-правовые акты о введении в регионах России режима повышенной готовности и переводе сотрудников учреждений, организаций и предприятий на дистанционную форму работы. Следует отметить, что дискуссия о преимуществах и недостатках данной формы работы актуализировалась еще до объявления пандемии. Массовый же вынужденный переход к работе «из дома» позволил широкой массе людей «попробовать на практике» данную форму занятости. В связи с этим, результаты опросов об эффектах дистанционной формы работы стали более объективными, так как основаны на личном опыте респондентов. Последствия перехода к дистанционной форме работы можно рассматривать в отношении трех акторов: работника, работодателя и государства.

Для предприятий (работодателя) организация дистанционной работы позволит получить следующие положительные эффекты. Во-первых, может способствовать снижению затрат, связанных с арендой помещения, оплатой коммунальных услуг, канцелярских товаров и др. Во-вторых, есть возможность нанять высококвалифицированных специалистов за небольшие деньги, так

как поиск сотрудников может осуществляться по всей стране. Так по данным аналитического центра Битрикс-24, проводившего опрос среди 1051 российской компании малого, среднего и крупного бизнеса, 43% работодателей заявили о расширении возможностей найма работников, о возможности поиска сотрудников по всему миру. Еще 35% сказали о возможности экономии на издержках (заработная плата, аренда и т.д.) [21]. В-третьих, согласно результатам исследования ADP Research Institute работники, работающие удалённо, более системно вовлечены в работу, чем сотрудники, которые ходят на работу в офис. Доля работников, работающих удалённо, составляет 29% против 18% респондентов, работающих в офисе [22]. В целом, согласно опросу, проведённому аналитическим центром Битрикс-24, 72% опрошенных работодателей довольны работой сотрудников в удалённом формате.

Вместе с тем, перевод сотрудников на дистанционную работу имеет для работодателя и ряд рисков. Во-первых, не все виды работ можно осуществлять удалённо. Например, работа по оказанию бытовых услуг, работа на пищевом производстве, работа по производству высокотехнологичной продукции и многие другие. Во-вторых, сложно организовать контроль за соблюдением трудовой дисциплины. В-третьих, качество работы может оказаться довольно низким. При этом работодателю крайне сложно будет повлиять на его повышение.

Так по данным сервиса для управления бизнесом Мегаплан, проводившим опрос среди работников и работодателей в марте 2020 г. с целью определения мнения в от-

ношении эффективности и рисков дистанционной работы, 11% работодателей указали, что боятся потерять контроль над подчинёнными, а 23% респондентов испытывают проблемы с постановкой задач в удалённом формате [23]. Также результаты опроса центра Битрикс-24 показывают, что 30% работодателей испытывают сложности с контролем работников, 26% в качестве отрицательных сторон отмечают отсутствие личной коммуникации, а 8% обеспокоены риском утечки информации.

Для работников также существуют как положительные, так и отрицательные эффекты работы в дистанционном формате. Среди позитивных моментов чаще всего говорят о возможности самостоятельного определения режима работы, темпа ее выполнения и т.д. Во-вторых, работник экономит время на дороге к работе и обратно, что в условиях крупных городов, в особенности, составляет несколько часов, которые потенциально можно потратить на отдых, семью, общение с друзьями. В-третьих, сотруднику нет необходимости тратить деньги на питание вне дома, покупку специальной одежды (в особенности если того требует корпоративная культура организации). Однако, как показали наблюдения, указанные позитивные эффекты дистанционной работы часто проявляются в негативном ключе. Нередко работнику, осуществляющему трудовую деятельность дома, тяжело организовать режим работы. Существует масса отвлекающих факторов. Кроме того, в условиях пандемии, на дистанционной работе оказались целые семьи. Поэтому возникает проблема числа рабочих мест дома. Как результат, работники имеют возможность полноценно осуществлять свои тру-

довые функции только в вечернее и ночное время, что ведет к перегрузке как физической, так и психической. Во-вторых, «кажущаяся» экономия времени на дороге на работу превращается в ситуацию, когда работник «на связи» практически круглые сутки. Все это ведёт к «выгоранию» сотрудника. Продуктивность и качество работы снижается. Работник теряет здоровье.

Согласно опросу сервиса Мегаплан, 64% работников считают, что работа в офисе более эффективна, чем из дома. В качестве причин низкой продуктивности около четверти респондентов указали «близость» к холодильнику, кровати и, в целом, нерабочую атмосферу дома. Ещё около 20% сказали об отсутствии необходимой офисной техники и медленного интернета. Об ухудшении здоровья и наборе лишнего веса в период удалённой работы в связи с пандемией коронавируса сказали около четверти респондентов Исследовательского центра портала Superjob.ru. Похудеть же удалось только лишь 12% опрошенных [24].

Вместе с тем, опросы, проведенные в более позднее время, показывают, что увеличивается доля работников, готовых продолжить работу в дистанционной форме, и сокращается доля респондентов, предпочитающих вернуться к привычному формату работы. Согласно опросу, проведённому TelecomDaily, в мае 2020 г. продолжить работу в дистанте хотели бы 40% опрошенных, вернуться к прежнему формату желают треть респондентов [25].

В начале введения карантинных мероприятий в России демографы высказывали предположения о возможном демографическом росте после введения режима самоизоляции.

Ведь как показывают последние исследования, сексуальная активность россиян в последние годы заметно снизилась. Не последнюю роль в этом играет интенсификация жизни и увеличение объёмов работы. Кажется, что переход к дистанционной работе, совместное круглосуточное пребывание мужа и жены, потенциально могли бы положительно сказаться на показателях рождаемости. Но в настоящее время трудно сказать о реальном влиянии карантинных мероприятий на динамику рождаемости, однако негативные эффекты ограничительных мер могут существенно нивелировать возможную позитивную динамику. Негативное влияние оказывает не только фактически круглосуточный режим работы сотрудников, перешедших на дистант, но и общий высокий уровень тревожности в период неопределённости, а также масштабный перевод медицинских учреждений, в том числе непрофильных, под нужды лечения больных коронавирусной инфекцией COVID-19.

Несомненно, для позитивного улучшения демографического развития России, да и других государств, необходима «уверенность в завтрашнем дне». Неопределённость будущего, которую несет в себе текущая пандемия, связанная с неопределённостью сроков ее окончания, появлением новых «рекордов» заболевания, отсутствием возможности прогнозировать экономическое положение, смутное представление о личных рисках выживания, накладываются на скептицизм в отношении применяемых мер борьбы с COVID-19. Уровень социального доверия населения многих стран к разрабатываемым и внедряемым руководством стран мероприятиям борьбы с вирусной

инфекцией уже на протяжении многих месяцев значительно колеблется. Происходит расслоение общества в отношении стратегий борьбы с пандемией, появились ковид-агностики, ковид-диссиденты, ковид-фаталисты. С другой стороны, формируются группы, характеризующиеся ковид-фобией.

Результаты экспресс-опроса позволили сформировать рейтинг наиболее эффективных мер, с точки зрения населения, применяемых на первоначальном этапе развития коронавируса (см. табл. 4). Судя по баллам высокой и максимальной эффективности применяемых мер, можно получить определенные выводы об их оценке респондентами. Так, например, совокупно высокая и максимальная эффективность присвоена ответившими продлению срока действия паспортов и водительских прав. Об этом заявили более 63% респондентов.

Высокое одобрение населением получила экономическая поддержка семей с детьми: единовременные выплаты на детей от 3 до 16 лет в мае и августе (по 10 000 руб.); ежемесячные выплаты на детей до 3 лет в апреле-июне (по 5 000 руб.); увеличение пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет. Каждая из этих мер получила высокий ранг эффективности почти у 60% ответивших. Более половины респондентов отметили в качестве высоко или максимально эффективных следующие меры: перевод учебных заведений на дистанционную работу; перепрофилирование больниц под лечение коронавирусных больных; увеличение пособия по безработице; продление пособия по безработице. Остальные анализируемые мероприятия, введенные на первоначальном этапе

пандемии, с точки зрения респондентов, имеют статус менее эффективных. Ниже всего эффективность с точки зрения респондентов оценивалась в отношении мер, носящих контролирующий характер. Так баллы минимальной или низкой эф-

фективности респонденты присвоили обязательному установлению приложения «Социальный мониторинг» для всех людей с подтвержденной коронавирусной инфекцией (43%) и наказанию за нарушение карантина (42%).

Таблица 4

Рейтинг оценки населением эффективности мер, применяемых в борьбе с пандемией
(% от ответивших, 1 = минимальная эффективность, 5 = максимальная эффективность; рейтинг представлен по показателю максимальной эффективности)

Меры \ Баллы	1	2	3	4	5
Продление срока действия паспортов и водительских прав	9,8	10,8	15,7	24,5	39,2
Единовременные выплаты на детей от 3 до 16 лет в мае и августе (по 10 000 руб.)	8,7	13,6	18,4	20,4	38,8
Ежемесячные выплаты на детей до 3 лет в апреле-июне (по 5 000 руб.)	11,7	13,6	15,5	22,3	36,9
Перепрофилирование больниц под лечение коронавирусных больных	10,8	8,8	27,5	17,6	35,3
Дистанционное оформление больничного для работающих граждан 65+	14,6	13,6	24,3	13,6	34,0
Увеличение пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет	11,8	11,8	16,7	26,5	33,3
Дистанционное открытие счета (вклада) физическим лицам	20,6	12,7	21,6	12,7	32,4
Перевод учебных заведений на дистанционную работу	11,8	11,8	21,6	23,5	31,4
Распоряжение маткапиталом онлайн	16,7	13,7%	24,5	17,6	27,5
Ограничение международного сообщения	18,6	15,7	22,5	15,7	27,5
Режим самоизоляции	22,5	13,7	18,6	17,6	27,5
Увеличение пособия по безработице	12,6	10,7	25,2	25,2	26,2
Дистанционная постановка на биржу труда	13,6	17,5	19,4	23,3	26,2
Кредитные каникулы	15,5	18,4	16,5	23,3	26,2
Продление пособия по безработице	9,7	16,5	22,3	25,2	26,2
Региональные меры по борьбе с коронавирусом	19,6	15,7	25,5	13,7	25,5
Больничные не ниже МРОТ	11,7	16,5	22,3	24,3	25,2
Больничные для вернувшихся из-за границы	21,8	10,9	20,8	21,8	24,8
Помощь россиянам, оказавшимся за рубежом	21,6	17,6	14,7	21,6	24,5
Режим обсервации для приезжающих из других регионов или стран	17,6	11,8	26,5	19,6	24,5
Продление сроков действия документов для иностранцев на территории РФ на 90 дней	16,7	9,8	27,5	22,5	23,5
Введение режима нерабочих дней с 30 марта по 11 мая	11,7	16,5	27,2	22,3	22,3
Возврат денег за несовершенную поездку по путевке	19,4	21,4	19,4	19,4	20,4
Обязательное установление приложения «Социальный мониторинг» для всех людей с подтвержденной коронавирусной инфекцией	26,5	16,7	20,6	16,7	19,6
Наказание за нарушение карантина	21,6	20,6	18,6	20,6	18,6

В качестве выводов можно высказать следующие положения. *Первое.* Риск негативной перспективы демографического развития России стал очевиден для широкой общественности еще в конце прошлого столетия. И в этом отношении то, что в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» на первом месте стоит цель «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» [26], является существенным маркером социально-экономической политики для постпандемийного будущего.

Второе. Риск снижения численности мирового населения только начинает осознаваться мировым сообществом [27]. Однако пока продолжает формироваться представление об «избыточной» численности населения планеты, что теория «нулевого роста» является спасением с точки зрения развивающегося экономического и экологического кризиса. Более того, в своем последнем докладе с символическим названием «Come On!» или «Капитализм, краткосрочность, население и разрушение планеты» Римский клуб, который характеризуется сильным влиянием на политические взгляды мировой элиты, призывает поощрять государства за политику сдерживания роста

численности населения [28]. При исполнении этого призыва риск демографического развития мирового населения, в том числе и населения России, увеличится многократно.

Третье. В условиях открытого мира вероятность будущих пандемий возрастает. Поэтому необходимо не только разработать возможные сценарии их наступления и сформировать государственную структуру по предотвращению инфекционных угроз [29], но и распространить эту деятельность на международный уровень, путем формирования взаимных договорных обязательств и разработки международного законодательства со странами, осуществляющими с Россией наиболее активный миграционный обмен населением.

Четвертое. Необходимо для формирования «портфеля» наиболее эффективных мер с пандемийными угрозами осуществлять мониторинг не только возможных рисков, но и реакцию населения на внедряемые меры. Только в этом случае можно повысить уровень доверия к решениям властей в экстремальных условиях и реально снизить опасность эпидемий и пандемий. В противном случае риски, имеющие природу «розового фламинго», будут характеризоваться «черным лебедем».

Библиографический список

1. Пандемия – мать беспорядка. Мир входит в эпоху хаоса // ИК ФИНАМ: [сайт]. 10.09.2020. URL: <https://u.to/kq2cGg> (дата обращения 20.10.2020).
2. Beck U., Lash S., Wynne B. (1992). Risk society: Towards a new modernity. Sage Publications Ltd. 264 p.
3. Giddens A. (1999). Risk and responsibility // Modern Law Review. Vol. 62. № 1. P. 1-10.
4. Beck U., Giddens A., Lash S. (1994). Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford University Press. 228 p.
5. Douglas M., Wildavsky A. (1982). Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. Univ. of California Press. 221 p.

6. *Freudenburg W. R. et al.* (1996). Media coverage of hazard events: analyzing the assumptions // *Risk analysis*. Vol. 16. №. 1. P. 31-42.

7. *Kitzinger J.* (1999). Researching risk and the media // *Health, risk & society*. Vol. 1. №. 1. P. 55-69.

8. *Taleb N. N.* (2007). *The black swan: The impact of the highly improbable*. New York: Random house. 366 p.

9. *Akkermans H. A., Van Wassenhove L. N.* (2013). Searching for the grey swans: the next 50 years of production research // *International Journal of Production Research*. Vol. 51. № 23-24. P. 6746-6755.

10. *Nassim Nicholas Taleb: interview* // *Time*. 24.10.2008. URL: <https://u.to/dt6cGg> (дата обращения 20.10.2020).

11. *Hoffman H.* (2015). Black swans and pink flamingos: five principles for force design // *War on the Rocks*. URL: <https://u.to/1eKcGg> (дата обращения 20.10.2020).

12. *Пятин А.* «Можно было предотвратить»: Нассим Талеб отказался считать коронавирус «черным лебедем» // *Forbes: [сайт]*. 30.03.2020. URL: <https://u.to/1eScGg> (дата обращения 20.10.2020).

13. Всемирная организация здравоохранения. Обновленная стратегия борьбы с COVID-19 // ВОЗ: [сайт]. 14.04.2020. URL: https://u.to/6_ucGg (дата обращения 20.10.2020).

14. *Салькова А.* «Застряли в начале XX века»: за что ученые ругают ВОЗ // *Газета.Ru*. 10.06.2020. URL: <https://u.to/QUWdGg> (дата обращения 20.10.2020).

15. *Энциклопедический словарь медицинских терминов*. М.: Советская энциклопедия. 1982-1984 гг.

16. Информация о новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Министерство здравоохранения РФ. URL: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (дата обращения 20.10.2020).

17. *Wornden O.* Divorces have increased during the coronavirus pandemic and lawyers are expecting more // *Global News*. 19.07.2020. URL: <https://u.to/Jf6cGg> (дата обращения 20.10.2020).

18. *Praso S.* China's Divorce Spike Is a Warning to Rest of Locked-Down World // *Bloomberg*. 31.03.2020. URL: https://u.to/qP_cGg (дата обращения 20.10.2020).

19. *Cohen E.* Why the coronavirus pandemic is leading so many couples to divorce // *New York Post*. 23.05.2020. URL: <https://u.to/qwOdGg> (дата обращения 20.10.2020).

20. *Jace C., Makridis C.* Will You Be Mine? Marriage as a Protective Factor During the Pandemic // *SSRN*. 27.07.2020. DOI 10.2139/ssrn.3655856

21. Работодатели назвали преимущества дистанционной работы // *Москва24: [сайт]*. 23.09.2019. URL: <https://u.to/KRqdGg> (дата обращения 20.10.2020).

22. *Hayes M., Chumney F., Wright C., Buckingham M.* *Global Study of Engagement*. Technical Report. ADP LLC. 2019. P. 96.

23. Опрос: большинство россиян считают работу в офисе эффективнее удаленной // *ИА ТАСС*. 18.03.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8010845> (дата обращения 20.10.2020).

24. Опрос: почти четверть россиян на «удаленке» прибавили в весе // *Национальная служба новостей*. 18.05.2020. URL: <https://u.to/qh6dGg> (дата обращения 20.10.2020).

25. Более 40% россиян хотят продолжить работать из дома после снятия режима самоизоляции // *Газета.Ru*. 15.05.2020. URL: <https://u.to/OyCdGg> (дата обращения 20.10.2020).

26. Путин подписал указ о национальных целях развития России до 2030 года // *BFM.Ru*. 21.07.2020. URL: <https://www.bfm.ru/news/448854> (дата обращения 20.10.2020).

27. *Березин А.* Фонд Билла Гейтса профинансировал исследование, согласно которому люди в XXI веке начнут вымирать. Реальность может оказаться еще печальнее // Naked Science. 22.07.2020. URL: <https://u.to/ly2dGg> (дата обращения 20.10.2020).

28. *Weizsaecker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

29. *Вазанов А.* В России предпринята попытка поставить под контроль будущие биологические угрозы // Независимая газета. 18.10.2020. URL: <https://u.to/dTGdGg> (дата обращения 20.10.2020).

Дата поступления в редакцию 31.10.2020

References

1. Pandemic is the mother of confusion. The world is entering an era of chaos // FINAM. 10.09.2020. URL: <https://u.to/kq2cGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).

2. *Beck U., Lash S., Wynne B.* (1992). Risk society: Towards a new modernity. Sage Publications Ltd. 264 p. (In Eng.).

3. *Giddens A.* (1999). Risk and responsibility // Modern Law Review. Vol. 62. № 1. P. 1-10 (in Eng.).

4. *Beck U., Giddens A., Lash S.* (1994). Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford University Press. 228 p. (In Eng.).

5. *Douglas M., Wildavsky A.* (1982). Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. Univ. of California Press. 221 p. (In Eng.).

6. *Freudenburg W. R. et al.* (1996). Media coverage of hazard events: analyzing the assumptions // Risk analysis. Vol. 16. № 1. P. 31-42 (in Eng.).

7. *Kitzinger J.* (1999). Researching risk and the media // Health, risk & society. Vol. 1. № 1. P. 55-69 (in Eng.).

8. *Taleb N. N.* (2007). The black swan: The impact of the highly improbable. New York: Random house. 366 p. (In Eng.).

9. *Akkermans H. A., Van Wassenhove L. N.* (2013). Searching for the grey swans: the next 50 years of production research // International Journal of Production Research. Vol. 51. № 23-24. P. 6746-6755 (in Eng.).

10. *Nassim Nicholas Taleb:* interview // Time. 24.10.2008. URL: <https://u.to/dt6cGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).

11. *Hoffman H.* (2015). Black swans and pink flamingos: five principles for force design // War on the Rocks. URL: <https://u.to/1eKcGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).

12. *Pyatin A.* (2020). "Could have been prevented": Nassim Taleb refused to consider the coronavirus a "black swan" // Forbes. 30.03.2020. URL: <https://u.to/1eScGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

13. World Health Organization. Updated strategy to combat COVID-19 // WHO. 14.04.2020. URL: https://u.to/6_ucGg (last request 20.10.2020) (in Russ.).

14. *Salkova A.* (2020). "Stuck at the beginning of the twentieth century": for which scientists scold WHO // Gazeta.Ru. 10.06.2020. URL: <https://u.to/QUWdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

15. Encyclopedic Dictionary of Medical Terms. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 1982-1984 (in Russ.).

16. Information on the new coronavirus infection COVID-19 // Ministry of Health of the Russian Federation. URL: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

17. *Bowden O.* (2020). Divorces have increased during the coronavirus pandemic and lawyers are expecting more // Global News. 19.07.2020. URL: <https://u.to/Jf6cGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).
18. *Prasso S.* (2020). China's Divorce Spike Is a Warning to Rest of Locked-Down World // Bloomberg. 31.03.2020. URL: https://u.to/qP_cGg (last request 20.10.2020) (in Eng.).
19. *Cohen E.* (2020). Why the coronavirus pandemic is leading so many couples to divorce // New York Post. 23.05.2020. URL: <https://u.to/qwOdGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).
20. *Jace C., Makridis C.* (2020). Will You Be Mine? Marriage as a Protective Factor During the Pandemic // SSRN. 27.07.2020. DOI 10.2139/ssrn.3655856 (in Eng.).
21. Employers named the benefits of telecommuting // M24. 23.09.2019. URL: <https://u.to/KRqdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
22. *Hayes M., Chumney F., Wright C., Buckingham M.* (2019). Global Study of Engagement. Technical Report. ADP. LLC. P. 96 (in Eng.).
23. Poll: most Russians consider office work more efficient than remote work // TASS. 18.03.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8010845> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
24. Poll: almost a quarter of Russians on the "remote" gained weight // Natsional'naya sluzhba novostey. 18.05.2020. URL: <https://u.to/qh6dGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
25. More than 40% of Russians want to continue working from home after the withdrawal of self-isolation // Gazeta.Ru. 15.05.2020. URL: <https://u.to/OyCdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
26. Putin signed a decree on Russia's national development goals until 2030 // BFM.Ru. 21.07.2020. URL: <https://www.bfm.ru/news/448854> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
27. *Berezin A.* (2020). The Bill Gates Foundation financed a study according to which people in the 21st century will start to die out. Reality may be even sadder // Naked Science. 22.07.2020. URL: <https://u.to/ly2dGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
28. *Weizsaecker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p. (In Eng.).
29. *Vaganov A.* (2020). In Russia, an attempt has been made to control future biological threats // Nezavisimaya gazeta. 18.10.2020. URL: <https://u.to/dTGdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

The article was submitted on: October 31, 2020

ЗАМЕТКИ С РАБОЧЕГО СТОЛА

DOI 10.19181/2308829X-2020-4.9

УДК 314.04: 159.9

Ю. В. Ставропольский

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Ставропольский Юлий Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, (Саратов, Россия).

E-mail: st_julius@rambler.ru

AutorID РИНЦ: 442046

Аннотация. Материал представляет собой краткий обзор актуальности разработки нового подхода к исследованию факторов международной миграции и последующей адаптации мигрантов. Действующий психометрический инструментарий не всегда валиден для конкретных групп населения, а разработка нового осложняется отсутствием научной психологии в ряде стран происхождения мигрантов, что затрудняет и их посттравматическую терапию. Автор подчёркивает необходимость совместной работы социальных психологов и специалистов по теории миграции для разработки методологии исследования факторов международной миграции, рассматривая психологический, политический, социокультурный и прочие разрезы проблематики.

Ключевые слова: психология, терапия, миграция, посттравматический, валидный, поддержка, фактор

Для цитирования: Ставропольский Ю. В. Психологические факторы международной миграции // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 117-120. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.9

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF INTERNATIONAL MIGRATION IN EURASIA

Julius V. Stavropolsky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

E-mail: st_julius@rambler.ru

Web of Science ResearcherID: R-2897-2018

Scopus Author ID: 6504671941

Abstract. Migrants characterized by a strong ethnic and national profile, measured through language preferences, their strength of orientation to their own ethnic or national group, as a rule, manifest low psychological, but the better socio-cultural results, because they have a deep understanding of their socio-cultural history, as well as build developed relationships in a broad socio-cultural context.

Keywords: psychology, therapy, migration, post-traumatic, valid, support, factor

For citation: Stavropolsky Ju. V. (2020). Psychological factors of international migration in Eurasia. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 117-120. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.9

В рамках миграционных исследований незаслуженно мало работ, которые можно было бы непосредственно отнести к психологии. Психологию слишком часто критиковали [1, р. 2049] за то, что она не уделяла внимания различным социально-политическим и географическим контекстам, что имеет под собой некоторые основания. Вряд ли найдётся такая область психологии, с точки зрения которой, миграция – к примеру, – в евразийском контексте резко отличается от миграции в остальном мире. Применительно к исследованиям миграции, современная психология занимается, в первую очередь, проблематикой психического здоровья мигрантов, во-вторую, вопросами интеграции, дискриминации и ксенофобии, и в-третью, отношениями в смешанных семьях.

В рамках проблематики психического здоровья мигрантов, психология и миграционные исследования пересекаются с проблематикой психологического благополучия беженцев и мигрантов, в частности, с изменением таких факторов, как посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия и тревога. В частности, исследователи [2, р. 169] обращались к проблемам кросскультурной значимости стандартизированных психометрических инструментов, пытаясь скорректировать их настолько, чтобы придать значимость подобным оценкам. К сожалению, лишь малая толика исследований психического здоровья мигрантов и беженцев [3, р. 813] проводится с применением психометрических тестов, валидизированных именно на данных группах населения. В одних случаях психологический измерительный инструментариий априорно считается валидным, а в других проводится адаптация инструмента-

рия без адекватной оценки его валидности. В подтверждение своих слов, отметим, что психологический инструментариий диагностики посттравматического стрессового расстройства валидизировался на ветеранах войны из США, а затем, – без каких-либо сомнений в его достоверности и надёжности, – получил распространение в различных контекстах, в том числе среди мигрантов, прибывающих не только в Соединенные Штаты [4, р. 1373]. Процесс переосмысления психометрического тестового инструментариия привёл к разработке альтернативных тестов психического благополучия мигрантов.

В начале 1980-х годов высказывалась более содержательная критика работы психологов с мигрантами [5, р. 289], которая выходит за рамки вопросов валидизации и ставит под сомнение некоторые принципы психологической диагностики в целом. Речь идёт о том, возможно ли в принципе кодифицировать человеческое страдание и измерить его стандартизированным и объективным методом, без учёта того, каким образом психологическая травма опосредована значимыми социальными событиями. Если мигранты одновременно пережили одни и те же события, это не обязательно означает, что они пережили одну и ту же психологическую травму. Одним из главных последствий коллективной травмы могла бы стать иллюзия общей судьбы, которая уравнивала бы различные индивидуальные судьбы. Научная психология не существует в ряде стран происхождения мигрантов и по этой причине представляет собой в некоторой степени иностранный язык. При этом в большинстве культур существуют те или иные форматы нарративной психологиче-

ской поддержки, которые могут быть использованы в консультативных подходах. Психотерапевтическая работа с мигрантами постоянно ставит под сомнение [6, р. 566] то, что обычно считается пределами психотерапевтической работы, поскольку зачастую человека принуждают мигрировать прежде всего политические обстоятельства. Дополнительные затруднения возникают по причине языкового барьера.

Альтернативные психотерапевтические интервенции, такие как публичное высказывание правды, помогают интегрировать психологические принципы нарративной терапии с понятиями миростроительства и социальной справедливости. Через опору на антропологические методы эти подходы позволяют понять и применить местные идиомы, которыми обозначается дистресс, что облегчает преодоление ограничений, присущих формализованному психолого-педагогическому подходу. Психологическая травма не ограничивается психикой отдельно взятого мигранта, но существует на уровне социального понимания насилия и страдания. Соответственно, ответные меры в отношении насилия требуют решения на уровне общества, а не на индивидуальном уровне. Вопросы аккультурации и интеграции мигрантов менее явно связаны с психологией, ибо сильнее ориентированы на политические исследования или антропологию.

Психология как дисциплина в основном занимается исследованиями сходств и различий в ряде психологических характеристик применительно к разным культурам,

а не вопросами психологической адаптации людей, перемещающихся между культурами. Война, экономические потрясения, туризм и рост телекоммуникаций привели к тому, что сегодня люди больше, чем когда-либо, взаимодействуют на межкультурном уровне. Соответственно, понятие чётких групповых границ, столь характерное для классической социальной психологии, не находит отражения в современном миграционном опыте.

Выделяются два типа интеграции мигрантов: психологический и социокультурный [7, р. 861]. Мигранты, характеризующиеся выраженным этническим и национальным профилем, измеряемым через языковые предпочтения, силу ориентации на свою собственную этническую или национальную группу, как правило, демонстрируют низкие психологические, но лучшие социокультурные результаты, ибо обладают глубоким пониманием своей социокультурной истории, а также выстраивают развитые связи в широком социокультурном контексте.

Наконец, многие мигранты сталкиваются с дискриминацией, расизмом, межгрупповыми конфликтами, угрозами и стигматизацией – темами, волнующими социальных психологов. Психология вносит значительный вклад в ключевые направления миграционных исследований. Однако для того, чтобы вносимый вклад стал ещё значительнее, необходимо, чтобы, в связи с изучением миграции, психология опиралась на методологию концептуализации и теоретизации исследований по миграции.

Библиографический список / References

1. *Barber-Rioja V., Garcia-Mansilla A.* (2019). Special considerations when conducting forensic psychological evaluations for immigration court // *Journal of Clinical Psychology*. Vol. 75. Issue 11. P. 2049–2059 (in Eng.).
2. *Hamburger A., Hancheva C., sc rmez S., Scher C., Stankovic B., Tutnjevic C.* (2018). *Forced Migration and Social Trauma: Interdisciplinary Perspectives from Psychoanalysis, Psychology, Sociology and Politics*. New York: Routledge. 292 p. (In Eng.).
3. *Ickiewicz-Sawicka M., Borkowska A.* (2018). Migration in the Light of Criminology and Psychology: “Win-Win” in Theory and Practice // *Refugees and Migrants in Law and Policy*. Cham: Springer. P. 803–833 (in Eng.).
4. *Mitzen J.* (2018). Feeling at Home in Europe: Migration, Ontological Security, and the Political Psychology of EU Bordering // *Political Psychology*. Vol. 39. Issue 6. P. 1373–1387 (in Eng.).
5. *Montazer S.* (2018). Disentangling the effects of primary and secondary international migration on psychological distress: the role of mastery // *Canadian Journal of Public Health*. Vol. 109. Issue 3. P. 284–293 (in Eng.).
6. *Plooy D. R., Lyons A., Kashima E. S.* (2019). Predictors of Flourishing and Psychological Distress Among Migrants to Australia: A Dual Continuum Approach // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 74. Issue 4. P. 561–578 (in Eng.).
7. *Silka L.* (2018). Adding a Community Focus to the Psychological Investigation of Immigration Issues and Policies // *Journal of Social Issues*. Vol. 74. Issue 4. P. 856–870 (in Eng.).

Дата поступления в редакцию 16.08.2020
The article was submitted on: August 16, 2020

АНДРЮЩЕНКО ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1938–2020)

20 ноября 2020 г. ушел из жизни профессор Евгений Григорьевич Андрищенко – известный социолог, яркий публицист, Гражданин с большой буквы, нестигаемый борец за правду и справедливость, истинный патриот своей страны, готовый в любую минуту сражаться за нее и с автоматом и пером, когда «за державу обидно». Человек абсолютно неординарный, не укладывающийся ни в какие стандарты ни в своих поступках, ни в своем творчестве.

Путь в науку ему открыл философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В Университет Евгений Григорьевич поступил уже в зрелом возрасте, будучи потомственным профессиональным военным. Полученное в Университете системное философское образование, в купе с максимально конкретными и жесткими требованиями, предъявляемыми к военной профессии, во многом предопределили стиль и направленность творчества Евгения Григорьевича. К университетским годам относятся и его первоначальные увлечения социологией, социологическими исследованиями. Но настоящей школой социологической науки стала для него, конечно, работа в проекте «Массовая информации в советском промышленном городе», реализуемом в Институте социологии (тогда

он назывался Институт конкретных социологических исследований АН СССР). На материалах проекта он написал кандидатскую диссертацию и разработал российскую версию межличностной коммуникации, которая на долгое время стала визитной карточкой и путеводной звездой всего его творчества. Безусловно, что именно в Институте социологии, где он затем работал много лет, защитил и докторскую диссертацию (1987 г.) Евгений Григорьевич сформировался как признанный специалист-социолог со своим особым почерком, своим подходом к науке и социологическим исследованиям.

Прежде всего Евгений Григорьевич не был кабинетным ученым, достаточно перечислить список организаций и учреждений, в которых он работал: Центральное телевидение, ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Центральная избирательная комиссия. К 2005 г. вышла в свет его книга «Право говорить от имени народа (Социология общественного мнения выборов и власть)». О реалиях выборов, общественном мнении Евгений Григорьевич знал по своей работе в Центральной избирательной комиссии, как наблюдатель за ходом выборов в других странах (Шотландии, Австрии, Франции, странах СНГ) и как один из организаторов референдума по сохранению Советского Союза (СССР).

Главное научное увлечение Евгения Григорьевича связано с темой Великого Шелкового пути. Этому увлечению он посвятил большую часть своей жизни, вплоть до последних дней. Описывая в своей книге «Россия и Великий Шелковый путь: Очерки геополитики, истории, социологии» (2015 г.), далекое прошлое, он остался верен себе как социолог, стремясь найти конкретные показатели и индикаторы, дающие верную характеристику состояния того или иного общественного организма, используя коммуникационный подход для объяснения истоков могущества, силы и богатства тех стран и народов, который контролируют пути коммуникации.

Социологическое мышление помогло Евгению Григорьевичу и в ситуации, когда он выступал в роли публициста, реагируя на резонансные события в режиме нон-стоп. Об этом свидетельствовали его многочисленные публикации этого плана в «Литературной газете» (и не только в ней), присуждение ему в 2012 г. Международной премии «За лучшее публицистическое произведение начала XXI столетия».

Убежден, что след, который оставил Евгений Григорьевич в науке, в умах и сердцах людей, знавших его лично или по публикациям, сохранится надолго, для меня – на всю оставшуюся жизнь.

*Комаровский Владимир Савельевич,
доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ*

Для цитирования: Комаровский В. С. Памяти Андриященко Е.Г. // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 121-122.

For citation: Komarovskiy V. S. (2020). Andryushchenko E. G. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 121-122.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований – 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней – 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий – 5 страниц (8 тыс. знаков);

Структура статьи предполагает:

- индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева;
- название статьи на русском языке, строчные буквы, по центру полужирным начертанием;
- фамилия и инициалы автора(ов) на русском языке
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на русском языке;
- ключевые слова и аннотация на русском языке
- название статьи на английском языке;
- фамилия и инициалы автора(ов) на английском языке;
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на английском языке;
- ключевые слова и аннотация на английском языке
- текст статьи;
- библиографический список на русском и английском языках;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

Аннотация – 150–250 слов; Ключевые слова: слова и словосочетания – не более 10.

MSWord, формат страницы А-4, кегль 14, шрифт TimesNewRoman, все поля – 2,0 см, интервал 1,5 см, выравнивание – по ширине; одинарный интервал; здесь и в тексте автоматический отступ («красная строка») – 1,25 см.

В тексте ссылки на литературные источники приводятся в квадратных скобках (например: [1], [1-5; 9]). *Они расставляются в порядке их упоминания в тексте.*

В тексте статьи не используются «полужирный» шрифт и подчеркивания, допускается курсив.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией. Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован в СМИ
(ПИ № ФС77-75451 от 05.04.2019).

Учредители:

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:

В. К. Левашов

Адрес регистрации:

117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru

Контакты редакционного отдела:

119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Ответственный секретарь – Гребняк Оксана Валерьевна

Материалы журнала размещены на сайте <http://scienceculturesociety.ru/>
Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

ISSN 2308-829X

Подписано в печать 11.12.2020 г. Формат 70x108 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,75. Заказ 3236 Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2 Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eeep@yandex.ru